

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

37 2024
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 37 (536) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшоода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Сюдзи Накамура* (1954), японский и американский физик, лауреат Нобелевской премии по физике.

Сюдзи Накамура родился 22 мая 1954 года в деревне Ёцухама, ныне Иката (префектура Эхимэ, Япония). Окончив университет в Токусиме по специальности «электроника», молодой специалист мог рассчитывать на работу в бурно развивавшихся в то время компаниях типа Sony или Toshiba, но он уже обзавёлся семьёй и переезжать в мегаполис с маленьким ребёнком не захотел. Поэтому он поступил в небольшую компанию Nichia Chemicals, которая находилась в том же городе и занималась производством фосфора для ЭЛТ и флуоресцентных ламп. Сюдзи попал в научно-исследовательскую лабораторию, состоявшую из трех человек, которые вели исследования галлия. Арсенид галлия и фосфид галлия были основой для изготовления красных и инфракрасных светодиодов, и Накамура решил попробовать себя в этой сфере.

Через три года ему удалось получить коммерческие кристаллы красных светодиодов из фосфида галлия, но они не могли конкурировать с изделиями, к примеру, Toshiba. Тогда Накамура переключился на арсенид галлия и через три года получил рабочие кристаллы, но история повторилась. Каждые три года он осваивал новые материалы, создавал рабочие образцы, но продаж не было, компания терпела убытки, и отношение к деятельности Накамуры становилось всё более негативным, хотя научные цели, которые ставил перед собой Накамура (для получения докторской степени ему были нужны публикации), были достигнуты. Ему даже удалось поработать приглашенным исследователем в Университете штата Флорида.

По прошествии десяти лет Накамура остался единственным сотрудником научно-исследовательской лаборатории Nichia. Это сделало его универсальным специалистом: он был и химиком, и технологом, и конструктором, а еще накопил уникальный опыт и получил чёткое понимание перспектив различных направлений в оптоэлектронике. Он понимал, что важнейшей задачей для всех коллективов, разрабатывающих светодиоды, стало создание ярких светоизлучающих диодов синего цвета. И Сюдзи пошел ва-банк, обратившись напрямую к владельцам Nichia Chemicals — Нобуо и Эджи Огава. К его удивлению, они согласились выделить 3 миллиона долларов на разработку синих светоизлучающих диодов.

В первую очередь Накамура приобрел реактор для осаждения пленок из паров металлоорганических соединений и занялся его усовершенствованием, создав в 1991 году свой знаменитый двухпоточковый метод. За счет подачи двух перпендикулярных потоков газа Накамуре удалось получить пленки нитрида галлия n-типа с уникально высокой подвижностью неосновных носителей. В следующем году он получил нитрид галлия p-типа и затем излучающий слой из InGaN. Итогом стало создание в конце 1993 года первого коммерческого образца синего светодиода.

В компании не сразу осознали значимость изобретения, но последовал вал поздравлений от коллег со всего мира, и стало

ясно, что прорыв совершен. Американская компания Cree, лидировавшая в области светоизлучающих диодов синего цвета на основе карбида кремния, тут же предложила производственный альянс, но Nichia отвергла это предложение, решив эксплуатировать «золотую жилу» самостоятельно.

Сюдзи Накамура тем временем продолжил свои изыскания и выпустил первый суперяркий InGaN — зеленый светодиод. Затем он переключился на лазерные диоды и создал первый ультрафиолетовый лазерный диод, который сделал возможным формирование нового рынка DVD-видеозаписи. А синие светоизлучающие диоды, изобретенные Накамурой, стали ключевым элементом всей современной оптоэлектроники.

К концу XX века Накамура возглавил лабораторию в Nichia, в которой насчитывалось уже 20 сотрудников, и сам он считался признанным авторитетом в индустрии оптоэлектроники. Однако в 2000 году изобретатель перебрался в США и начал работать в Университете штата Калифорния. Годом позже компания Cree пожертвовала университету 2,2 миллиона долларов на создание кафедры Solid State Lighting and Display, и Накамура стал ее профессором. Практически одновременно компания Mitsubishi создала свою кафедру, и ее профессор Стивен ДенБаарс, работавший ранее в компании Hewlett Packard, и Накамура создали и возглавили междисциплинарный исследовательский центр.

Вся эта деятельность пришлась не по душе компании Nichia, и в 2001 году она подала на Накамуру в суд, обвинив своего бывшего сотрудника в передаче технологических секретов конкурентам. Накамура ответил встречным иском, потребовав достойного вознаграждения за свои открытия. По японским законам все изобретения принадлежат компаниям, и Накамура лишь однажды получил премию в 200 долларов. Суд первой инстанции признал правоту Накамуры и присудил ему 189 млн долларов компенсации. По апелляции Nichia Токийский верховный суд снизил эту сумму до 8,1 миллиона долларов, но всё равно это была крупнейшая в истории Японии компенсационная выплата компании своему бывшему сотруднику.

В 2006 году Сюдзи Накамура был удостоен ежегодной премии правительства Финляндии Millennium Technology Prize за заслуги в создании новых источников света. По последним сведениям, Накамура и ДенБаарс активно работают над созданием нового поколения полупроводниковых лазеров для Blu-ray приложений.

В 2014 году Нобелевская премия по физике была вручена трем японским учёным «за изобретение эффективных синих светодиодов, которые привели к появлению ярких и энергосберегающих источников белого света». В числе награжденных, помимо Сюдзи Накамуры, оказались Исаму Акасаки (профессор университета Мейо) и Хироши Аmano (профессор университета Нагойи).

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Баходиров А. Б.

Криминологическая характеристика коррупционных преступлений в сфере государственной гражданской службы.....63

Белавина М. В.

Влияние индекса недвижимости рынка на правильность определения кадастровой стоимости66

Белячков И. Г.

Особенности рассмотрения налоговых споров арбитражным судом67

Богачкина Е. Е.

Понятие и правовая природа финансового контроля.....69

Булавина И. В.

Прокуратура Российской Федерации в структуре органов государственной власти ...72

Веткина Н. Э.

Личное имущество супругов в зарубежных странах.....74

Виноградова В. Д.

Понятие некоммерческих организаций и их отличительные признаки в гражданском законодательстве РФ76

Голенских М. Р.

Понятие коррупции в российском и международном уголовном праве78

Горбунова Е. В.

Правовые вопросы, связанные с оформлением прав на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского (семейного) капитала, в наследственном праве.....80

Гришина Ю. Э.

Этические стандарты поведения судьи81

Дабдина Н. А.

Пути совершенствования мер по обеспечению общественной безопасности.....83

Давыдова П. Ю.

Некоторые проблемные вопросы конституционных принципов судебной власти..... 84

Игнатов А. С.

Исковая давность в зарубежных странах.....85

Капитан А. С.

Сделки с заинтересованностью и крупные сделки в хозяйственных обществах.....88

Каша И. В.

Исковая давность и её гражданско-правовое значение.....92

Кремень В. Е.

Механизмы принуждения в финансовой сфере и их влияние на экономическую стабильность95

Кремень В. Е.

Об альтернативных правовых конструкциях регулирования мер принуждения за нарушение финансового законодательства.....99

Кругликова Е. А.

Распределение бремени доказывания в гражданском судопроизводстве 101

Кулешин В. С.

Меры уголовно-процессуального принуждения: проблемы правоприменения 103

Лобачев Д. С.

Сравнительно-правовой анализ института антикоррупционного права в России, Германии и Франции..... 105

Малицкая О. Ю.

О соотношении категорий «работник» и «самозанятое физическое лицо» 108

Мещанчук М. И.

Правовое регулирование договора об участии в долевом строительстве..... 109

Орлова Е. Ю.

Рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей в 2018–2023 годах... 111

Петрова Е. К.

О некоторых вопросах превышения пределов необходимой обороны..... 113

Попова Е. М.

Стимулирование решения спора путем мирового соглашения 115

Рожаяц А. Д. Обращение взыскания на имущество по долгам одного из супругов..... 116	Сенина Т. А. Ретроспектива развития арендных отношений 121
Саруханян М. К. Детерминанты миграционной преступности и актуальные проблемы её предупреждения 119	Сизякина Е. Ю. Правовые основы оказания гуманитарной помощи пострадавшим от чрезвычайной ситуации силами и средствами МЧС России ... 123

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Криминологическая характеристика коррупционных преступлений в сфере государственной гражданской службы

Баходиров Авазбек Баходирович, самостоятельный соискатель
Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

В статье автор проводит комплексное исследование криминологической характеристики коррупционных преступлений в сфере государственной гражданской службы. Анализируются статистические данные, рассматриваются теоретические подходы к пониманию коррупции, изучаются факторы, способствующие ее распространению. Особое внимание уделяется динамике, географии и механизмам совершения коррупционных преступлений, а также мерам по их предупреждению и противодействию.

Ключевые слова: коррупция, государственная гражданская служба, криминологическая характеристика, преступность, противодействие коррупции, криминология, должностные преступления, профилактика, латентность, виктимология.

Государственная гражданская служба является фундаментальным институтом государства и общества. Исследования показывают, что этот институт сыграл революционную роль в истории человечества, кардинально изменив жизнь людей и способствуя развитию цивилизации. Современная государственная гражданская служба обеспечивает функционирование общества во многих сферах: от регистрации рождения до оформления смерти, от образования до управления и распределения прав на землю. Любые нарушения в этой сфере, особенно связанные с коррупцией, наносят огромный ущерб государству, обществу и каждому человеку [1].

Для эффективной борьбы с коррупционными преступлениями необходимо тщательно изучить их криминологическую характеристику. Под криминологической характеристикой коррупционных преступлений мы понимаем комплекс взаимосвязанных показателей, отражающих различные аспекты этого негативного явления.

Согласно определению, предложенному В.Н. Кудрявцевым и В.Е. Эминовым, криминологическая характеристика представляет собой «научное описание криминологически значимых явлений, процессов, их закономерностей и тенденций развития» [2]. Развивая эту мысль, мы предлагаем рассматривать криминологическую характеристику коррупционных преступлений в сфере государственной гражданской службы как систему следующих элементов: состояние и количество коррупционных преступлений в определенных временных и пространственных границах; уровень и распространенность, показатель на душу населения; внутреннюю

структуру и качество коррупционных преступлений; характеристику личности субъекта; динамику, то есть изменение явления преступности во времени; географию, то есть распространенность определенного преступления на конкретной административной территории; степень общественной опасности; социальные последствия; латентность; степень раскрываемости; виктимологию; зарубежный опыт по данному виду преступлений. Каждый из этих элементов играет важную роль в понимании природы коррупционных преступлений и разработке эффективных мер противодействия.

Анализ данных Агентства по противодействию коррупции и материалов судебной практики позволил выявить следующую криминологическую характеристику коррупционных преступлений в Узбекистане:

В 2022 году было рассмотрено 4607 уголовных дел о коррупции в отношении 7414 лиц. В пересчете на душу населения это составляет 0.0001267 коррупционных преступлений на человека. Эти цифры, хотя и кажутся небольшими, вызывают серьезную озабоченность, учитывая высокую латентность коррупционных преступлений.

Внутренняя структура преступлений выглядит следующим образом: 3670 случаев хищения путем присвоения или растраты (ст. 167); 1289 случаев дачи взятки; 199 случаев получения взятки (ст. 210); 1162 случая мошенничества с коррупционной составляющей; 254 случая злоупотребления должностными полномочиями; 160 случаев служебного подлога (ст. 209); 680 других составов коррупционных преступлений.

Эта структура отражает разнообразие форм коррупционных проявлений в государственной службе. Преобладание хищений путем присвоения или растраты может свидетельствовать о недостаточном контроле за использованием государственных средств и имущества. Наибольшее число коррупционных преступлений совершается в сферах образования, здравоохранения и банковского дела. Это согласуется с международными исследованиями, которые указывают на повышенные коррупционные риски в этих областях.

Географически наибольшее количество коррупционных преступлений зафиксировано в Кашкадарьинской (563), Андижанской (553), Наманганской (536) и Ташкентской (417) областях. Эта география может быть связана с различными факторами, включая экономическое развитие регионов, эффективность местных правоохранительных органов и особенности региональной культуры. Из 7414 лиц, привлеченных к уголовной ответственности, 1482 были приговорены к лишению свободы, остальные — к штрафам, исправительным работам и другим видам наказания. Это соотношение (около 20% приговоренных к лишению свободы) примерно соответствует общей практике назначения наказаний за преступления в Узбекистане. Однако, учитывая высокую общественную опасность коррупционных преступлений, возможно, следует рассмотреть вопрос об ужесточении наказаний за эти деяния.

В 2022 году 1234 человека, совершивших коррупционные преступления, ранее были судимы, из них 506 — за коррупционные преступления. Эти данные указывают на высокий уровень рецидива среди коррупционеров, что подчеркивает необходимость не только наказания, но и эффективной ресоциализации и профилактики.

Механизм коррупционных преступлений различается в зависимости от конкретного состава преступления, но общими чертами являются:

- наличие полномочий в государственной службе;
- отклонение от служебных полномочий и обязанностей;
- наличие корыстного мотива;
- совершение преступлений с прямым умыслом.

Эти характеристики соответствуют классическому пониманию коррупции как злоупотребления служебным положением в личных целях.

Для более глубокого понимания криминологической характеристики коррупционных преступлений в сфере государственной гражданской службы необходимо рассмотреть ряд теоретических подходов и концепций. Теория рационального выбора, предложенная Гэри Беккером [3], предполагает, что индивиды, в том числе государственные служащие, принимают решение о совершении коррупционного действия на основе анализа потенциальных выгод и рисков. Согласно этой теории, для снижения уровня коррупции необходимо увеличивать риски (например, ужесточая наказания) и снижать потенциальные выгоды от коррупционных действий.

Теория социального контроля, разработанная Трэвисом Хирши [4], утверждает, что люди менее склонны совершать преступления, если они имеют сильные социальные связи и обязательства. В контексте коррупции это означает, что укрепление профессиональной этики, повышение престижа государственной службы и создание атмосферы нетерпимости к коррупции могут снизить ее уровень.

Теория аномии, предложенная Робертом Мертоном [3], объясняет коррупцию как результат разрыва между культурными целями (например, материальное благополучие) и институциональными средствами их достижения. В этом контексте коррупция может рассматриваться как «инновационный» способ достижения целей при отсутствии легитимных возможностей.

Применение этих теорий к анализу коррупционных преступлений в сфере государственной гражданской службы Узбекистана позволяет выделить следующие факторы, способствующие их распространению:

1. Экономические факторы: низкие зарплаты государственных служащих, значительное неравенство доходов в обществе.
2. Институциональные факторы: недостаточная прозрачность государственных процедур, слабость механизмов контроля.
3. Социально-культурные факторы: традиции «подарков» должностным лицам, низкий уровень правовой культуры.
4. Политические факторы: недостаточная политическая воля в борьбе с коррупцией, политизация государственной службы.

Каждый из этих факторов требует отдельного анализа и разработки специфических мер противодействия.

Особое внимание следует уделить проблеме латентности коррупционных преступлений. По оценкам экспертов, уровень латентности коррупционных преступлений может достигать 90–95%. Это означает, что официальная статистика отражает лишь «верхушку айсберга» реальной ситуации с коррупцией. Высокая латентность объясняется несколькими факторами:

1. Обоюдная заинтересованность участников коррупционной сделки в сокрытии преступления.
2. Сложность выявления и доказывания коррупционных преступлений.
3. Возможное давление на свидетелей и потерпевших.
4. Недоверие граждан к правоохранительным органам и нежелание сообщать о фактах коррупции.

Для снижения уровня латентности необходимо принимать комплексные меры, включая совершенствование методов выявления коррупционных преступлений, защиту заявителей о фактах коррупции, повышение доверия граждан к правоохранительным органам.

Виктимологический аспект коррупционных преступлений также заслуживает внимания. В отличие от многих других видов преступлений, в случае коррупции часто сложно однозначно определить жертву. Можно выделить несколько категорий потерпевших:

1. Государство и общество в целом, которые несут экономические и репутационные потери от коррупции.

2. Конкуренты коррумпированных предприятий, которые теряют возможности для честной конкуренции.

3. Граждане, которые не могут получить качественные государственные услуги из-за коррупции.

4. В некоторых случаях — сами взяточдатели, если они были вынуждены дать взятку под давлением обстоятельств.

Понимание виктимологического аспекта коррупции важно для разработки эффективных мер профилактики и защиты потенциальных жертв.

Отдельного внимания заслуживает проблема профилактики коррупционных преступлений. Согласно теории ситуационной профилактики преступности, разработанной Рональдом Кларком [5], для предотвращения преступлений необходимо изменять ситуации, в которых они могут быть совершены. Применительно к коррупционным преступлениям в сфере государственной гражданской службы это может включать:

1. Увеличение усилий, необходимых для совершения коррупционного действия (например, через усложнение процедур согласования решений).

2. Увеличение рисков для коррупционера (например, через усиление контроля и аудита).

3. Снижение выгод от коррупционного поведения (например, через ограничение дискреционных полномочий чиновников).

4. Устранение оправданий для коррупционного поведения (например, через четкое определение этических стандартов).

Реализация этих принципов может существенно снизить возможности для коррупционного поведения в сфере государственной гражданской службы.

Литература:

1. Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2013). Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty. Currency; Casari M. Emergence of Endogenous Legal Institutions: Property Rights and Community Governance in the Italian Alps. *The Journal of Economic History*, 2007;67 (1):191–226. doi:10.1017/S0022050707000071.
2. Криминология / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 1995. С. 211.
3. Мусейбов А. Г. Частные методики предупреждения преступлений. Воронеж, 2003. С. 81.
4. Wikström, P. O. H., & Kroneberg, C. (2022). Analytic criminology: Mechanisms and methods in the explanation of crime and its causes. *Annual Review of Criminology*, 5, 179–203.
5. Wang, K., Ma, Z., & Xia, Y. (2022). General strain theory and corruption among Grassroot Chinese public officials: A mixed-method study. *Deviant Behavior*, 43(4), 472–489.

Важным аспектом криминологической характеристики коррупционных преступлений является изучение личности преступника. Исследования показывают, что коррупционеры часто обладают следующими характеристиками:

1. Высокий уровень образования и профессиональной компетентности.

2. Развитые коммуникативные навыки и умение устанавливать неформальные связи.

3. Склонность к риску и авантюризму.

4. Гипертрофированное стремление к материальному благополучию.

5. Наличие определенных властных полномочий.

Понимание этих характеристик может помочь в разработке более эффективных мер профилактики и выявления коррупционных преступлений.

В заключение следует отметить, что криминологическая характеристика коррупционных преступлений в сфере государственной гражданской службы Узбекистана отражает сложность и многогранность этого явления. Высокий уровень латентности, разнообразие форм проявления коррупции, ее проникновение в различные сферы государственного управления требуют комплексного и системного подхода к противодействию этому явлению.

Успешная борьба с коррупцией в сфере государственной гражданской службы возможна только при условии сочетания эффективного законодательства, институциональных реформ, экономических мер, технологических инноваций и изменения общественного сознания. Опыт стран, добившихся значительных успехов в противодействии коррупции, показывает, что это долгосрочный процесс, требующий политической воли, последовательности и участия всего общества.

Влияние индекса недвижимости рынка на правильность определения кадастровой стоимости

Белавина Марина Владимировна, студент магистратуры
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В статье рассматриваются вопросы влияния государственной кадастровой оценки на налогообложение в зависимости от правильности ее определения. Рассматривается процедура применения индекса рынка недвижимости.

Ключевые слова: кадастровая стоимость, индекс рынка недвижимости, рыночная стоимость.

Кадастровая стоимость объектов недвижимости играет ключевую роль в формировании доходной части бюджета и определении налоговой нагрузки на собственников.

Следует согласиться с Н. А. Киселевой что «от показателей кадастровой оценки напрямую зависит объем взимаемых налогов и объем денежных средств, поступающих в бюджеты двух уровней. Помимо этого, определение кадастровой стоимости производится на основе наиболее эффективного уровня использования объекта, что приводит к максимизации его стоимости» [1, с. 25].

В большинстве случаев использование обобщенных статистических методов с точки зрения оценки качества приводит к неправильному определению кадастровой стоимости.

В этой связи методология определения кадастровой стоимости и факторы, учитываемые при ее расчете, имеют принципиальное значение. Массовая оценка, основанная на методологических принципах, влияет на налоговые обязательства, определенные государством. Однако судебное признание рыночной стоимости, часто определяемое по другим критериям, таким как спрос и предложение на рынке, ставит под сомнение точность установленной кадастровой стоимости. В связи с этим возникает вопрос о необходимости учитывать рыночные условия при первоначальном определении стоимости объектов для налоговых целей. Это может потребовать не только повторной оценки в ответ на заявленные претензии, но и адаптации методологии оценки под текущие рыночные условия.

Таким образом, для обеспечения более справедливого и точного определения налоговой базы и других доходов важно учитывать не только установленные методы оценки, но и рыночные факторы, которые могут значительно влиять на реальную стоимость недвижимости.

Федеральным законом от 03.07.2016 года «О государственной кадастровой оценке» № 237-ФЗ (далее — закон № 237-ФЗ) предусмотрен порядок применения индекса рынка недвижимости. Индексы рынка недвижимости используются для изменения кадастровой стоимости, сведения о которой содержатся в ЕГРН.

Утверждая указанные нормы, законодатель предполагает, что в случае значительного изменения показателей рынка недвижимости, характеризующих эти объекты, кадастровая стоимость недвижимости может быть скорректирована.

Приказом Росреестра от 06.08.2020 года № П/0281 «Об утверждении Порядка расчета и размещения индексов рынка недвижимости» утверждена соответствующая процедура расчета и размещения индексов рынка недвижимости с последующим размещением на официальном сайте Росреестра [3].

Если индекс рынка недвижимости снижается более чем на тридцать процентов по сравнению с индексом года, следующего за годом проведения последней кадастровой оценки, ППК «Роскадастр» обязана пересчитать кадастровую стоимость таких объектов. Новая кадастровая стоимость будет определена путем умножения текущей стоимости на новый индекс рынка недвижимости. Механизм предполагалось реализовать следующим образом: расчет должен производиться исходя из данных Росреестра о ценах сделок с конкретными объектами недвижимости по отдельности для каждого объекта недвижимости и для каждого субъекта РФ по состоянию на 1 января.

Поэтому, если показатель будет превышать прошлогодний свыше тридцати процентов, рассчитанная для него кадастровая стоимость всех объектов недвижимости в регионе «автоматически» снизится — пропорционально показателю.

Данное положение закона направлено на защиту интересов собственников и арендаторов недвижимости, обеспечивая справедливость налогообложения и других платежей, основанных на кадастровой стоимости, в случае существенных изменений на рынке недвижимости.

При изучении данного порядка можно сделать вывод, что данный подход малоизучен и порядок его применения несовершенно, практически отсутствует научная литература в изучении данного направления.

Исходя из показателей индексов рынка недвижимости равным 1 (единице), размещенных на сайте Росреестра за период 2020–2024 гг. по субъектам страны в разрезе объектов недвижимости, наблюдается, что данный подход не реализуется должным образом исходя из цели его применения, заложенным в законодательстве.

К данному выводу приходит В. Савиных, утверждающий, что «невозможно сказать, в какой степени снижение кадастровой стоимости связано с уточнением кадастровой стоимости, а в какой — с её актуализацией, то можно с уверенностью утверждать, что в настоящий момент индекс рынка недвижимости не отражает ничего, ни

качество кадастровой оценки, ни динамику рынка недвижимости» [3].

Адекватно установленная оценка недвижимости является необходимым условием эффективного функционирования экономики. Допуская возможность оспорить кадастровую стоимость, законодатель понимает о несовершенствах определения кадастровой стоимости, влияющих непосредственно на налогообложение.

Проблема, с точки зрения законодательства, может быть решена также путем применения индекса рынка не-

движимости, но как показал проведенный анализ статистических данных данный подход не используется, что собственно и приводит к возникновению споров о стоимости. Одним из решения проблемы предлагается рассмотреть создание единой информационной системы, которая позволит точнее актуализировать данные о сделках и применения индексов рынка, с учетом данных из базы данных судебных решений по спорам, связанных с установлением кадастровой стоимости в размере рыночной.

Литература:

1. Киселева, Н. А. Правовое регулирование и вопросы правоприменения института оценки / Н. А. Киселева.— Текст: непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление.— 2023.— № 12.— С. 25–28.
2. Приказ Росреестра от 06.08.2020 № П/0281 «Об утверждении Порядка расчета и размещения индексов рынка недвижимости». — Документ опубликован не был // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
3. Савиных, В. Индекс рынка недвижимости как показатель, не отражающий ничего / В. Савиных.— Текст: электронный // Центр развития кадастровой стоимости: [сайт].— URL: <https://www.crkads.ru/post/индекс-рынка-недвижимости-как-показатель-не-отражающий-ничего> (дата обращения: 18.07.2024).

Особенности рассмотрения налоговых споров арбитражным судом

Белячков Илья Геннадьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Мыктыбаев Талгат Дуйсенбиевич, кандидат технических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор исследует особенности рассмотрения налоговых споров в арбитражном судопроизводстве.

Ключевые слова: налоговый спор, арбитражный суд, суд общей юрисдикции, арбитражная практика, арбитражный суд.

Арбитражные налоговые споры — это разбирательства, которые затрагивают сферу налогообложения хозяйствующего объекта. К таким спорам относятся задолженность по обязательным выплатам в бюджет, выявленные нарушения порядка расчетов сумм налогов, подачи отчетности, сроков уплаты, возврата излишне уплаченных средств и т.д. Рассмотрение подобных споров непосредственно в арбитражном суде — порой единственный законный способ восстановить справедливость. Решение арбитража в пользу юридического лица позволяет значительно снизить налоговую нагрузку компании.

В юридической литературе сложилось определенное понимание термина «налоговый спор». По мнению В.Н. Назарова, в самом общем случае налоговые споры рассматриваются как разновидность экономических споров, вытекающих из административных правоотношений. В то же время, как полагает ученый, это юридическая ситуация, в основе которой лежат разногласия между лицами, обязанными платить налоги, и другими участниками налоговых правоотношений с одной стороны и государственными органами, и их должностными лицами — с другой, возникающие по поводу правильности применения норм налогового права [1, с. 26].

Аналогичное определение дает С.В. Овсянников, который понимает налоговый спор как протекающий в определенной правовой форме и разрешаемый компетентными органами юридический спор между государством с одной стороны и иными участниками налогового правоотношения — с другой, связанный с исчислением и уплатой налогов [2, с. 145].

С точки зрения Е.Б. Лупарева, налоговый спор представляет собой конфликтное публичное правоотношение, связанное с уплатой налогов, сборов и иных налоговых платежей, направленное на защиту интересов налогоплательщика и публичных финансовых интересов государства и муниципальных образований [3, с. 31].

Таким образом, налоговый спор рассматривается как конфликтная ситуация, возникающая из налоговых правоотношений между налогоплательщиками и уполномоченными органами по взиманию налогов и сборов.

Процедура обращения в арбитражный суд по разногласиям в сфере налогообложения отличается от искового судопроизводства в судах общей компетенции. Особенностью налоговых споров являются: Сроки подачи иска — законодательно закреплено право несогласной стороны подать заявление в арбитраж в течение

3 месяцев с той даты, когда стало известно о нарушении. В случае обжалования решения органов НС срок сокращается до 10 суток с момента получения экземпляра обжалуемого документа.

Предварительное урегулирование — процессуальное право сторон решить спорный вопрос в досудебном порядке. Максимальный срок рассмотрения спора — 2 месяца, в случае рассмотрения заявления представителя ФНС о применении санкций к нарушителям налогового законодательства срок рассмотрения увеличивается до 3 месяцев. Сбор доказательств — представители налоговой службы обязаны предоставлять подтверждения нарушения налогового законодательства хозяйствующим субъектом. Представитель бизнеса вправе не давать пояснений по поводу требований НС. Однако бизнесменам рекомендуется использовать право оспорить доводы сотрудников ФНС и выстроить линию защиты от нападков с помощью профессионального арбитражного адвоката. Такой подход целесообразен, так как при отрицательном решении арбитража нет процессуальной возможности повторно обжаловать в арбитраже тот же документ налоговой службы. Заявителю необходимо уже на первом этапе судебного разбирательства убедительно обосновать свою позицию.

Виды налоговых споров, рассматриваемых в арбитражном суде

Конфронтация с налоговой службой редко заканчивается на стадии претензий, пояснений. Часто споры по налогообложению приходится решать в судебном порядке. С иском о разрешении налогового спора могут обратиться в арбитраж следующие заявители:

- Налогоплательщики — налоговые агенты, к которым относятся юридические лица и ИП.
- Представители органов ИФНС.
- Сотрудники таможенной службы — в рамках компетенции (таможенные сборы, пошлины и налоги).
- Иные лица, задействованные в правоотношениях, связанных с налогообложением.

К иным участникам налоговых правоотношений относятся лица, которые влияют на результаты деятельности компании.

Юридические лица и ИП могут обратиться в налоговый арбитраж по таким основаниям, как:

- Обжалование НПА в сфере налогов и сборов.
- Необоснованность ненормативных документов ИФНС, неправомерные действия сотрудников.
- Отказ налоговой службы возмещать суммы начисленного НДС.
- Обжалование доначисленных обязательных платежей и наложенных санкций, например, снятие средств с банковских счетов налогоплательщика.
- Возвращение излишне уплаченных налогоплательщиком средств.
- Возмещение ущерба, причиненного необоснованным решением НС или неправомерными действиями должностных лиц.

Представители ФНС, уполномоченные лица, могут обратиться в арбитражный суд с заявлением:

- О взыскании сумм начисленных, доначисленных обязательных платежей, а также наложении санкций и мер административного воздействия на налогоплательщика.
- О привлечении к административной ответственности за совершение налогового правонарушения.
- Арбитражные суды в процессе рассмотрения налоговых споров руководствуются нормами НК РФ и АПК РФ.

Оценка судебной практики по налоговым спорам. В ходе проведения оценки рассмотрения налоговых споров и материалов дел с участием одной из инспекций, которые были рассмотрены арбитражными судами, проанализировано, что за 4-й квартал 2022 г. рассмотрено (с учетом судов апелляционной и кассационной инстанций) 9 судебных дел (без учета судебных приказов и без учета судебных дел в судах общей юрисдикции по взысканию задолженности по имущественным налогам), из которых в пользу налогоплательщиков рассмотрено 3 дела (33%), 2 дела рассмотрено частично (22%), по 4 делам судом требования налогового органа удовлетворены полностью (44%).

Анализ результатов рассмотрения судами налоговых споров за 4-й квартал 2020 г. в сравнении с аналогичными показателями за 4-й квартал 2019 г. показал аналогичное общее количество рассмотренных в 4-м квартале 2020 г. дел (в 4-м квартале 2019 г. — 9 (без учета судебных приказов и судебных споров в судах общей юрисдикции по взысканию задолженности по имущественным налогам)).

За 4-й квартал 2019 г. по юридическим лицам рассмотрено 9 дел (с учетом судов апелляционной и кассационной инстанций) на сумму 60 274,0 тыс. руб., 5 из которых (56%) рассмотрено в пользу налогового органа, в пользу налогоплательщика рассмотрено 2 дела (22%), 2 (22%) спора рассмотрено частично в пользу налогоплательщика. 2 (22%) дела направлено вышестоящей инстанцией на новое рассмотрение. Споры с индивидуальными предпринимателями С., К. (2 дела) и С. на сумму 1160,0 тыс. руб. рассмотрены — 3 (75%) в пользу налогового органа, 1 (25%) в пользу налогоплательщика. По физическим лицам рассмотрено 4 дела на общую сумму 3724,0 тыс. руб. Оба дела рассмотрены в пользу налогового органа.

Соотношение по суммам, рассмотренным в пользу налогового органа, к общей сумме рассмотренных требований распределяется следующим образом: по юридическим лицам — 92%; по предпринимателям — 75%; по физическим лицам — 100%.

Итоговый процент соотношения по суммам, рассмотренным в пользу налогового органа, к общей сумме рассмотренных требований составляет в 4-м квартале 2019 г. 93%.

В результате проведенного исследования были выявлены и проанализированы особенности рассмотрения на-

логовых споров арбитражным судом. В частности, было установлено, что арбитражный суд является основным судебным органом, рассматривающим налоговые споры, возникающие между налогоплательщиками и налоговыми органами. При этом арбитражный суд руководствуется нормами налогового законодательства и другими федеральными законами, а также принимает во внимание сложившуюся судебную практику.

Ключевыми особенностями рассмотрения налоговых споров арбитражным судом являются:

1. Специальность арбитражного суда: арбитражный суд рассматривает налоговые споры в качестве специализированного судебного органа, что позволяет ему учитывать специфику налоговых правоотношений и применять соответствующие нормы права.

2. Подведомственность налоговых споров: налоговые споры подведомственны арбитражному суду, за исключением некоторых категорий дел, которые рассматриваются судами общей юрисдикции.

3. Срочность рассмотрения: арбитражный суд рассматривает налоговые споры в установленные законом сроки, что позволяет оперативно разрешать возникшие

разногласия между налогоплательщиками и налоговыми органами.

4. Участие сторон: в рассмотрении налоговых споров участвуют налогоплательщик и налоговый орган, которые имеют равные права и обязанности в суде.

5. Доказательственная база: арбитражный суд рассматривает доказательства, представленные сторонами, и принимает решение на основе полного и всестороннего исследования обстоятельств дела.

В заключение можно отметить, что рассмотрение налоговых споров арбитражным судом является важным институтом защиты прав и законных интересов налогоплательщиков и налоговых органов. Арбитражный суд, как специализированный судебный орган, способен эффективно разрешать возникающие разногласия и обеспечивать исполнение налогового законодательства.

Вместе с тем, актуальными проблемами в данной сфере являются совершенствование процедур рассмотрения налоговых споров, а также повышение квалификации судей и других участников процесса, что позволит повысить качество судебной защиты прав и законных интересов сторон налоговых споров.

Литература:

1. Назаров, В. Н. К вопросу о дефиниции и классификации споров, возникающих в связи с взиманием налогов и сборов / В. Н. Назаров // Финансовое право. — 2007. — № 10. — С. 26–28.
2. Овсянников, С. В. Налоговые споры в арбитражном суде (общая характеристика) / С. В. Овсянников // Правоведение. — 1996. — № 3. — С. 145, 146.
3. Лупарев, Е. Б. Налоговые споры: проблемы теории, очерки практики: монография / Е. Б. Лупарев. — Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2006. — 236 с.
4. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. — (дата обращения: 10.09.2024).
5. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (АПК РФ) (с изм. и доп. от 29.12.2022, с изм. от 05.01.2024).
6. Рудовер, Ю. В. Финансово-правовое регулирование ответственности за нарушение законодательства РФ о налогах и сборах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Рудовер Ю. В. — М., 2013. — 28 с.
7. Рыбакова, С. В. Налоговый спор в аспекте гарантий прав налогоплательщиков / С. В. Рыбакова, И. А. Калинина // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 1. — С. 141–150.

Понятие и правовая природа финансового контроля

Богачкина Елена Евгеньевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию концепции финансового контроля в контексте финансового права. Обращено внимание на отсутствие четких нормативных определений для данного термина, что приводит к разнообразным трактовкам и недостаткам в практическом применении. Анализируется мнение различных ученых о сущности финансового контроля, который рассматривается как механизм, обеспечивающий законность и целесообразность в распределении и использовании финансовых ресурсов. Автор уделяет внимание функциям и задачам финансового контроля, и тому какую роль они играют в обеспечении государственной безопасности. В заключении подчеркивается, что финансовый контроль является необходимым элементом государственной финансовой деятельности, обеспечивающий соблюдение законодательства и способствующий эффективному развитию как государства, так и муниципальных органов власти.

Ключевые слова: финансовый контроль, государственная проверка, правовая природа, государство, финансы.

The concept of and legal nature of financial control

The article is devoted to the study of the concept of financial control in the context of financial law, drawing attention to the lack of clear regulatory definitions for this term, which leads to various interpretations and shortcomings in practical application. The opinion of various scientists on the essence of financial control is analyzed, which is considered as a mechanism ensuring legality and expediency in the allocation and use of financial resources. The author pays great attention to the functions and tasks of financial control, and what role they play in ensuring state security. In conclusion, it is emphasized that financial control is an essential element of state financial activities, ensuring compliance with legislation and contributing to the effective development of both the state and municipal authorities.

Keywords: financial control, state audit, legal nature, state, finance.

В контексте финансового права существует значительное количество понятий, для которых не разработаны однозначные нормативные определения. Рассматриваемая область характеризуется юридической неопределенностью и многозначностью терминов, что создает сложности в правоприменительной практике и научной дискуссии. Одним из таких дискуссионных определений является «финансовый контроль». В настоящее время термин «бюджетный контроль» воспринимается как синоним «финансовому контролю». Это определение закреплено в Бюджетном кодексе Российской Федерации и служит основой для понимания данного правового института. В то же время его использование, к сожалению, усугубляет существующие проблемы, связанные с толкованием термина «финансовый контроль». Ограничение понятия государственного финансового контроля исключительно рамками бюджетного определения некорректно, поскольку это понятие охватывает более широкий экономический и управленческий спектры.

Учёные дают разнообразные определения термина «финансовый контроль». Взгляд Ручкиной Г.Ф. [3, с. 88] заключается в том, что данный контроль следует рассматривать как деятельность, регламентированную законом, выполняемую уполномоченными органами, учреждениями и должностными лицами. Основная задача такой деятельности — это оценка соответствия действий подконтрольных субъектов установленным нормам законодательства и нормативным актам. А. Ашмарина [1, с. 49] определяет финансовый контроль как совокупность мероприятий, проводимых контролирующими органами, направленных на оценку законности и целесообразности финансовых операций. Н. И. Химичев [4, с. 100] и А. Л. Апель рассматривают финансовый контроль как инструмент, предназначенный для мониторинга соблюдения правовых норм в процессе формирования и использования финансовых ресурсов как на федеральном, так и на региональных уровнях. С. О. Шохин [5, с. 37] рассматривает «финансовый контроль» как систему институтов и механизмов, предназначенных для оценки правомерности и обоснованности действий, связанных с процессами формирования и распределения финансовых ресурсов.

Таким образом, проанализировав все вышеперечисленные определения, можно сделать вывод, что финан-

совый контроль представляет собой совокупность мероприятий и механизмов, реализуемых уполномоченными органами с целью оценки правомерности распределения и использования финансовых ресурсов.

Финансовый контроль является важным компонентом государственной финансовой деятельности, который тесно интегрирован с процессами формирования, распределения и расходования государственных финансовых средств. Эффективность реализации государственных задач в значительной степени определяется качеством организации финансового контроля, который обеспечивает надзор за целевым расходованием бюджетных ресурсов. Таким образом, осуществление контроля за выполнением государственных задач является необходимым условием для рационального и эффективного управления государственными финансами.

Необходимо подчеркнуть, что финансовый контроль представляет собой многогранный процесс, включающий не только этапы проверки и ревизионной деятельности, но и оперативное реагирование на выявленные нарушения в финансовой сфере. Актуальность исследования функций и роли финансового контроля значительно возрастает в условиях проводимых реформ, что обуславливает необходимость комплексного анализа данного института в настоящее время.

В результате проведенного анализа установлены основные аспекты, касающиеся природы и функций финансового контроля. Этот контроль осуществляется исключительно в рамках финансовых взаимоотношений, которые формируются в процессе накопления, распределения и использования как централизованных, так и децентрализованных фондов денежных ресурсов. Финансовый контроль можно определить как совокупность действий, предпринимаемых органами государственной и муниципальной власти, с целью идентификации, предотвращения и устранения ряда негативных явлений. К таким явлениям относятся неправомерное использование бюджетных средств, нарушения норм финансового законодательства, угрозы финансовой устойчивости государства, а также недостатки в управлении финансово-хозяйственной деятельностью государственных органов. Эти функции финансового контроля направлены на обеспечение прозрачности и эффективности использования

бюджетных ресурсов, что является критически важным для стабильности и развития экономики страны [2, с. 67].

Мы полагаем, что все операции с денежными средствами находятся в рамках финансового контроля. В данном контексте, когда предметом проверки и анализа являются одни и те же элементы, в системе финансового контроля производится специализированная оценка их состояния с учетом специфики выполняемых функций. Например, в процессе оценки эффективности управления в банковских учреждениях аудиторы проводят анализ сформированных резервов, что имеет непосредственное воздействие на налогооблагаемую базу.

Задачи финансового контроля играют ключевую роль в обеспечении экономической стабильности и эффективности государственного управления. Среди основных задач можно выделить следующие:

— обеспечение согласованности между объемами бюджетных средств и реальными потребностями в финансовых ресурсах, что способствует не только оптимизации управления финансовыми потоками, но и обеспечивает более точное планирование и распределение ресурсов, что в свою очередь укрепляет финансовую систему в целом.

— выполнение финансовых обязательств перед государственными структурами. Данная задача способствует укреплению стабильности и надежности в государственном секторе.

— создание внутренних резервов для увеличения финансовых ресурсов государственных учреждений. Данное направление позволяет государственным учреждениям более эффективно использовать имеющиеся ресурсы, а также находить дополнительные источники финансирования, необходимые для выполнения своих функций.

— создание благоприятных условий для оптимального использования материальных и финансовых ресурсов,

а также для ведения качественного бухгалтерского учета и подготовки отчетности, служит фундаментом для обеспечения прозрачности и ответственности в деятельности государственных учреждений. Это, в свою очередь, способствует укреплению доверия населения к государственным финансовым системам.

— ужесточение финансовых норм в области налогообложения для хозяйствующих субъектов является необходимым шагом к обеспечению соблюдения налоговых обязательств и повышению прозрачности финансовых операций. Благодаря этому формируется легальная и стабильная налоговая база, необходимая для финансирования государственных расходов.

Таким образом, реализация перечисленных задач финансового контроля создает основу для устойчивого развития экономики и повышения эффективности управления государственными финансами, что в конечном итоге способствует улучшению благосостояния общества в целом. [4, с. 132].

Финансовый контроль является неотъемлемой частью эффективного управления ресурсами на всех уровнях управления — от государственного до муниципального. Его ключевая роль заключается в обеспечении законности, эффективности и устойчивости ресурсов, что способствует более сбалансированному и оправданному использованию финансовых средств.

Таким образом, финансовый контроль должен рассматриваться как динамично развивающийся институт, который требует тщательного внимания и периодической переоценки с учетом изменений в экономической, социальной и правовой среде. Эффективная организация и осуществление финансового контроля становятся не только важным инструментом в управлении государственными финансами, но и необходимым условием для достижения устойчивого развития общества в целом.

Литература:

1. Ашмарина Е.Н. Финансовое право: учебник для среднего профессионального образования / Е. Н. Ашмарина. М.: Юрайт, 2020. 300 с.
2. Землин А. И. Финансовое право Российской Федерации: учебник для вузов / А. И. Землин. М.: Юрайт, 2020. 360 с.
3. Ручкина Г. Ф. Финансовое право: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Г. Ф. Ручкина. М.: Юрайт, 2020. 350 с.
4. Химичева Н. И., Покачалова Е. В. Финансовое право / отв. ред. Н. И. Химичева. М.: Норма, 2015. 420 с.
5. Шохин С. О. Финансовое право — время перемен // Финансовое право. 2014. № 2. С. 30–37.
6. Ялбулганов А. А. Новый категориальный аппарат государственного финансового контроля // Финансовое право. 2014. № 8. С. 132–137.

Прокуратура Российской Федерации в структуре органов государственной власти

Булавина Ирина Владимировна, преподаватель
ЧУ ПО Юридический полицейский колледж (г. Тула)

В данной публикации исследуется надзорная сущность российской прокуратуры и определяется ее место в структуре органов государственной власти.

Ключевые слова: прокуратура, надзор, власть, государственный орган, защита, права.

Соблюдение законности — это важнейшая задача государственного уровня, от реализации которой зависит стабильное развитие общественно-экономических и социально-культурных отношений любого государства.

В Конституции Российской Федерации [1] в ст. 1 закреплена норма, которая декларирует статус Российской Федерации как правового государства, что подразумевает верховенство закона на всей его территории, а также надзор за исполнением законов и законностью деятельности государственных органов во всех сферах жизнедеятельности общества.

Прокуратура Российской Федерации, являясь правоохранительным органом, реализует основные функции, среди которых главное место занимает надзорная [2]. При ее реализации прокурорами выявляются, устраняются и предупреждаются нарушения законов, им способствующие обстоятельства; устанавливаются виновные лица и негативные последствия, наступившие в результате их незаконной деятельности.

Основным полномочием прокурора является его право как должностного лица осуществлять проверки, на предмет соответствия закону деятельности конкретных органов государственной власти, организаций, должностных лиц, и в случае выявления нарушений незамедлительно реагировать, используя соответствующий акт прокурорского реагирования (протест, представление, постановление, предостережение) для устранения данного нарушения, а также последующее привлечение виновного лица (организации) к ответственности.

Для того, чтобы понять истинную сущность и предназначение прокуратуры Российской Федерации, необходимо определить ее место в структуре государственных органов, характер и степень взаимодействия с иными государственными ведомствами и учреждениями.

Наш анализ следует начать с основ — указать на норму Конституции Российской Федерации [1] — ст. 10, где провозглашается принцип разделения властей, в основу которого положено отграничение друг от друга таких ветвей государственной власти, как законодательная, исполнительная и судебная, которые являются полностью самостоятельными и обособленными.

Таким образом, мы можем сделать промежуточный вывод о том, что все государственные органы Российской Федерации относятся к одной из трех выше названных ветвей власти и реализуют возложенные на них задачи с целью эффективного внутреннего взаимо-

действия и единства. Иными словами, государственные учреждения, органы, ведомства в какой бы юридической форме они ни были организованы, на них возложены конкретные задачи, решение которых обеспечивает работу конкретной ветви государственной власти и в целом государственного механизма.

Однако, среди государственных организаций и должностных лиц существуют и такие, которые нельзя отнести ни к одной из указанных выше ветвей власти, то есть они занимают промежуточное положение. Это ни в коем случае не говорит о том, что их значение опосредовано для государства и их необходимость имеет ситуативный, временный или даже факультативный характер. На наш взгляд, эти органы не могут быть четко отнесены к какой-либо ветви власти по двум причинам, которые кроются в специфике выполняемых ими функций: во-первых, эти функции имеют контролирующий (надзорный) характер, а, во-вторых, они выполняют координирующую роль, сопоставляя деятельность разнородных государственных структур друг с другом.

Ярким примером такого органа, вернее сказать, должностного лица, выступает должность Президента Российской Федерации, без которого не видится возможным отлаженное взаимодействие всех государственных органов вместе взятых.

Интересно на этот счет узнать мнение самих работников прокуратуры, как они понимают место прокуратуры Российской Федерации, относят ли ее к какой-то конкретной ветви власти?

По этому поводу М.Ю. Кривелев провел практический статистический опрос более чем полутора сотен работников данного органа, при этом анкетирование имело место в восьми федеральных округах Российской Федерации [4, с. 114–117].

По результатам проведенного исследования были получены следующие данные:

- половина всех опрошенных не относит прокуратуру Российской Федерации ни к одной из трех ветвей власти и указывает на ее особый статус, который определяет функционирование системы сдержек и противовесов. Иными словами, по мнению данной группы респондентов, прокуратура Российской Федерации обеспечивает координирующую роль между органами власти разных видов и уровней;

- более трети опрошенных указывают на особую роль прокуратуры Российской Федерации и обособляют ее в отдельную (четвертую) ветвь власти;

– оставшаяся часть опрошенных, которая в своей совокупности занимает менее десяти процентов от общего числа, проявила достаточно вариативные подходы при квалификации роли и места прокуратуры Российской Федерации в системе органов государственной власти. Ее отнесли к обособленной президентской власти, также высказывались мнения, что она является частью судебной власти, и некоторые высказались в пользу ее отнесения к органам исполнительной власти.

Безусловно, все высказанные позиции не лишены логики и здравого смысла и претендуют на истину. Однако, мы склонны присоединиться к первой группе респондентов, которые считают прокуратуру Российской Федерации координирующим правоохранительным органом, посредством деятельности которого функционирует механизм сдержек и противовесов.

Некоторые исследователи находят общие точки соприкосновения прокуратуры Российской Федерации с законодательной ветвью власти, указывая на то, что, за счет наличия у прокуратуры контрольно-распорядительного функционала, становится возможным обеспечивать фактическую реализацию принятых законов за счет осуществления постоянного прокурорского надзора за исполнением действующего законодательства [5, с. 5–6].

Существует также позиция, согласно которой, прокуратура Российской Федерации входит в состав Министерства юстиции РФ или как альтернатива такой позиции — в состав судебной системы, так как обеспечивает надзор за осуществлением уголовного преследования, поддерживает обвинение в суде в рамках уголовного судопроизводства [3, с. 32]. Данная позиция во многом объясняется историческими особенностями развития российской прокуратуры, где в период самодержавия России, она являлась частью судебной системы, а до недавнего времени, вообще выполняла функцию по возбуждению уголовных дел [6, с. 602].

Если гипотетически предположить, что прокуратура Российской Федерации будет законодательно отнесена к одной из ветвей власти, то сразу же возникнет дисбаланс в системе сдержек и противовесов, что приведет

к доминированию какой-то определенной ветви государственной власти над другими, так как функция контроля за режимом законности перейдет в «одни руки» и будет узурпирована в ущерб правопорядку в обществе и нормального функционирования всех отраслей народного хозяйства.

С другой стороны, если же, опять-таки, гипотетически, отказаться от института прокурорского надзора и передать эту функцию, к примеру, министерству внутренних дел, относящемуся к органу исполнительной власти, то, во-первых, мы придем к ситуации, о которой говорили выше, а, во-вторых, это приведет к избирательности (выборочности) надзорной деятельности, так как у МВД Российской Федерации отсутствует соответствующая компетенция на вмешательство в деятельность всех иных государственных и муниципальных органов, а также эта функция чужда для стражей правопорядка.

Таким образом, в обобщение вышесказанного, можно вернуться к тезису о том, что прокуратура Российской Федерации рассматривается как четвертая ветвь власти. Да, можно отчасти согласиться с данной позицией, но, по нашему мнению, ветвь государственной власти не может осуществлять контроль (надзор) за деятельностью других ветвей власти, так как это приведет к нивелированию системы сдержек и противовесов. Поэтому приходим к выводу, что прокуратура Российской Федерации не относится ни юридически, ни фактически, ни к одной из трех ветвей власти, а также не является обособленной ветвью власти. Данный государственный орган полностью самостоятелен и обособлен, так как реализует надзорно-координирующую функцию в системе сдержек и противовесов.

Однако, если все же провести проекции на действующие органы государственной власти, то, бесспорно, прокуратура имеет начала исполнительного органа власти, так как вся ее деятельность построена на императивном характере и, в большей своей части, осуществляется в отношении органов исполнительной власти. Хотя, опять же, повторимся, де-юре, она не относится ни к одной из ветвей государственной власти.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.05.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета, № 39, 18.02.1992
3. Велиев И. В. Место прокуратуры в системе органов государственной власти Российской Федерации // Современное право. 2021. № 10. С. 32–35.
4. Кривелева М. Ю. Место прокуратуры в механизме современного российского государства // Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы: сборник научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции, Гатчина, 25 декабря 2020 года. — Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2021. С. 114–117.
5. Мингалимова М. Ф. Роль органов прокуратуры в обеспечении законности и соблюдении правопорядка в современном обществе // Законность и правопорядок в современном обществе. 2020. С. 5–6.

6. Рогачева В.Н. Заключение прокурора в гражданском судопроизводстве // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 602–606.

Личное имущество супругов в зарубежных странах

Веткина Надежда Эдуардовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Онищенко Ирина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В работе раскрыты отдельные аспекты, связанные с правовым регулированием и правоприменительной практикой института личного имущества супругов в зарубежных странах. Автор обращает внимание на разнообразие норм в разных правовых семьях, раскрывает сущность разных режимов имущества супругов.

Ключевые слова: брак, супруги, личное имущество, общее имущество, режим имущества, долги.

В основе семьи лежат не только духовные начала, но и материальные отношения между ее членами, в первую очередь, между супругами. В момент вступления в брак люди образуют малую социальную группу (объединение), но при этом не перестают быть самостоятельными субъектами права, именно поэтому не все имущество, имеющееся у супругов и приобретаемое ими во время брака, является общим.

В зависимости от возможности формирования общего имущества у супругов выделяют три вида законного режима их имущества: режим общности (Франция, Италия), режим раздельности (Великобритания) и режим отложенной общности (Германия, страны Скандинавии).

В основе режима общности лежит следующая презумпция: все имущество, полученное супругами в период брака, считается общим (если иное не предусмотрено соглашением между ними), за исключением того имущества, которое законом определено как личное.

Режим общности действует во Франции. Французский гражданский кодекс устанавливает автономию супругов в управлении личным имуществом (ст. 225): каждый из них самостоятельно владеет, пользуется и распоряжается личным имуществом, расплачивается им по своим личным обязательствам. При этом во Французском гражданском кодексе выделяется четыре категории личного имущества.

К первой группе относится имущество, которое считается личным по своей природе (ст. 1404 Французского гражданского кодекса) [2]. В эту категорию входят личные предметы личного пользования, права требования, связанные с личностью (в том числе о выплате компенсации морального вреда и телесных повреждений, пенсий и пособий), рабочие инструменты, необходимые для занятия профессиональной деятельностью, а также все прочие имущественные и личные права, связанные непосредственно с личностью супруга.

Вторая категория — вещи, являющиеся личными по происхождению (ст. 1405 Французского гражданского кодекса) [2]. Это имущество, приобретенное до брака,

а также недвижимое имущество, которое приобретено в браке, но только в порядке наследования, по семейному соглашению или в качестве подарка.

Третья категория — приращения и принадлежности к личному имуществу, относящемуся к другим категориям (ст. 1406 Французского гражданского кодекса) [2]. При этом в соответствии со ст. 1408 Французского гражданского кодекса приобретение части имущества не создает общности. Например, если супруг во время брака наследует 1/3 в праве собственности на дом, а затем приобретает у своих сонаследников оставшиеся 2/3 в праве собственности, то весь дом будет считаться его личной собственностью.

И четвертая категория — это имущество, приобретенное супругом в результате реальной суброгации (абз. 2 ст. 1406 и ст. 1407 Французского гражданского кодекса) [2].

Исследуя вопрос состава личного имущества, не нужно забывать о том, что к имуществу относятся не только активы, но и долги. Так, личные долги каждого из супругов по законодательству Франции разделяются на два вида:

1) личные долги в силу своей природы. Согласно ст. 1417 Французского гражданского кодекса к ним относятся штрафы, понесенные супругом в связи с совершением преступления, деликта или квази-деликта [2]. В случае, если таковые были выплачены за счет общего имущества супругов, супруг обязан возместить потраченные суммы;

2) личные долги по назначению. Согласно ст. 1416 Французского гражданского кодекса долг считается личным, если он возник по сделке, заключенной одним из супругов в личных целях, например, для приобретения, сохранения или улучшения собственного (личного) имущества [2]. В этом случае важно установить действительную цель сделки, так как текст закона не дает исчерпывающего или хотя бы примерного открытого перечня того, что можно отнести к личному интересу супруга.

Согласно ст. 1410 Французского гражданского кодекса долги, которые были у супругов на день заключения

брака, остаются их личными как в сумме основного долга, так и в сумме начисленных на основной долг процентов. Исключений из этого правила нет.

Второй вид законного режима супружеского имущества — режим раздельности. Он действует в большинстве стран англо-американской системы, в первую очередь, в Великобритании. Согласно данному режиму, все, что приобретено супругами во время брака, является их личным имуществом.

В Великобритании указанный режим установлен Законом о собственности замужних женщин [4], который действует с 1882 года. Полагаем, что столь долгое действие обусловлено рядом преимуществ: при установлении данного вида режима законодатель не обременен необходимостью установления и закрепления понятия общего имущества и его состава, решением проблемы разделения того или иного имущества, тех или иных долгов на общие и личные, закреплением правил и порядка трансформации личного имущества в общее.

Однако стоит отметить, что в данном случае имеется и существенная проблема — необходимость достижения цели справедливого уравнивания лиц после прекращения ими брачных отношений. Указанная цель достигается путем присуждения одной из сторон компенсации. Каким образом определяется «пострадавшая» сторона? Суды выясняют потребности супругов, их состояние, возраст и соотносят это с продолжительностью брака и уровнем жизни семьи. Это позволяет установить «сильную» и «слабую» стороны и взыскать в пользу последней компенсацию. Также суды берут во внимание те блага, от которых одной из сторон пришлось отказаться по причине вступления в брак, благополучия семьи. В данном случае компенсация будет присуждена «пострадавшей» стороне по аналогии с компенсацией упущенной выгоды [5, с. 90].

Полагаем, что такой порядок присуждения компенсации и «уравнивания» супругов является существенным минусом режима раздельности, поскольку полностью зависит от судейского усмотрения, базируется на субъективных факторах.

Третий вид режима супружеского имущества — режим отложенной общности. Он действует в Германии и странах Скандинавии.

Данный режим более сложный по сравнению с рассмотренными ранее. Он предусматривает, что супруги при вступлении в брак определяют перечень и стоимость имущества, принадлежащего каждому из них, а также договариваются о том, каким образом будут квалифицировать имущество, приобретенное ими в период брака (как личное или как общее). В дальнейшем в случае развода или при необходимости раздела имущества устанавливается размер прироста, на который увеличились активы в период брака. Стоимость данного прироста (дохода) будет распределена: разница между накоплениями супругов делится пополам, и половина передается тому, чей прирост в период брака был меньше. То есть, до момента окончательного раздела имущество будет в личной

собственности, но непосредственно при разделе оно считается общим [6, с. 232–295].

Так, например, ч. 2 § 1363 Германского гражданского уложения устанавливает, что активы супругов не становятся их общим имуществом, то же самое относится к активам, которые один из супругов приобретает после вступления в брак. Однако накопленные доходы, которые супруги получают в браке, уравниваются, если прекращается совместное использование накопленных доходов [3]. При этом если у супругов на момент развода или раздела имущества имеются общие долги, они погашаются перед определением размера прироста. Вытекающие из указанных норма права требования одного супругу к другому являются обязательно-правовыми.

Нами проведен сравнительный анализ зарубежного и отечественного законодательства в части регулирования законного режима собственности супругов, на основании которого сделан следующий вывод — законный режим имущества супругов в Российской Федерации является смешанным. С одной стороны, он включает в себя все основные элементы режима общности, но с другой стороны, в настоящее время в отношении нематериальных активов действует режим отложенной общности имущества. Об этом свидетельствует следующее.

Во-первых, к общему имуществу нельзя отнести права требования, так как в них всегда определена личность кредитора. Конечно, реализовать право требования может и другое лицо, но только по доверенности или в порядке правопреемства. Во-вторых, исключительные права на результаты интеллектуальной собственности на практике в период действия законного режима также считаются личными и учитываются только при имущественном разделе. В-третьих, корпоративные права осуществляются также только тем супругом, который фактически является участником юридического лица, а значит, находятся в индивидуальной собственности, но при разделе имущества эти права будут учтены. То есть режим отложенной общности действует в России в части того, что нематериальные активы принимаются в расчет исключительно в момент раздела имущества [5]. Однако вытекающие из этого обязательно-правовые требования супругов в нашей стране не защищены.

Что касается долгов, то согласно п. 3 ст. 39 Семейного кодекса РФ общие долги супругов при разделе имущества распределяются пропорционально присужденным им долям [1]. То есть, пассивы и активы сталкиваются в российском семейном праве исключительно при разделе общего имущества супругов, что также отдаленно напоминает режим отложенной общности имущества.

Смешение разных моделей правовых режимов приводит к возникновению практических проблем, которые не имеют однозначного решения. В связи с этим требуется реформирование существующего режима имущества супругов. Один из вариантов — полный переход к режиму отложенной собственности супругов [7, с. 338–340]. В таком случае до момента раздела имущества все активы

будут находиться в собственности каждого из супругов, при разделе имущества общие долги супругов будут удовлетворены в первую очередь, каждому из супругов достанется то, что он действительно приобрел в период брака.

Однако введение такого вида режима невозможно без включения в законодательство новых механизмов и реформирования существующих, например, представление супругами описи «начального» и «конечного» имущества.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
2. Code civil. — Текст: электронный // www.legifrance.gouv.fr: [сайт]. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITE XT000006070721?etatTexte=VIGUEUR (дата обращения: 26.05.2024).
3. German Civil Code. — Текст: электронный // www.gesetze-im-internet.de: [сайт]. — URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.html#p5612 (дата обращения: 26.05.2024).
4. Married Women's Property Act 1882. — Текст: электронный // legislation.gov.uk: [сайт]. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/45-46/75/contents> (дата обращения: 23.05.2024).
5. Аристов В. В. Классификация режимов имущественных отношений супругов в зарубежных правовых системах // В. В. Аристов. — Текст: непосредственный // *Международное частное право*. — 2023. — № 5 (180). — С. 84–92.
6. Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / А. Г. Архипова, А. В. Асосков, В. В. Безбах и др.; отв. ред.
7. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. — Москва: Статут, 2020. — 480 с. — ISBN 978-5-8354-1695-0.
8. Слепакова А. В. Правоотношения собственности супругов / А. В. Слепакова. — М.: Статут, 2005. — 442 с. — ISBN 5-8354-0298-8.

Понятие некоммерческих организаций и их отличительные признаки в гражданском законодательстве РФ

Виноградова Владислава Дмитриевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Некоммерческие организации (НКО) играют важную роль в современном обществе, выполняя задачи, которые не всегда могут быть обеспечены государственными или коммерческими структурами. Такие организации решают общественно значимые задачи в области социальной защиты, культуры, образования, охраны здоровья и защиты прав граждан. Это делает НКО важным элементом правовой и социальной системы и актуальной темой для исследования.

Основное отличие НКО от коммерческих организаций заключается в том, что их деятельность не направлена на извлечение прибыли. Однако в российской правовой практике часто возникают сложности с определением границ предпринимательской деятельности НКО. Это требует тщательного анализа правовых норм. Например, Федеральный закон «О некоммерческих организациях» разрешает НКО заниматься предпринимательской деятельностью, если она служит уставным целям организации. При этом прибыль не может распределяться между участниками. Этот аспект вызывает вопросы с точки зрения правоприменительной практики и требует глубокого рассмотрения.

Начиная с 1990-х годов, в России происходили значительные изменения в правовом регулировании НКО. Одним из ключевых событий стало принятие в 1996 году Федерального закона № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», который заложил основы правового регулирования данной сферы. Тем не менее, последующие поправки, включая изменения в Гражданском кодексе, также требуют анализа их влияния на деятельность НКО и их правовой статус.

Цель исследования — рассмотреть правовое определение НКО, провести анализ их правового статуса в контексте российского законодательства, выявить существующие недостатки и предложить пути их устранения.

Далее стоит определить понятие НКО исходя из законодательства, научной литературы.

В ст. 2 Федерального Закона от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» приведено развернутое определение некоммерческой организации:

Во-первых, некоммерческой организацией является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками.

Во-вторых, Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

В соответствие с ГК РФ Статьей 50 пунктом 1 Юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие организации) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации). Исходя из законодательства, некоммерческая организация создается без основной цели на получение прибыли. Таким образом, НКО может создаваться в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ. Под иной целью может пониматься любая цель, за исключением извлечения прибыли, также такая цель должна приносить общественное благо. Далее в пункте 4 ст. 50 ГК РФ приведено понятие о том, что, некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям. Исходя из этого некоммерческие организации имеют право получать прибыль от предпринимательской деятельности, чтобы обеспечить реализацию уставных целей. В связи с тем, что некоммерческим организациям запрещено распределять прибыль между участниками, это является основной отличительной чертой и отделяет от коммерческих юридических лиц.

В научной литературе исследователи отмечают, что определение «некоммерческих организаций» можно понимать по-разному. Например, в широком смысле под некоммерческими организациями можно понимать различные организации, в том числе и различные коллективные образования, не являющимися юридическими лицами, при этом созданные с социально-полезными и общественно важными целями, но не способные выступать в гражданском обороте. Подобные организации Попова Ю.С. в своей работе называет неформальными некоммерческими организациями [5].

Многие российские исследователи подчеркивают необходимость дальнейшего реформирования законодательства о НКО. Например, Ю.С. Попова отмечает, что правовые нормы, регулирующие деятельность НКО, часто не учитывают специфику общественно полезной деятель-

ности таких организаций. Она подчеркивает, что требуется большее внимание к деталям регулирования предпринимательской деятельности НКО, так как это является одной из основных проблем правоприменительной практики.

Р.А. Дацко в своих исследованиях также обращает внимание на то, что российское законодательство не всегда четко определяет границы допустимой деятельности НКО. Он предлагает ввести дополнительные механизмы контроля, чтобы минимизировать риски утраты некоммерческого статуса организациями.

НКО играют значительную роль в удовлетворении социальных, культурных, образовательных и экологических потребностей населения. В условиях экономических и социальных изменений они становятся важным инструментом гражданского общества, так как направлены на удовлетворение общественных интересов. В отличие от коммерческих организаций, деятельность НКО не преследует цель получения прибыли.

Тем не менее, правовое регулирование НКО в России остается недостаточно разработанным. Одним из ключевых вопросов является определение границ предпринимательской деятельности НКО. Важными остаются также вопросы использования доходов и правовых форм, в которых могут функционировать НКО. Несмотря на существование таких законов, как Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», они требуют дальнейших уточнений для более четкого определения правового статуса и деятельности НКО.

Таким образом, для улучшения правового регулирования НКО в России необходимо внести несколько изменений. Во-первых, следует четко определить границы предпринимательской деятельности НКО для устранения правовых неопределенностей. Это может быть достигнуто через внесение поправок в Гражданский кодекс, которые бы четко определяли допустимые виды предпринимательства для НКО и критерии оценки правомерности их деятельности.

Во-вторых, необходимо установить механизмы контроля за распределением прибыли, чтобы предотвратить возможные злоупотребления со стороны НКО. Эти меры позволят гарантировать, что доходы направляются исключительно на достижение уставных целей организации.

В-третьих, следует усилить требования к прозрачности деятельности НКО, разработав обязательные стандарты финансовой отчетности, которые помогут повысить доверие к некоммерческим организациям и предотвратить возможные злоупотребления.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что правовое регулирование НКО в России требует дальнейшего совершенствования. Основные проблемы касаются правоприменительной практики в отношении предпринимательской деятельности НКО, а также недостаточной прозрачности их работы. Внедрение предложенных мер позволит улучшить правовое регулирование и обеспечить более эффективную деятельность НКО в правовом поле Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020). // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
3. О некоммерческих организациях: федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.12.2019). // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 145.
4. Лескова Ю. Г. К вопросу о модернизации правил ГК РФ о юридических лицах // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 102. С. 144.
5. Попова Ю. С. Теоретико-методологические основы определения социально-экономической эффективности некоммерческой сферы («третьего сектора») // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 8. С. 79.
6. Дацко Р. А. К вопросу о понятии и признаках некоммерческих организаций в гражданском законодательстве РФ // Актуальные проблемы современного частного права. 2016. № 1. С. 40.
7. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. от 02.06.2016). // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930.
8. Смоленков, Э. О. Понятие некоммерческих организаций и их отличительные признаки в гражданском законодательстве РФ / Э. О. Смоленков. — Текст: электронный // CyberLeninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-nekommercheskih-organizatsiy-i-ih-otlichitelnye-priznaki-v-grazhdanskom-zakonodatelstve-rf> (дата обращения: 10.09.2024).

Понятие коррупции в российском и международном уголовном праве

Голенских Марина Радиковна, студент магистратуры

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Астраханский филиал

Научный руководитель: Байбарин Андрей Андреевич, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В статье автор рассказывает про понятия коррупция в российском и международном уголовном праве. Приводятся основные принципы борьбы с коррупцией. Производится сравнительный анализ между коррупцией в российском и международном уголовном праве.

Ключевые слова: уголовный кодекс РФ, юриспруденция, коррупция, гражданское общество, международный уровень.

Коррупция — одна из наиболее серьезных и острых проблем, стоящих перед современным обществом. Она затрагивает все сферы жизни, от экономики до политики, и оказывает негативное воздействие на социальное развитие, уровень жизни населения и функционирование государственных институтов. В условиях глобализации коррупция приобретает транснациональный характер, что требует от государств более эффективного взаимодействия в борьбе с этим явлением. В России коррупция остается одной из ключевых проблем, вызывая широкий общественный резонанс и дискуссии о путях ее преодоления.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью серьезного анализа понятия коррупции как в российском, так и в международном уголовном праве. В то время как международные законодательства стремятся к унификации подходов к определению и борьбе с коррупцией, российская действительность нередко ставит

под сомнение эффективность применяемых мер. Это создает потребность в систематическом исследовании существующих определений, норм и методов борьбы с коррупцией в различных правовых системах.

В настоящее время вопросы коррупционного характера в России стоят как никогда остро и актуально, уровень коррупционной деятельности, к сожалению, растет с каждым годом.

Вместе с тем, в современном обществе борьба с коррупцией становится еще более востребованной.

Во многих странах, включая Россию, коррупция определяется как злоупотребление служебным положением для получения неправомерной выгоды. Международные организации, такие как ООН и Всемирный банк, также используют подобные определения, акцентируя внимание на обмене выгоды между правящими структурами и частными интересами.

Основные принципы борьбы с коррупцией:

Как в России, так и на международном уровне, борьба с коррупцией основывается на принципах прозрачности, подотчетности и соблюдения законности. Эти принципы отражены в различных национальных и международных документах.

Практика создания антикоррупционных органов:

В большинстве стран, включая Россию, созданы специализированные антикоррупционные учреждения. На международной арене подобные органы действуют в рамках национальных систем, а также в рамках международных организаций и соглашений.

Легислативные меры

В России борьба с коррупцией включает в себя ряд специфических законодательных актов, таких как Уголовный кодекс Российской Федерации (ст. 190–200), Закон «О противодействии коррупции» и другие специализированные акты. В международной практике также существует множество соглашений, таких как Конвенция ООН против коррупции, которые часто имеют более общий и универсальный характер.

Степень санкций

В российском законодательстве предусмотрены строгие меры. Например, наказание за коррупционные преступления может включать значительные сроки лишения свободы. В международной практике санкции могут варьироваться, и в некоторых случаях ориентированы на экономические меры, такие как замораживание активов или дисквалификация.

Подход к профилактике коррупции

В России больше внимания уделяется репрессивным мерам, в то время как на международной арене акцент де-

лается на профилактических мерах, таких как повышение прозрачности, внедрение антикоррупционных программ и образовательных инициатив. Многие международные организации предлагают советы по улучшению государственных закупок и управления, что может значительно снизить уровень коррупции.

Участие гражданского общества

На международной арене важную роль играет вовлечение гражданского общества и НГО в борьбу с коррупцией, в то время как в России эта практика менее развита. Хотя в последние годы наблюдается рост интереса со стороны граждан и организаций к вопросам борьбы с коррупцией, влияние гражданского общества на процесс остается ограниченным.

Мониторинг и оценка

На международном уровне существуют различные механизмы мониторинга исполнения антикоррупционных норм, такие как механизмы оценки со стороны ООН или Группы государств против коррупции (GRECO). В России аналогичные процедуры работают менее эффективно, и доверие к ним со стороны общества часто низкое.

Несмотря на наличие общих признаков в борьбе с коррупцией, Россия и международное сообщество имеют свои уникальные аспекты законодательных мер и подходов. Эти различия могут существенно влиять на эффективность антикоррупционных инициатив и на уровень доверия населения к институтам власти.

Таким образом, понимание коррупции и эффективная борьба с ней в рамках уголовного права — это задача, требующая совместных усилий, универсальных подходов и постоянного анализа изменяющихся условий и вызовов времени.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) — Ст. 190–200.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН)
4. Беляев, И. с. «Коррупция в системе международного права» // Правовые исследования. — 2017. С. 34–44.
5. Васильев, О. П. «Международное сотрудничество в борьбе с коррупцией» // Уголовное право и процесс. — 2022. С. 77–89.
6. Назаренко, В. А. «Коррупция: уголовно-правовой аспект» // Уголовное право. — 2018. С. 45–61.

Правовые вопросы, связанные с оформлением прав на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского (семейного) капитала, в наследственном праве

Горбунова Екатерина Владимировна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье определены типичные случаи участия наследников в спорах, возникших в связи с наследованием жилых помещений, приобретенных полностью или частично за счет средств материнского (семейного) капитала. Особое внимание уделено проблеме наследования жилого помещения после смерти лица, не исполнившего при жизни обязанность по выделению доли несовершеннолетним детям.

Ключевые слова: наследственное право, принятие наследства, способы принятия наследства, нотариальные действия, нотариат, материнский (семейный) капитал.

В соответствии с п. 4 ст. 10 ФЗ от 29.12.2006 N256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее Закон об МСК) «Лицо, получившее сертификат, его супруг (супруга) обязаны оформить жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, в общую собственность такого лица, его супруга (супруги), детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению. В этом случае правила части 1.1 статьи 30 Жилищного кодекса Российской Федерации не применяются».

К решению вопроса о моменте возникновения права собственности на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского (семейного) капитала (далее МСК) в правоприменительной практике имеются два подхода, один из которых основан на общих правилах действующего гражданского законодательства — право собственности на жилое помещение возникает с момента государственной регистрации такого права в ЕГРН, другой связан с опубликованием Обзора судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016 г. — право на доли в жилом помещении возникает в силу факта перечисления средств МСК на оплату помещения.

Мнения теоретиков в сфере гражданского права разнятся. В законодательстве четкого регламента для данного понятия нет. Следовательно, выражение «оформить» в п. 4 ст. 10 Закона N256-ФЗ нужно толковать как «передать доли и обеспечить регистрацию прав на них».

Определение субъектного состава лиц, имеющих право на оформление в общую долевую собственность жилого помещения, приобретенного с использованием средств МСК, прямо обусловлено моментом возникновения права собственности на жилое помещение.

Если правообладателем жилого помещения в ЕГРН указан получатель МСК: доля, купленная за счет МСК, принадлежит ему, остальное — в супружеской собствен-

ности (если объект приобретен в браке); получатель МСК обязан выделить доли в праве членам семьи за счет своей доли, оплаченной за счет МСК.

Если правообладателями жилого помещения в ЕГРН указаны супруги, вид права — совместная собственность: супруги обязаны выделить доли детям; супруг получателя МСК право требовать долю не имеет (его право удовлетворено, поскольку помещение поступило в совместную собственность целиком).

Если правообладателями жилого помещения в ЕГРН указаны супруги, вид права — долевая собственность: получатель МСК обязан выделить доли членам семьи за счет своей доли, оплаченной за счет МСК (при этом, поскольку МСК был направлен на оплату доли получателя МСК в праве на помещение, предполагается, что размер доли достаточен, чтобы за счет этой доли исполнить обязанность, предусмотренную п. 4 ст. 10 Закона N256-ФЗ).

Право на доли возникает у членов семьи в результате приобретения их на основании договора.

Согласно разъяснению Президиума Верховного Суда РФ от 22 июня 2016 года Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» определен круг субъектов, в чью собственность поступает жилое помещение, приобретенное с использованием средств (части средств) материнского капитала, и установлен вид собственности, возникающей у таких лиц на приобретенное жилое помещение — общая долевая.

Принадлежавшая получателю МСК доля, приобретенная за счет МСК, включается в его наследство на общих основаниях. Поскольку жилое помещение обременено правами членов семьи наследодателя, наследники, в собственность которых перешла квартира, обязаны передать им доли (ст. 1175 ГК РФ).

В случае смерти кого-либо из участников совместной собственности, при отсутствии заключенного соглашения об определении долей, при отсутствии спора между наследниками и другими участниками совместной собственности, принявшими наследство и по истечении срока для принятия наследства, такие наследники и иные участники

совместной собственности вправе заключить соглашение об определении долей в жилом помещении, приобретенном с использованием средств материнского (семейного капитала).

Заключение указанного соглашения обусловлено следующим. В соответствии с п. 4 ст. 1152 ГК РФ принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства, независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации. Согласно статье 254 ГК РФ Раздел общего имущества между участниками совместной собственности, а также выдел доли одного из них могут быть осуществлены после предварительного определения доли каждого из участников в праве на общее имущество. При разделе общего имущества и выделе из него доли, если иное не предусмотрено законом или соглашением участников, их доли признаются равными.

Также следует учитывать, что определение долей в праве собственности на квартиру должно производиться исходя из равенства долей родителей и детей на средства материнского (семейного) капитала, потраченные на приобретение этой квартиры, а не на все средства, за счет которых она была приобретена.

После заключения соглашения об определении долей в жилом помещении — доля умершего включается в состав наследства и на нее выдается свидетельство о праве на наследство, а доли иных участников долей собственности регистрируются в ЕГРН.

Главное условие, которое должно быть соблюдено в любом случае: в результате исполнения того или иного соглашения дети не должны получить меньше, чем им причитается по Закону N256-ФЗ либо по нормам ГК РФ о наследовании.

Таким образом, для того чтобы избежать разногласий между наследниками и нотариусом, а также минимизировать обращения в суд по данному вопросу, следует внести изменения в законодательство касательно возникновения права собственности на имущество, приобретенное с использованием средств МСК. А именно:

1) Выражение «оформить» в п. 4 ст. 10 Закона N256-ФЗ нужно толковать как «передать доли и обеспечить регистрацию прав на них»;

2) П. 4 ст. 10 Закона № 256-ФЗ дополнить с. 2 следующего содержания: «В случае отсутствия соглашения сторон об определении долей, размер доли, приобретенный за счет средств материнского (семейного) капитала, должен быть равным у всех членов семьи».

Этические стандарты поведения судьи

Гришина Юлия Эдуардовна, студент

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

В настоящей научной статье рассматриваются этические стандарты поведения судьи и их роль в отправлении правосудия. Рассмотрены принципы, которые должен соблюдать судья при рассмотрении дел и вынесении решений.

Ключевые слова: этика, судейская этика, судопроизводство, судья, правосудие.

Судебная система является основополагающим институтом правосудия, обеспечивающим защиту прав и свобод граждан, поддержание законности и справедливости. Однако, чтобы это обеспечить, необходимо, чтобы судьи действовали в соответствии с высокими этическими стандартами. Общественные нормы и ценности постоянно меняются. Этика судей должна соответствовать этим изменениям, чтобы судьи оставались релевантными и уважаемыми. Нарушения этических норм могут нанести серьезный ущерб доверию к судам и судьям, что в конечном итоге подрывает основы правового государства.

Профессионализм, этика и независимость судей являются основополагающими принципами, на которых строится доверие граждан к судебной системе. Понятие принципов профессионального поведения судьи представляет собой набор норм и стандартов, регулирующих их деятельность и поведение как внутри судебного процесса, так и за его пределами.

Эти принципы не только определяют ожидания общества от судей, но и являются фундаментальной основой для обеспечения справедливости и правового порядка. Их соблюдение обеспечивает надлежащее функционирование судебной системы, а также защищает права и интересы всех участников процесса [2, с. 288].

Правовые и этические стандарты взаимосвязаны и взаимодополняемы. Однако оказание влияния на поведение судьи с позиции этики и законов может иметь различные методы. Практические вопросы решаются нормативными актами, обеспечивая эффективную реализацию правосудия. Кодекс судейской этики разработан профессиональным сообществом, воплощая в себе идеальные нормы и ценности судьи, которые отражают важность этой институции.

Объективность судей — это показатель степени доверия общества к судебной системе. Судьи должны действовать беспристрастно, анализируя доказательства и принимая решения на основе закона, без предвзятости

и личных предпочтений. Это необходимо для того, чтобы граждане могли верить в честность и справедливость судебных процессов, что является основой для стабильного правового государства.

Честность и неподкупность судей возможны только при безукоризненном исполнении ими своих обязанностей. Судьи обязаны избегать любых ситуаций, которые могут привести к конфликту интересов или создать впечатление коррупции. Это предполагает строгую личную и профессиональную этику, что способствует поддержанию высокого уровня доверия к судебной профессии и обеспечивает её безупречную репутацию.

Компетентность и старательность характеризуют судью как высокопрофессионального специалиста, обладающего необходимыми для данной профессии личностными качествами. Судьи должны непрерывно развивать свои профессиональные навыки и знания, чтобы эффективно и правильно применять закон. Это включает в себя тщательную и добросовестную работу над каждым делом, что является основой для вынесения справедливых и обоснованных решений.

Эти принципы играют ключевую роль в поддержании справедливости, доверия и эффективности судебной системы, а также в обеспечении прав и свобод граждан. Высокие стандарты судебной работы необходимы для укрепления авторитета правосудия и обеспечения стабильности в обществе.

На сегодняшний день в действии находится Кодекс судебной этики, принятый на VIII Всероссийском съезде судей 19 декабря 2012 года [1]. Соблюдение принципов этого кодекса не должно быть лишь формальным требованием, а должно стать внутренним убеждением и жизненным правилом для каждого судьи. Строгое соблюдение всех норм Кодекса способствует укреплению доверия общества к судебной системе в целом. Люди должны иметь полное убеждение в том, что правосудие в нашей стране является надежным, независимым и не подверженным влиянию третьих сторон.

Литература:

1. Кодекс судебной этики: утвержденный VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. (ред. от 01 декабря 2022 г.) // СЗ РФ.— 2012. № 4.— Ст. 152.
2. Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти: учебник.— М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 288 с.
3. Отческая Т. И., Мишакова Н. В., Голощапова Т. И. Честность как базисная составляющая профессионального профиля судьи // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 240–250. <https://doi.org/10.17223/15617793/463/30>.

Подчиняясь идее о важности высокой этической планки в работе судей, формулируются конкретные требования, касающиеся их личностных качеств и поведения. Эти требования включают несколько структурных компонентов судебной этики, каждый из которых направлен на поддержание справедливости и независимости в судопроизводстве:

1. Нравственные качества судьи

Судья должен проявлять правдивость и непредвзятость в своих решениях, руководствуясь исключительно фактами и законами, а не личными предпочтениями или внешними влияниями. Честность судьи является основополагающим качеством, которое обеспечивает доверие общества к судебной системе [3, с. 243].

2. Поведенческие основы

Судья должен демонстрировать высокий уровень знаний и компетентности в правовых вопросах. Это включает постоянное повышение квалификации, изучение нововведений в законодательстве и применение полученных знаний на практике. Для поддержания порядка и эффективности судебного процесса судья обязан строго соблюдать установленные процедуры и правила поведения в суде.

3. Нормы и правила, регулирующие деятельность судей

Кодекс судебной этики: содержит основные принципы и нормы поведения, которым должен следовать судья. Он служит ориентиром для судей, помогая им принимать правильные и обоснованные решения в своей работе.

Таким образом, роль судьи требует соблюдения высочайших этических стандартов, поддержания чести и достоинства судебной системы. Эти стандарты охватывают не только профессиональную деятельность судей, но и их публичные действия в интернете, включая социальные сети и другие цифровые платформы. Этот аспект становится все более значимым в свете того, что судьи, как представители судебной власти, должны поддерживать непрерываемый авторитет и доверие общества к правосудию, избегая ситуаций, которые могут поставить под сомнение их беспристрастность и профессионализм.

Пути совершенствования мер по обеспечению общественной безопасности

Дабдина Нина Алексеевна, студент

Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Орел)

Статья посвящена вопросам совершенствования мер по обеспечению общественной безопасности.

Ключевые слова: общественная безопасность, меры, террористический акт.

Пути совершенствования мер по обеспечению общественной безопасности являются важной темой для обсуждения в современном обществе. В условиях быстроменяющегося мира, где угрозы безопасности могут принимать различные формы, от террористических актов до кибератак, необходимо разработать комплексный подход к этому вопросу.

Во-первых, необходимо усилить сотрудничество между различными государственными структурами и органами правопорядка. Четкая координация действий, обмен информацией и ресурсами позволят оперативно реагировать на возникающие угрозы. Вторым направлением является внедрение современных технологий, таких как искусственный интеллект и большие данные. Эти инструменты могут помочь в анализе потенциальных рисков и предсказании преступных действий.

Третьим важным аспектом является повышение уровня общественного сознания и вовлеченности граждан в вопросы безопасности. Обучение и тренировки по оказанию помощи в экстренных ситуациях, а также информирование о возможных угрозах создадут более безопасную атмосферу для всех.

С целью формирования у россиян антитеррористического сознания необходимо организовывать мероприятия, посвященные Дню солидарности в борьбе с терроризмом (3 сентября), Дню защитника Отечества (23 февраля) и Дню Героев Отечества (9 декабря), с их освещением в СМИ и интернете. Следует привлекать к этим событиям военнослужащих, представителей правоохранительных органов, граждан, участвующих в борьбе с терроризмом, экспертов, журналистов, общественных деятелей, свидетелей террористических актов и жертв террористов [4].

Для формирования у молодежи отрицательного отношения к террористической идеологии следует включать антитеррористическую тематику в различные мероприятия, привлекая общественных лидеров, представителей традиционных религий и социально ориентированные некоммерческие организации.

С целью противодействия пропагандистскому влиянию на общество, особенно на молодежь новых субъектов Российской Федерации, необходимо провести

анализ библиотечных коллекций с целью выявления и удаления изданий, содержащих опасную информацию, такую как террористическая, экстремистская и деструктивная, а также материалы, искажающие историю России на различных этапах ее развития и подрывающие ее политическую репутацию.

Исполнительные органы: на федеральном уровне — Минкультуры России, совместно с МВД России, Минобрнауки России, Минпросвещения России и Росброннадзором, которые будут осуществлять методическое руководство в установленных областях; на региональном уровне — органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, которые отвечают за вопросы культуры, образования и государственной национальной политики, с активным участием местных властей.

Обеспечение общественной безопасности — это комплекс мероприятий, направленных на защиту граждан и общества от угроз различного характера. Совершенствование этих мер является актуальной задачей для любого государства.

Первым шагом к улучшению общественной безопасности является внедрение современных технологий. Использование систем видеонаблюдения, биометрической идентификации и аналитических алгоритмов позволяет своевременно выявлять потенциальные угрозы и реагировать на них.

Вторым важным аспектом является обучение граждан. Программы по повышению уровня безопасности, такие как курсы первой помощи, обучение действиям в чрезвычайных ситуациях и правовая грамотность, могут существенно повысить уровень готовности населения к различным кризисным ситуациям.

Третьим компонентом является сотрудничество между правоохранительными органами и обществом. Создание открытых каналов связи и вовлечение граждан в процессы мониторинга правопорядка позволяет улучшить доверие к правоохранительным структурам и повысить их эффективность.

Таким образом, комплексное совершенствование мер по обеспечению общественной безопасности требует усилий государства, технологий и общества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, и с учетом поправок, внесенных Законами РФ о по-

правках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. — 2020. — № 27. — Ст. 4196.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.03.2023) // СЗ РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 24.06.2023) // СЗ РФ. — 2001. — № 52 (часть I). — Ст. 4921; 2023. — www.pravo.gov.ru.
4. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утв. Президентом РФ 30.12.2023 N Пр-2610)
5. Вишняков, В. Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. 2017. — № 9. — С. 27–39.

Некоторые проблемные вопросы конституционных принципов судебной власти

Давыдова Полина Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Винникова Рушания Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье автор исследует некоторые особенности конституционных принципов судебной власти в условиях современной реальности.

Ключевые слова: принцип, конституция, человек, гражданин, суд, судебная власть, судебная система.

Система принципов правосудия включает в себя длительную историю становления, еще несколько сотен лет назад в основе правовой системы функционировали определенные нормы-принципы, некоторые обычаи и традиции [1, с. 39]. В связи с историческими особенностями развития общества и отдельных государств и, исходя из реалий конкретного временного периода, нормы-принципы претерпевали изменения, что позволило существующей судебной системе функционировать в рамках своего времени. Однако и в настоящее время совершенствование эффективности судебной системы включает в себя множество важных элементов, без которых построение современного правового государства не является возможным. Одними из таких особых элементов являются конституционные принципы судебной власти. Несмотря на тот факт, что конституционные принципы правосудия периодически перекликаются с принципами, закрепленными в отраслевом законодательстве, в настоящее время существует множество дискуссий об их сущностных характеристиках и значении.

Существующая коллаборация принципов права и конституционных принципов судебной власти, ведет к некоторой правовой неопределенности и смешению терминов. В данной связи нельзя не согласиться с мнением научных деятелей о том, что «конституционные принципы предопределены не только конституционно-правовым регулированием, но некоторой природой права и проистекающего из нее построения звеньев правового регулирования, включая звенья наиболее высокого порядка учреждающие основы регулирования» [2, с. 25]. Таким образом, из данных обстоятельств следует, что без их единства невозможно в полной мере отобра-

зить правовую действительность. В главе 7 Конституции Российской Федерации закреплены основные принципы судебной системы, являющиеся базой без которых невозможно осуществить эффективное справедливое правосудие, а именно: независимость судей; гласность; осуществление правосудия только судом; законность; другие [3, с. 95].

Указанные принципы являются базовыми принципами, существующими в нашем государстве, на которых основана вся система правосудия в целом. Одним из важнейших принципов в демократическом обществе, является принцип гласности, вместе с тем, исходя из условий современности существует множество проблемных аспектов в его реализации. По своей сути данный принцип включает в себе роль системообразующего звена, выступая гарантом справедливости. Вместе с тем, этот принцип не означает абсолютную открытость любого судебного заседания, в связи с тем, что наравне с открытыми процессами суда существуют и закрытые судебные процессы, статистика, которых в условиях современности только увеличивается.

Некоторые ученые полагают, что по своей сущности закрытые процессы сами по себе нарушают, закрепленный принцип гласности, другие считают, что они коррелируются между собой. Однако, следует отметить, что при проведении закрытого судебного заседания отсутствует аудио-протоколирование, также не имеется возможности принимать участия в судебном заседании посредством веб-конференции или онлайн-заседания, что в своей совокупности некоторого рода оказывает существенное влияние на основные принципы правосудия, к примеру, принцип его доступности, гласности, равенства и другие.

На примере арбитражных судов отмечается следующее. Организационные вопросы в сфере обеспечения реализации деятельности суда регулируются внутренними нормативными актами — председатель соответствующего суда издает приказы и распоряжения, в которых определяется порядок деятельности конкретного арбитражного суда, в том числе, установлены правила об ознакомлении с материалами дела, как по открытым делам, так и по закрытым, также устанавливаются правила проведения закрытых судебных заседаний и другое.

Отмечается, в большинстве арбитражных судов субъектов нашего государства при рассмотрении дел в закрытом режиме сторонам не представляется возможность участия в процессе при применении технических средств в виде онлайн заседания или системы видео-конференцсвязи, при подаче указанных ходатайств суды их отклоняют со ссылкой на распоряжение председателя арбитражного суда, вместе с тем, например, в Арбитражном суде Новосибирской области судьи удовлетворяют ходатайство о проведении судебного заседания посредством организации заседания в онлайн режиме, аргументируя, что судебный процесс должен быть равно доступен для каждой из сторон.

Указанная проблематика в условиях современной реальности, а также в связи с масштабным географическим расположением территории нашего государства приобретает особую значимость, что подлежит дальнейшему изучению. Также особое внимание необходимо обратить на тот факт, что при рассмотрении арбитражным судом дела

в закрытом процессе возникают сложности не только с подачей и разрешением ходатайств судом, но и с процедурой их принятия, так, например, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд и Восьмой арбитражный апелляционный суд отклоняет поданные ходатайства (в том числе, ходатайства об ознакомлении с материалами дела при осуществлении личной явки, ходатайства о приобщении к материалам дела доказательств направления отзыва сторонам, ссылаясь на внутренний регламент суда).

Исходя из данных обстоятельств следует, что сторона, находящаяся на удаленном расстоянии от конкретного арбитражного суда, не имеет возможности подать заявление/ходатайство не по существу дела, именно процессуальное ходатайство путем системы «Мой арбитр» в связи с внутренним регламентом суда, что в практической деятельности ставит под вопрос полной функциональности базовых принципов правосудия.

Таким образом, подводя итог ко всему вышесказанному важно прийти к выводу о том, что конституционные принципы судебной власти являются важнейшей базой современной судебной системы. Вместе с тем, при реализации отдельных принципов на практике возникают некоторые проблемы и дискуссионные моменты, в данной связи предлагается возможным провести анализ действующих внутренних регламентов судов о порядке работы с целью дальнейшего создания единого документа, распространяющегося на работу каждого суда, в целях обеспечения законного правосудия, равного для каждой из сторон.

Литература:

1. Бекирова, Ф.С. Принцип доступности конституционного правосудия / Ф.С. Бекирова.— Текст: непосредственный // Этносоциум и межнациональная культура.— 2019.— № 7(133).— С. 39–43.
2. Сергушов, С.С. Механизм реализации конституционных принципов правосудия в отраслевом судопроизводстве / с. С. Сергушов.— Текст: непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук.— 2022.— № 12–5(75).— С. 92–94.
3. Филитова, М.А. Конституционные принципы правосудия в РФ / М. А. ФИЛИТОВА.— Текст: непосредственный // ИНТЕРНАУКА.— 2022.— № 4–5(227).— С. 24–26.

Исковая давность в зарубежных странах

Игнатов Артем Сергеевич, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В данной статье рассматривается развитие коллизионного права, касающегося вопросов ограничения исковой давности, начиная с XIII века. Текст подчеркивает, что в ходе долгой истории обсуждений возникло множество мнений и аргументов, однако в итоге сложились две основные системы, отражающие различия между общим и гражданским правом.

Ключевые слова: *исковая давность, правовая защита, судебное разбирательство, иск.*

Коллизионное право в отношении ограничения действия по истечении срока давности обсуждается с XIII века, и за эту долгую историю «все возможные,

а также невозможные идеи нашли сторонников». Многие аргументы так широко обсуждались и вызвали столько разнообразных и несопоставимых мнений, как

тот, который касается закона, регулирующего исковую давность [2].

Хотя истинность этих утверждений слишком очевидна для изучающих коллизионное право, только две основные системы остались конкурентоспособными. Они почти точно соответствуют разделению между общим правом и гражданским правом. В британских юрисдикциях и в Соединенных Штатах, в принципе, «исковая давность» утверждается, что это затрагивает только «средство правовой защиты» и относится к процессуальному праву страны суда; каждый суд применяет внутренний срок исковой давности, в принципе исключая все иностранные законы. В странах гражданского права после длительных дебатов в настоящее время общепризнано, что ограничение «действия» является неправильным и что оно затрагивает материальное право; в основном оно определяется законом, регулирующим обязательство [4].

Чтобы получить объективный взгляд на проблему, следует иметь в виду несколько исторических фактов.

В древнеримском общем праве (*ius civile*) большинство действий были «бессрочными», в то время как действия преторианцев часто ограничивались годом (*annus utilis*).

Греческая практика выработала опровержимую презумпцию существования долга спустя долгое время, вероятно, по образцу поздней Римской практики, известной нам по императорскому эдикту для Египта.

Однако важная модификация была разработана в Англии после гражданской войны и в светских спорах в гражданском праве.

Автоматическое изменение обязательств было заменено простой защитой, на которую ответчик мог ссылаться по своему усмотрению. Влиянием канонического права и английской юрисдикции справедливости можно пренебречь при обсуждении, ограниченном обязательствами.

Византийские, континентальные и английские источники — все они говорят о «действии» как об объекте ограничения. Значение этого слова определяется долгой и устойчивой доктринальной традицией, восходящей к классическому римскому праву и представленной категорией *jus quod pertinet ad actiones*, согласующейся с правом личности и правом вещей. Римская и Английская профессиональная юридическая практика начиналась с нескольких формул процедуры, которые должны использоваться в определенных случаях.

Прогресс заключался в увеличении количества и совершенствовании использования этих формул до тех пор, пока процедура не стала *extra ordinem* в одной системе и равенство в другой стали средством новых разработок. Но, не выдержав распада формализма и обогащения системы, древние юрисконсульты и английские юристы вплоть до девятнадцатого века рассматривали решение судебных исков как объект всех своих усилий, а вопрос о том, при каких условиях петиция (иск) может быть признана в судебном порядке и приведена в исполнение в качестве их центральной проблемы.

Следовательно, технически действие истца по предъявлению и отстаиванию своего иска в классических текстах охватывает как процессуальную деятельность истца, так и его право выиграть свое дело. В частности, *actio in personam* — это формальное средство судебного разбирательства, но это также и обязательное право: «Ничто иное не является действием, как то, что я требую, судебное разбирательство продолжается» [2].

Пандектисты, хотя и медленно продолжали работу *Corpus Juris* по преобразованию системы действий в систему прав, тем не менее сохранили двустороннюю концепцию действия. В девятнадцатом веке «исковое право» рассматривалось как пограничная область между частным и процессуальным правом, включая последствия для рассматриваемого права возбуждения иска и суждение.

Холдсворт, правда, считает, что из слов статута Якова I достаточно ясно, «что статут затрагивал не право по контракту, а право на его принудительное исполнение» [3, с. 4]. Вряд ли идея заключалась в этом. Предварительно указав, что иски должны быть возбуждены и по ним должен быть подан иск в течение шести лет, в противном случае его приведение в исполнение привело бы к в случае отказа статут уничтожил единственную форму, в которой это право появлялось в юридическом мире. Когда позже, в 698, суд королевской скамьи сказал об иске: «Это долг, хотя и подлежащий взысканию по закону», это означало только по сохранению иска для учета в административном процессе, рассматриваемом в церковном суде. Впоследствии другие последствия долга были признаны. Но контраст между правом и средством правовой защиты был наложен на статут [1].

Два элемента «действия» были окончательно разъединены немецким пандектистом Виндшайдом. Он различал «*Anspruch*» — претензия или отговорка в ненадежных переводах и право подать в суд или «*Klagerecht*». *Klageverjährung*, ограничение действия, с тех пор было заменено *nspruchsverjährung*, ограничение исковой давности. Последующие немецкие, а затем и итальянские ученые посвятили огромное количество размышлений обоим этим основным понятиям. Гражданская война в Германии Кодекс, именно в том месте, где он указывает на объект исковой давности, определяет исковое заявление как «право требовать от другого лица совершения действия или отсрочки».

Хотя в применении к собственности это означает, что различные права, вытекающие из нарушения права собственности, запрещены, в отличие от права собственности, ипотеки и т.д., которые не обязательно затрагиваются, по лучшему мнению, обязательственное право идентично обязательству и объекту ограничения. Новейшая литература не оставляет сомнений в том, что в этом случае объектом, на который распространяется ограничение, является право, а не процессуальные полномочия истца. Скорее, было подчеркнуто, что попытка Виндшайда и Немецкого кодекса сохранить элементы римского *actio* путем включения «требования» между материальным правом и процессуальным правом при-

ведения в исполнение потерпела неудачу; это было бы просто право, на которое распространяется ограничение. Но это несущественно для нашей цели.

Важно то, что закон об исковой давности, а также значение иска претерпели важные изменения, хотя англо-американский юридический язык сохранился.

Многие изучающие сроки исковой давности постоянно эта терминология вводит в заблуждение, хотя эрудированных юристов, безусловно, не нужно предупреждать.

Дальнейший вывод может заключаться в том, что внутренний закон об ограничениях является «процессуальным» по смыслу коллизионного права, хотя иностранный закон может быть материальным. Все это ошибочно. Нет никаких оснований утверждать, что для целей коллизионного права, то есть для решения вопроса о том, должно ли применяться внутреннее или иностранное право, необходимы или полезны несколько концепций процедуры. Основная и, вероятно, исключительная причина для обсуждения сферы применения процедуры в этой области действует общепризнанный принцип, согласно которому иностранное частное право потенциально применимо, а иностранное процессуальное право — нет. Идея, лежащая в основе этого принципа, проста, и, хотя она требует определенных исключений, она не требует тонких концептуальных различий. Идея заключается в следующем: каждый суд хочет осуществлять правосудие в формах и методами, регламентированными для разбирательств на форуме. Суду и сторонам не следует мешать соблюдать правовые нормы, предписывающие шаги, которые необходимо предпринять для возбуждения, продолжения и прекращения судебных исков. Это включает, действительно, правила, ограничивающие время, в течение которого должно быть совершено процессуальное действие, такое как признание вины, возражение, представление доказательств или апелляция.

Вопреки первоначальным идеям, суд принимает к сведению окончание срока давности только в том случае, если истец обращается в адвокатуру в предписанной форме в соответствии с процессуальным законодательством, таким как специальное заявление о признании вины.

Даже помимо внесудебных актов, использующих защиту, процессуальное урегулирование последствий исковой давности является наиболее характерным моментом искового права. Под влиянием моралистических концепций и концепций естественного права оно стало традиционным объяснять, что это должно быть оставлено на совести должника, прибегнет ли он к защите, которую некоторые социальные философы считают аморальной.

Поскольку все законы признают право ответчика распоряжаться адвокатской конторой, трудно поверить, что государство заявляет о первостепенной заинтересованности в том, чтобы избежать устаревших требований, с тем чтобы настаивать на применении своего собственного срока исковой давности.

Безусловно, суды рады, что их избавили от трудного определения старых оснований для иска. Но государ-

ственная политика, столь строгая, как была подтверждена в поддержку англоязычных стран.

Как говорят во Франции: «Предписание не является абсолютным средством государственной политики; оно не выходит за рамки сферы частных интересов кредитора и должника. Более того, это предполагает оценку морального характера; определенная совесть не допустила бы они были освобождены, не заплатив, независимо от срока погашения долга. В таком случае, если должник настаивает на выплате, было бы неправильно считать, что он заключает новый долг или что он делает подарок кредитору» [4, с. 7].

Этот характер ограничения исковой давности подтверждается почти универсальными правилами, согласно которым должник волен отказаться от завершенной исковой давности по соглашению сторон, и широко распространено мнение о том, что стороны могут заранее договориться о более коротком сроке, чем установленный законом. Хотя кодексы обычно не позволяют сторонам увеличивать этот срок или отказаться от адвокатуры до того, как она будет приобретена, суды часто отдавали предпочтение автономии сторон.

Каковы последствия судебного решения, отклоняющего иск на основании давности. Старые ученые оспаривали вопрос о том, относилась ли защита давности к *exceptiones ordinatoriae* (процессуальные) или *decisoriae* (по существу). Первыми были возражения против принятия судом жалобы к рассмотрению, поскольку отсутствовало предварительное условие судебного разбирательства. Последние исключения касались существа дела. Некоторые авторы рассматривали предписание как существенное по той причине, что оно было исключением из правил; этот аргумент был корректно опровергнут Булленуа, которого Стори всесторонне цитировал.

Но, с другой стороны, это исключение также не должно было быть помечено как процессуальное из-за его предварительного характера, т.е. предотвращения отказ суда от рассмотрения других дел по существу.

Должник все еще может погасить запрещенный долг платежом, а не подарком; он не может взыскать такой платеж вообще или только при определенных условиях. Он может восстановить его в полном объеме новым обещанием или подтверждением (по общему праву без нового рассмотрения), кроме того, долг может быть обеспечен залогом, ипотекой, поручительством или страховкой и т.д.

Англо-американские юристы предположили, что эти побочные эффекты обусловлены тем фактом, что долг остается нетронутым и затрагивается только средство правовой защиты. В американских решениях, например, был сделан вывод о том, что кредитор все еще может требовать закрытия ипотеки, поскольку предполагается, что устранено только средство правовой защиты. Юридические последствия не могут зависеть от того, как мы описываем ослабление права кредитора. Закон, превращающий подлежащий принудительному взысканию долг в естественное обязательство, не является процедурным правилом.

Литература:

1. Аблятипова, Н. А., Папуш, В. А., Восстановление срока исковой давности / Н. А. Аблятипова, В. А. Папуш — Текст: электронный // Международный научный журнал «Синергия наук»: [сайт]. — URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article2925>
2. Гонгало Б. М. Признаки исковой давности и их отражение в законе // *Ex Jure*. 2021. № 3. С. 120–129. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2021-3-120-129>.
3. Principles of European Contract Law — PECL. [Электронный ресурс] // Trans-Lex.org. URL: https://www.translex.org/400200/_pecl/.
4. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Oxford, 2009. 642 p.

Сделки с заинтересованностью и крупные сделки в хозяйственных обществах

Капитан Алла Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Сделки с заинтересованностью и крупные сделки являются наиболее важными гражданскими сделками, совершаемыми юридическими лицами в процессе хозяйственной деятельности. Нередко при заключении сделок руководство компании даже не предполагает, что она может являться крупной для данного юридического лица или сделкой с заинтересованностью, а, значит, требует особо порядка её оформления и совершения во избежание их оспаривания в дальнейшем. Более того, заключаемая обществом сделка может являться одновременно как крупной сделкой, так и сделкой с заинтересованностью. Ввиду этого представляется актуальным в рамках данной статьи выделить основные критерии отнесения сделок к крупным или сделкам с заинтересованностью, а также определить порядок их совершения, основания и риск их оспаривания.

Отдельно хотелось бы отметить, что в данной статье исследуемые вопросы будут раскрываться на примере обществ с ограниченной ответственностью, поскольку именно эта организационно-правовая форма на сегодняшний день является наиболее часто применяемой юридическими лицами. При этом зачастую прослеживается сходность в подходе законодателя к установлению порядка совершения такого рода сделок для обществ с ограниченной ответственностью и для акционерных обществ.

Понятие заинтересованности означает заинтересованность конкретного лица в определении условий сделки, выборе контрагента и т.п., обусловленную его личным материальным или иным интересом, не совпадающим с интересами большинства участников (акционеров) и (или) общества в целом. Необходимость обеспечения баланса интересов участников корпоративных правоотношений предусматривает установление защиты «незаинтересованных» в совершенной сделке лиц, которыми могут оказаться все остальные участники (акционеры) и само общество.

В ст. 45 Федерального закона от 08.02.1998 N14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) (далее — «ФЗ об ООО») сказано, что сделкой с заинтересованностью признается сделка, в совершении которой имеется заинтересованность члена совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличного исполнитель-

ного органа, члена коллегиального исполнительного органа общества или лица, являющегося контролирующим лицом общества, либо лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания. Также раскрывается понятие контролирующего лица — это лицо, которое имеет возможность прямо или косвенно распоряжаться более 50% голосов в высшем органе управления либо имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган. При этом законодатель отметил, что у указанных выше лиц имеется заинтересованность, если они, их супруги, родители, дети, полнородные и неполнородные братья и сестры, усыновители и усыновленные и (или) подконтрольные им лица (подконтрольные организации) являются стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке; контролирующим лицом юридического лица, являющегося стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке, занимают должности в органах управления юридического лица, являющегося стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке, а также должности в органах управления управляющей организации такого юридического лица.

Сходным образом данные правоотношения урегулированы для акционерных обществ в ст. 81 Федеральный закон от 26.12.1995 N208-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об акционерных обществах» (далее — ФЗ «Об акционерных обществах»).

Таким образом, если сделка ввиду соответствия данным критериям является сделкой с заинтересованностью, то её заключение требует соблюдения ряда условий. В частности, сделки с заинтересованностью должны совершаться по рыночной стоимости — это основная цель, которую преследует законодатель при установлении специального правового режима, применяемого к таким сделкам.

Говоря о специальной процедуре, которая должна быть соблюдена при заключении сделок с заинтересованностью, стоит отметить, что на сегодняшний день такая сделка не требует обязательного предварительного согласия на её совершение. Законодатель установил уведомительный порядок совершения данных сделок — общество обязано уведомлять о совершении сделки с заинтересованностью незаинтересованных участников общества (и незаинтересованных членов совета директоров при наличии совета директоров в обществе). При этом порядок уведомления аналогичен порядку извещения участников общества о проведении общего собрания участников общества. Также законодателем указано, что уведомление должно быть направлено не позднее, чем за 15 дней до совершения сделки и оговорено, какая информация должна содержаться в такого рода уведомлении — должны быть все существенные условия сделки: указаны лицо (лица), являющиеся ее стороной, выгодоприобретателем, цена, предмет сделки и иные ее существенные условия или порядок их определения, а также лицо (лица), имеющее заинтересованность в совершении сделки, основания, по которым лицо (каждое из лиц), имеющее заинтересованность в совершении сделки, является таковым. Отдельно указано, что уставом общества может быть предусмотрен иной порядок уведомления о совершении сделок с заинтересованностью.

Еще раз хотелось бы отдельно обратить внимание на то, что обязанность уведомления о совершении такого рода сделок законодатель возложил на само общество. В то время, как ранее обязанность извещать о заинтересованности лежала только на самих заинтересованных лицах.

Диспозитивность регулирования порядка извещения о заключении сделок с заинтересованностью требует от хозяйственных обществ внимания к следующим вопросам: следует ли предусмотреть уставом общества особый порядок извещения о предполагаемой сделке с заинтересованностью, включая срок извещения. Как представляется, решение обществом данных вопросов является очень важным, поскольку позволяет регулировать соблюдение интересов всех лиц корпоративных правоотношений. Более того, срок, установленный законодателем для извещения о заключении такого рода сделок, является достаточно длительным и может препятствовать оперативной хозяйственной деятельности общества, что также должно приниматься во внимание при урегулировании данных вопросов в уставе.

Отменив в свое время обязательность наличия предварительного согласия на совершение сделки с заинтересо-

ванностью, законодатель в некоторой мере уравновесил это, установив обязанность для лиц, которые потенциально признаны заинтересованными, сообщать обществу:

- о подконтрольных им юридических лицах;
- о юридических лицах, в которых они занимают должности в органах управления;
- о наличии у них родственников, указанных в абзаце второго пункта 1 настоящей статьи, и о подконтрольных указанным родственникам лицам (подконтрольных организациях) (при наличии таких сведений);
- об известных им совершаемых или предполагаемых сделках, в совершении которых они могут быть признаны заинтересованными.

Также законодательно установлена обязанность предоставления при подготовке годового собрания отчета о заключенных обществом в отчетном году сделках, в совершении которых имеется заинтересованность. Отчет должен быть предварительно утвержден лицом, обладающим правом независимо от других лиц осуществлять полномочия единоличного исполнительного органа общества (в случае, если полномочия единоличного исполнительного органа осуществляют несколько лиц совместно, — всеми такими лицами), а также советом директоров (наблюдательным советом) общества и ревизионной комиссией (ревизором) общества в случае, если их создание предусмотрено уставом общества.

При этом, несмотря на то, что обязанность в получении предварительного согласия на совершение сделки с заинтересованностью отсутствует, а отсутствие такого согласия не является само по себе основанием для признания сделки недействительной, возможность получения такого согласия законодателем всё же предусмотрена (по требованию единоличного исполнительного органа, члена коллегиального исполнительного органа общества, члена совета директоров (наблюдательного совета) общества или участников (участника), доли которых в совокупности составляют не менее чем один процент уставного капитала общества).

Отдельно хотелось бы обратить внимание на то, что в п. 7 ст. 45 ФЗ «Об ООО» приведёт достаточно широкий перечень случаев, по которым правовой режим, установленный для сделок с заинтересованностью, не применяется. Стоит отметить, что, внося изменения в нормативные акты, законодатель значительно расширил перечень оснований освобождения от применения режима, установленного для совершения сделок с заинтересованностью. Такая тенденция является позитивной для правореализационной деятельности, поскольку позволяет освободить руководящие органы хозяйственных обществ от необходимости соблюдать перечень выше означенных процедур в отношении сделок, совершаемых в процессе обычной хозяйственной деятельности и на незначительную сумму.

Следует подчеркнуть диспозитивный характер регулирования совершения сделок с заинтересованностью в обществах с ограниченной ответственностью: уставом ООО может быть установлен отличный от установлен-

ного законом порядок одобрения таких сделок либо предусмотрено, что положения закона о сделках с заинтересованностью не применяются к этому обществу. Такие положения могут быть предусмотрены уставом общества при его учреждении или внесении изменений в его устав по решению общего собрания участников общества, принятому всеми участниками общества единогласно (п. 9 ст. 45 ФЗ «Об ООО»). В целом можно отметить, что законодатель стремится к упрощению процедуры согласования несущественных по сумме и значению сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, и на предоставление участникам обществ с ограниченной ответственностью (а также акционерам) значительной свободы в определении порядка согласования таких сделок или даже исключения необходимости их согласования.

Отмечая критерий несущественности сделок по сумме, а также понятие обычной хозяйственной деятельности общества, представляется целесообразным перейти к рассмотрению сущности крупных сделок как еще одного вида сделок, требующих особого порядка их совершения.

Понятие «крупной сделки» для российского права не новое. Изначально, данное понятие давалось в ФЗ «Об ООО» и ФЗ «Об акционерных обществах». Позднее было закреплено в ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников», в ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» и в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Так, в ст. 46 ФЗ «Об ООО» дается определение крупной сделки как сделки (несколько взаимосвязанных сделок), выходящей за пределы обычной хозяйственной деятельности и при этом:

- связанной с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом прямо либо косвенно имущества (в том числе заем, кредит, залог, поручительство) цена или балансовая стоимость которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества, определенной по данным его бухгалтерской (финансовой) отчетности на последнюю отчетную дату;
- предусматривающей обязанность общества передать имущество во временное владение и (или) пользование либо предоставить третьему лицу право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации на условиях лицензии, если их балансовая стоимость составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества, определенной по данным его бухгалтерской (финансовой) отчетности на последнюю отчетную дату.

При этом, как указывается в Информационном письме ФКЦБ России от 16.10.2001 N ИК-07/7003 «О балансовой стоимости активов хозяйственного общества», под балансовой стоимостью активов общества в целях признания сделки в качестве крупной сделки следует понимать валюту баланса общества, то есть сумму оборотных и внеоборотных активов по данным бухгалтерского баланса общества.

Также стоит обратить внимание, что на сегодняшний день законодатель вынес отдельным пунктом возможность отнесения договоров аренды к крупным сделкам. Рассмотрим вопрос отнесения сделки к крупной сделке на примере договора аренды. Из буквального содержания вышеприведенных правовых норм следует, что для квалификации договора аренды в качестве крупной сделки принимается во внимание балансовая стоимость передаваемого в аренду имущества, которая сопоставляется с балансовой стоимостью активов общества. Такой критерий используется для квалификации договора аренды в качестве крупной сделки для арендодателя, предоставляющего арендуемое имущество во временное владение и (или) пользование. Для арендатора же квалификация договора аренды в качестве крупной сделки зависит от всех платежей, подлежащих выплате в течение года по такому договору (арендные платежи, плата за электроэнергию и коммунальные ресурсы, обеспечительный платеж и др.). Сделка будет являться крупной, если сумма платежей за период действия договора (в отношении договора, заключенного на неопределенный срок, — за один год; в случае если размер платежа варьируется на протяжении действия такого договора, учитывается наибольшая сумма платежей за один год) составляет более 25 процентов балансовой стоимости активов общества (п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 N27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»).

Помимо стоимостного критерия отнесения сделок к крупным сделкам, как было отмечено выше, законодатель выделяет качественный критерий — обычная хозяйственная деятельность общества. Под сделками, совершаемыми в процессе обычной хозяйственной деятельности, понимаются сделки, заключаемые при осуществлении деятельности соответствующим обществом либо иными организациями, осуществляющими аналогичные виды деятельности. При этом не имеет значения, совершались ли такие сделки данным обществом ранее, если такие сделки не приводят к прекращению деятельности общества или изменению ее вида либо существенному изменению ее масштабов (п. 4 ст. 78 ФЗ «Об АО» и п. 8 ст. 46 ФЗ «Об ООО»). Указанный качественный критерий должен иметь место на момент совершения сделки, а последующее наступление таких последствий само по себе не свидетельствует о том, что их причиной стала соответствующая сделка и что такая сделка выходила за пределы обычной хозяйственной деятельности (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N27).

Например, заключение договора аренды будет обычной хозяйственной деятельностью для общества, которое занимается передачей объектов коммерческой недвижимости в аренду. В подобных случаях крупные сделки могут не одобряться по правилам ст. 78 ФЗ «Об АО» и ст. 46 ФЗ «Об ООО», однако, полагаю, при наличии каких-либо сомнений по этому поводу участник гражданского оборота

должен настаивать на получении корпоративного одобрения договора аренды.

В правовых нормах законодатель четко закрепил необходимость оформления согласия на совершение крупной сделки.

Закон различает порядок одобрения крупной сделки для АО и ООО. Так, для одобрения крупной сделки в АО необходимо организовать и провести собрание акционеров или получить решение единственного акционера. Для акционера/собрания акционеров совет директоров, а при его отсутствии — единоличный исполнительный орган должны подготовить заключение о крупной сделке (п. 2 ст. 78 ФЗ «Об АО»). Случаи, когда крупные сделки в АО не подлежат одобрению, установлены п. 3 ст. 78 ФЗ «Об АО».

В ООО крупные сделки одобряются на общем собрании участников, а если в обществе образован совет директоров и к его компетенции по уставу отнесены вопросы одобрения крупных сделок, то требуется решение указанного органа управления. Совет директоров может одобрять крупные сделки, стоимость которых составляет от 25% до 50% от балансовой стоимости активов общества на последнюю отчетную дату.

Для ООО допускается оформление решения о согласии на совершение ряда аналогичных сделок, в том числе с отлагательными условиями, с установлением возможных параметров и альтернативных условий. Такое решение может иметь указанный в нем определенный срок действия, а по умолчанию оно действует в течение года, если иной срок не следует из существа и условий сделок или обстоятельств, в которых давалось согласие (п. 3 ст. 46 ФЗ «Об ООО»). Случаи, когда крупные сделки в ООО не подлежат одобрению, установлены п. 7 ст. 46 ФЗ «Об ООО».

Также в рамках данной статьи хотелось бы рассмотреть установленный порядок оспаривания сделок с заинтересованностью и крупных сделок. Так, срок исковой давности по требованиям о признании крупных сделок и сделок с заинтересованностью недействительными и применении последствий их недействительности исчисляется по правилам пункта 2 статьи 181 ГК РФ и составляет один год. При этом, срок исковой давности по требованию о признании крупной сделки или сделки с заинтересованностью недействительной в случае его пропуска восстановлению не подлежит.

Также законодатель четко указывает, кто может выступать истцом по таким спорам — общества, члена совета директоров (наблюдательного совета) общества или его участников (участника), обладающих не менее чем одним процентом общего числа голосов участников общества.

Как установлено в п. 1 ст. 84 ФЗ «Об АО» и п. 6 ст. 45 ФЗ «Об ООО», сделка может быть признана недействительной, если она совершена в ущерб интересам общества и доказано, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для

общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность и (или) о том, что согласие на ее совершение отсутствует. При этом отсутствие согласия на совершение сделки само по себе не является основанием для признания такой сделки недействительной.

В отличие от крупных сделок, при обжаловании которых не требуется доказывать причинение убытков или наступление иных неблагоприятных последствий, для признания недействительной сделки с заинтересованностью ущерб, причиненный интересам хозяйственного общества, должен быть доказан.

Законодатель презюмирует наличие ущерба интересам общества в результате совершения сделки, в которой имеется заинтересованность, при наличии совокупности следующих условий:

- 1) отсутствует согласие на совершение или последующее одобрение сделки;
- 2) лицу, обратившемуся с иском о признании сделки недействительной, не была по его требованию предоставлена информация, касающаяся сделки, в том числе документы или иные сведения, подтверждающие, что сделка не нарушает интересы общества (и что она в том числе совершена на условиях, существенно не отличающихся от рыночных).

Презумпция ущерба интересам общества, очевидно, призвана стимулировать управомоченные органы общества на надлежащее осуществление возложенных на них обязанностей по предоставлению информации о сделке с заинтересованностью.

Интересным и важным с практической точки зрения является вопрос о возможности последующего согласования сделок, в совершении которых имеется заинтересованность.

Если применительно к крупным сделкам возможность их последующего одобрения предусмотрена самими законами (например, в ФЗ «Об АО» возможность последующего одобрения крупной сделки следует из самого названия его ст. 79) и основанием для отказа в удовлетворении требований о признании крупной сделки недействительной, в частности, является доказательство последующего одобрения сделки (п. 6.1 ст. 79 ФЗ «Об АО», п. 5 ст. 46 ФЗ «Об ООО»), то применительно к сделкам с заинтересованностью такая определенность отсутствует.

В заключение данной статьи хотелось бы отметить, что представляется целесообразным воспользоваться правом, предусмотренным законодательно, и указать порядок и условия заключения и получения согласия на заключение сделок с заинтересованностью и крупных сделок в уставе, чтобы заранее предусмотреть соблюдение интересов всех сторон корпоративных отношений. Также, на мой взгляд, в обязательном порядке необходимо анализировать сделки общества на момент их заключения на предмет соответствия крупным сделкам и сделкам с заинтересованностью с целью избежания дальнейшего признания их недействительными.

Литература:

1. Федерального закона от 08.02.1998 N14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024)
2. Федеральный закон от 26.12.1995 N208-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об акционерных обществах»
3. Загребаяева, Е. В. Правовое регулирование сделок, совершаемых юридическими лицами в особом порядке: специальность 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) наук»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Загребаяева Екатерина Владимировна; Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». — Москва, 2023. — 32 с. — Текст: непосредственный.
4. под ред. Шиткиной И. «Научно-практический комментарий к Федеральному закону об обществах с ограниченной ответственностью» / том 2. —: Статут, 2021.
5. Пленум ВС: крупные сделки и сделки с заинтересованностью по-новому. — Текст: электронный // vsrf: [сайт]. — URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/26957/?ysclid=m0zgn6xzhv182662902 (дата обращения: 12.09.2024). Бычков, А. И. При каких условиях аренда признается крупной сделкой? / А. И. Бычков. — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=483145&dst=428&rnd=AnjaAOU6ikgPRP201#rDorAOUWirBGM2Fk> (дата обращения: 12.09.2024).
6. Компетенция общего собрания участников ООО или акционеров. — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?BASENODE=32851-1&req=doc&cacheid=8416C5B87866EF1FCAE93538582C6108&mode=backrefs&rnd=kLJqtW&base=LAW&n=481694#O-qPuAOUGN14wt nau> (дата обращения: 12.09.2024)
7. Загребаяева, Е. В. Определение подхода правового регулирования к выявлению качественного критерия крупной сделки // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 7. — С. 105–108.
8. Загребаяева, Е. В. Определение единого подхода к выявлению сделки с заинтересованностью // International Law Journal. 2022. Том 5. № 5. — С. 9–13.
9. Загребаяева, Е. В. Сделки, совершаемые юридическими лицами в особом порядке: определение единого подхода // Право и экономика. 2021. № 7. — С. 46–51.
10. Загребаяева, Е. В. Контроль условий сделок, совершаемых юридическими лицами в особом порядке // Юрист. 2021. № 8. — С. 15–20.
11. Загребаяева, Е. В. К вопросу о лицах, заинтересованных в совершении сделок // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 2. — С. 50–55

Исковая давность и её гражданско-правовое значение

Каша Игорь Владимирович, студент магистратуры

Научный руководитель: Холевчук Артур Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент
Новороссийский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

В публикации исследуются концептуальные проблемы сущности срока исковой давности и её цивилистического предназначения. Автор финализирует вывод, что правовая определенность и стабильность в сфере гражданского оборота обеспечиваются в том числе нормативным закреплением сроков исковой давности. Кроме того, рассматриваемый институт стимулирует всех заинтересованных лиц своевременно осуществлять защиту своих субъективных гражданских прав. Вместе с тем, вряд ли обоснованно использование срока исковой давности в отраслях публично-правового характера, тем более — последние, как правило, предусматривают свои собственные давностные сроки.

Ключевые слова: *цивилистика, правовой срок, исковая давность, правовая определенность, защита субъективного права.*

Limitation Period and its Civil-Legal Significance

The publication examines the conceptual problems of the essence of the limitation period and its civilistic purpose. The author finalizes the conclusion that legal certainty and stability in the sphere of civil turnover are ensured, among other things, by the norma-

tive consolidation of limitation periods. In addition, the institution under consideration stimulates all interested parties to timely protect their subjective civil rights. At the same time, it is hardly justified to use the limitation period in public law branches, especially since the latter, as a rule, provide for their own limitation periods.

Keywords: *civilistics, legal term, limitation period, legal certainty, protection of subjective right.*

Важнейшая задача гражданского права — установить справедливые и стабильные «правила игры» для всех участников гражданских правоотношений. Это предполагает определенные временные факторы для осуществления гражданских прав и обязанностей, которые стабилизируют рыночный оборот и дисциплинируют всех его участников. Соблюдение установленных сроков нередко выступает важной гарантией законности и незлоупотребления правом в гражданских правоотношениях. При этом одним из важнейших цивилистических сроков выступает срок исковой давности.

Вопросы правильного темпорального правопонимания в цивилистике имеют не столько академическую, но и — прикладную значимость. Весьма неприятно, например, понести значительные временные, финансовые и кадровые энергозатраты (издержки), а потом выяснится, что весь объем этих усилий затрачен впустую, так как срок, отведенный для защиты субъективных материальных прав, уже истек. Поэтому все правовые аспекты, связанные с судебной защитой гражданских прав, чрезвычайно значимы и весомы.

В цивилистике (и теории права) весьма традиционным является рассматривать срок исковой давности в виде юридического факта-состояния, с которым закон связывает некие формально-юридические последствия.

Согласимся с авторами, которые заявляют о недопустимости смешения сроков исковой давности с пресекательными сроками, ограничивающими период самого существования субъективного права *per se* (как такового) [1, с. 14–15]. К примеру, пресекательный характер имеет срок действия поручительства, подробно урегулированный релевантными нормами п. 6 ст. 367 ГК РФ. В отличие от срока исковой давности, истечение пресекательного срока связано с прекращением именно (материальных) гражданских прав, а не процессуального права на судебную защиту последних.

В российской цивилистике концепт «давности» по его сути принято различать в двух аспектах, а именно: во-первых, *приобретательная давность*, призванная укреплять фактические состояния (напр., фактическое владение) и далее — трансформировать это фактическое состояние в правоотношение; во-вторых, *погасительная давность*, призванная прекращать возможность реализации неосуществленных гражданских прав.

В этом контексте срок исковой давности относится к погасительной давности, её объектом выступает конституционное право судебную защиты. закон здесь увязывает прекращение прав на судебную защиту не с истечением срока защиты, но — с применением срока исковой давности, функционально-целевое предназначение ко-

торого увязано с потребностью Российского государства гарантировать всем рыночным игрокам, добросовестно участвующим в конкурентной борьбе, стабильность и предсказуемость оборота, а также — с балансированием разнонаправленных интересов субъектов права (прежде всего, правонарушителей и потерпевших).

Кроме того, с точки зрения нормативной природы в доктрине также встречается понимание срока исковой давности в двух аспектах, как-то: во-первых, *в объективном контексте* — как совокупность гражданско-правовых нормативных предписаний; во-вторых, *в субъективном контексте* — как субъективное правомочие субъекта гражданского права, полагающего, что его право нарушено, на применение установленного срока для защиты права.

Российские суды сформировали устойчивую позицию о том, что применительно к сроку исковой давности под правомочиями потерпевших, нуждающихся в судебной защите, надлежит воспринимать субъективные гражданские права конкретных участников гражданских правоотношений.

Полагаем, возможно согласиться с учёными (напр., А. В. Малько, Е. А. Крашенинников, О. С. Полевая, Н. И. Матузов), предлагающими расширить сферу действия сроков исковой давности, распространив их, помимо гражданских прав, также и на охраняемые законные интересы. В этом контексте мы поддерживаем тезис о том, что область разрешённого в рамках правопорядка нельзя ограничивать исключительно субъективными правами; сфера дозволенного в праве всегда намного шире [2, с. 125]. С учётом изложенного, мы предлагаем законодательно расширить сферу действия срока исковой давности, добавив в неё, помимо гражданских прав, также — и законные интересы, что требует внесения соответствующих инноваций в ст. 195 ГК РФ.

Целевые установки сроков исковой давности, потребность присутствия исковой давности в системе гражданско-правовой регуляции социальных взаимодействий неоднократно разъясняли суды, цивилистический конструкт сроков исковой давности в качестве своей главной цели обозначает — упорядочение гражданского оборота, поддержание определенности и устойчивости правовых взаимосвязей, дисциплинирование участников рынка, способствование надлежащему выполнению договорных обязательств. Главное здесь — максимальная определенность и оперативность гарантировать в защите прав и интересов для всех вовлечённых участников оборота, ведь если в законодательстве не содержатся разумные темпоральные правоограничения в части защиты нарушенных субъективных прав, то ответчикам и третьим лицам угро-

жают весьма серьёзные риски, так как они не всегда смогут собрать и сохранить сведения и факты, юридически значимые для рассмотрения дела. Кроме того, цивилистический институт сроков исковой давности содействует защите и стимулирует участников оборота своевременно озаботиться осуществлением и защитой своих прав, и одновременно — содействует ограждению их от недобросовестных и необоснованных притязаний [3, с. 46].

Время стирает все нюансы, говорят французские юристы. По истечении длительного временного промежутка очень трудно достоверно выяснить обстоятельства произошедшего в далеком прошлом; в этих условиях риск судебной ошибки возрастает многократно. По весьма образному замечанию Р.С. Бевзенко, с которым трудно не согласиться, срок давности «забирает прошлое», охраняя «настоящее от угрозы его вторжения» [1, с. 24].

Среди ключевых целевых установок срока исковой давности следует назвать также баланс разнонаправленных интересов истца и ответчика. Как известно, ответчики лишены правовой возможности своевременно возбуждать судебный процесс, это — прерогатива истцов, пассивное отношение которых вызывает обоснованные сомнения в самом наличии и обоснованности их притязаний. Кроме того, ответчик, будучи вынужден парировать притязания истца по истечении длительного отрезка времени может попросту не найти (и не восстановить) надлежащие доказательства своей правоты. Поэтому посредством ограниченных во времени сроков исковой давности законодатель старается подтолкнуть участников гражданских правоотношений к скорейшей защите нарушенных субъективных прав.

Рассмотрим фундаментальную проблему. В цивилистике продолжается дискуссия по вопросу о правовой природе срока исковой давности, т.е. как следует её рассматривать — в материально-правовом или процессуальном контексте [2, с. 118]. Анализ доктринальных источников демонстрирует, что на сегодняшний день в правовой науке преобладает позиция о том, что срок исковой давности характеризует не процессуальная, но — материально-правовая природа. Многие правоведы полагают, что правоотношения, связанным с применением исковой давности, не свойственно большинство атрибутивных признаков процессуально-правовых отношений, их возникновение обуславливается юридическими фактами и составами ма-

териально-правового, но не процессуального характера. Тем самым основание срока исковой давности следует искать вне границ процессуального права.

Однако отдельные авторы (например, такие учёные как А.А. Добровольский, П.А. Ильичёв) рассматривают срок исковой давности в качестве комплексного образования, совмещающего в себе одновременно и материально-правовые, и процессуальные элементы (при преобладании материального права); они аргументируют свою позицию тем, что вне процессуальной сферы существование исковой давности невозможно.

Другая проблема касается признания моноотраслевой или межотраслевой природы сроков исковой давности [1, с. 38]. Вопрос звучит так: признавать ли срок исковой давности исключительно цивилистическим феноменом либо же надлежит рассматривать его в более широком контексте, применяя ко всем иным отраслям частного права, а возможно — и к области права публичного. Мы солидарны с представителями научного мира,

в этом вопросе мы присоединяемся к тем отечественным правоведам, утверждающими, что исковая давность все же выходит за узкоотраслевые рамки предмета только гражданского права, в частности — находя свое применение и в отношении судебных споров иной отраслевой природы (напр., семейных, трудовых, бюджетных, международного частного права). Вместе с тем, вряд ли обоснованно использование срока исковой давности в отраслях публично-правового характера, тем более — последние, как правило, предусматривают свои собственные давностные сроки.

Таким образом, имплементация в правовую ткань положений о сроках исковой давности позволяет упорядочить систему гражданско-правового воздействия, продуцируя формально-юридическую определённую и устойчивость в социально-правовых взаимодействиях, дисциплинируя всех акторов гражданских правоотношений, способствуя добросовестному исполнению договорных обязательств вовлечёнными участниками оборота. Кроме того, рассматриваемый институт стимулирует всех заинтересованных лиц своевременно осуществлять защиту своих гражданских прав. Итак, правовая определенность и стабильность в сфере гражданского оборота обеспечиваются в том числе нормативным закреплением сроков исковой давности общей и специальной природы.

Литература:

1. Бевзенко, Р.С. Сделки, представительство, исковая давность / Р.С. Бевзенко. — Москва: М-Логос, 2018. — 1264 с.
2. Ищук, А.Е. Особенности правового регулирования течения исковой давности в гражданском законодательстве / А.Е. Ищук // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 12 (51). С. 116–122.
3. Никишов, П.С. Судебная практика применения сроков исковой давности / П.С. Никишов // Вестник арбитражной практики. — 2020. — № 3. — С. 44–51.

Механизмы принуждения в финансовой сфере и их влияние на экономическую стабильность

Кремень Виктория Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Актуальность выбранной для исследования темы заключается в том, что в современных условиях финансовые рынки становятся все более скомпрометированными и требуют высокого уровня регулирования. Принуждение является одним из важнейших инструментов финансового права, позволяющим государству, регуляторам и надзорным органам обеспечить соблюдение финансовых норм и правил. В рамках данной статьи рассматриваются роль и значение принуждения в финансовом праве, а также проводится анализ механизмов принуждения в финансовом секторе и оценивается степень их воздействия на экономическую стабильность государства в целом. Полученные же результаты исследования дают возможность определить то, каким именно образом принуждение влияет на финансовую систему и какие эффективные инструменты регулирования следует применять для обеспечения устойчивого развития финансовой сферы.

Ключевые слова: финансовое право, принуждение, финансовая сфера, механизмы принуждения, экономическая стабильность, государство.

Введение

Бесперебойное функционирование финансовой системы в современном обществе, безусловно, является неотъемлемой частью экономики. Развитые и развивающиеся страны ежедневно стремятся обеспечить высокий уровень стабильности государственной экономики посредством различных инструментов. При этом финансовое право выступает в качестве «арбитра» в данном процессе. Оно позволяет обеспечить устойчивое и ускоренное развитие национальной экономики за счет, как осуществления контроля и надзора над финансовыми отношениями, так и за счет своевременного предотвращения нарушений законодательных норм.

К большому сожалению, в некоторых конкретных случаях обеспечение соблюдения всех установленных государством норм и правил в финансовой сфере требует от государственных органов применения принудительных мер. Под принудительными мерами в финансовом праве понимают специальные экономические меры, направленные на запрет (ограничение) совершения финансовых операций и (или) замораживание (блокирование) денежных средств и (или) иного имущества, принадлежащих блокируемым лицам, а также финансовых операций, совершаемых в интересах и (или) в пользу блокируемых лиц [1]. В иных случаях принудительные меры в финансовом праве принято соотносить со специальными экономическими мерами, которые применяются непосредственно в финансово-экономической сфере, в то время как принудительные меры могут применяться и в иных направлениях государственной деятельности [1].

В финансовом праве роль принуждения заключается в возможности использования различных мер и санкций в случае нарушения финансовых обязательств или несоблюдения установленных правил. Таким образом, принудительные меры позволяют государству через управление финансовыми потоками вести эффективный контроль за

исполнением финансовых обязательств, а также обеспечивать справедливость и равноправие субъектов финансовых отношений.

Основные инструменты принуждения, используемые в финансовой сфере

Современная правовая наука в наши дни предлагает несколько наиболее точных и рациональных классификационных критериев для систематизации мер государственного принуждения в финансовом праве. Главное отличие между предлагаемыми ею классификациями зачастую скрывается в качественной характеристике, на основе которой она строится. Одной из самых распространенных является классификация, основанная на принципе диверсификации мер принуждения. При этом данная классификация имеет внутреннее подразделение на следующие категории мер [2]:

— физические меры принуждения (данная группа мер включает в себя предъявление административного ареста, лечение под принуждением; данные меры принуждения в финансовом праве применяются редко, поскольку должны в обязательном порядке подкреплены законными основаниями, прописанными в нормативно-правовых актах);

— психологические меры принуждения (использование психологических мер принуждения в финансовом праве является неправомерным и нарушает основные права и свободы граждан, что в последние годы значительно сократило количество эпизодов их применения на практике);

— имущественные меры принуждения (данная группа мер принуждения в финансовом праве представляет собой меры, направленные на взыскание задолженности по налогам, сборам и другим финансовым обязательствам; они применяются в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения обязательств по уплате финансовых обязательств);

— организационные меры принуждения (данная группа мер принуждения в финансовом праве включает

в себя налогообложение, финансовые штрафы, неожиданные проверки и аудиты, конфискацию имущества и т.д.; данная категория мер используются для обеспечения соблюдения финансового законодательства и поддержания финансовой стабильности в государстве) [2].

Иная классификация разделяет меры принуждения на физические, моральные и логические [3]. Здесь следует заметить, что логические методы принуждения в финансовом праве — это методы применения силы или меры, направленные на обеспечение соблюдения финансового законодательства и достижения финансовых целей государства. Они основываются на логических принципах и законах и предполагают использование обоснованных аргументов и доказательств для убеждения нарушителя в необходимости исправления своих действий или уплаты штрафов и других финансовых санкций. В финансовом праве они включают в себя предупреждение, устное или письменное предписание исправить нарушение, назначение административного штрафа или налогового санкционирования и т.д. Важно понимать, что данная классификация особенно популярностью пользовалась во времена Советского Союза, и на сегодняшний день применяется практиками все реже.

Существует и такая классификация мер принуждения в финансовом праве, в основу которой закладывается объект воздействия [4]. Согласно данной классификации меры принуждения в финансовом праве должны подразделяться на следующие:

- административные штрафы;
- лишение или ограничение финансовых прав;
- конфискация имущества;
- арест счетов;
- административный надзор.

Исследование вопросов финансового принуждения будет неполным без анализа трудов Н. А. Саттаровой — одного из ведущих авторов по данной тематике. В рамках своей диссертационной работы ученый дает общую характеристику государственному принуждению, согласно которой под государственным принуждением следует понимать систематическое использование государством силы с целью привлечения граждан к соблюдению установленных правил и норм [5]. Раскрывая сущность понятия «государственное принуждение», Н. А. Саттарова объясняет и его особенности, проявляющиеся в финансовом праве. Автор утверждает, что государственное принуждение выступает в роли силового механизма, применяемого государством с целью обеспечить соблюдение правопорядка и выполнения обязательств гражданами и юридическими лицами в области финансов. Так, по мнению автора, государственное принуждение в финансовом праве — это неотъемлемая часть механизма, обеспечивающего финансовую стабильность и высокий уровень финансовой дисциплины, а также защищающий интересы как самого государства, так и его граждан в области финансовых взаимоотношений [5].

Все это позволяет нам немного иначе посмотреть на сущность понятия «меры принуждения» в контексте фи-

нансового права, связав его с государственным аппаратом управления, стремящимся обеспечить высокие темпы экономического развития и бесперебойную работу финансового рынка за счет регламентации ряда операций на нем, а также за счет санкционирования ряда правонарушений, доступных в процессе функционирования на финансовом рынке его субъектам.

В одной из своих научных статей Н. А. Саттарова, анализируя меры государственного принуждения, сосредотачивает свое внимание на таких категориях, как налоги, штрафы и санкции. Она подчеркивает, что правильно организованная система налогообложения является одним из ключевых инструментов государственного принуждения, потому что налоги играют важную роль в формировании бюджетных доходов и регулировании экономики [6]. Исходя из этого, мы видим, что меры финансового принуждения тесно взаимосвязаны с государственным принуждением, которое, в свою очередь, происходит из стремления преодолеть негативные тенденции в отечественной финансовой системе.

В целом, проведенный анализ позволил установить, что не все обоснованные специалистами меры принуждения могут считаться в полной мере законными и правомерными. Некоторые из таких мер основной своей целью видят психологическое и физическое воздействие на субъекта с тем, чтобы вынудить его исполнять предписанные законом права и обязанности в области финансового права. Тем не менее, все упомянутые нами инструменты принуждения используются для поддержания финансовой стабильности и защиты интересов инвесторов и потребителей. Они направлены на предотвращение финансового мошенничества, защиту от неплатежеспособности и обеспечение соблюдения законодательства в финансовой сфере.

Влияние принуждения на экономическую стабильность

На практике в Российской Федерации одной из важнейших составляющих системы права является финансовое право, которое образует в себе возможность государства и его представителей регулировать основные аспекты финансовой деятельности на территории страны. Кроме того, финансовое право несет ответственность за регулирование деятельности органов власти на всех уровнях в сфере финансов, а также деятельности юридических и физических лиц в рассматриваемой области. В то же время установление мер принуждения в финансовом праве является, безусловно, одним из важнейших аспектов финансового права, поскольку именно они способствуют выявлению и пресечению финансовых правонарушений на всех уровнях.

Принудительные меры, предусмотренные финансовым правом, могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на экономическую стабильность государства. Для того чтобы обосновать данное утверждение, нами была сформирована таблица 1.

Таблица 1. Влияние предусмотренных финансовым правом мер принуждения на экономическую стабильность государства

Позитивное влияние	Негативное влияние
Борьба с монополиями и олигополиями	Весьма неоднозначно влияет на предпринимательскую активность населения, сдерживает ее развитие
Осуществление регулирования финансовых рынков посредством рационализации операций на них протекающих	Замедление развития субъектов МСП, снижение активности инвесторов по отношению к бизнесу
Увеличение эффективности работы налоговой и фискальной систем	Распределение ресурсной базы неэффективным, в некоторых случаях необоснованным образом

Из анализа таблицы видим, что меры принуждения в финансовом праве во многом носят двойственный характер. Так, например, штрафные санкции, с одной стороны, позволяют эффективно осуществлять фискальную политику государства, а с другой стороны, оказывают негативное и местами неоднозначное влияние на усиление предпринимательской активности населения, а также на развитие бизнеса в целом. Кроме того, принуждение в виде высоких налогов или жесткого регулирования сдерживает инновационное развитие некоторых секторов экономики, приводя к уменьшению инвестиций в них и, соответственно, к потере динамики в экономическом росте, что в конечном итоге значительно нарушает экономическую стабильность государства.

В то же время грамотно реализуемые меры принуждения могут использоваться для предотвращения монополистических или олигополистических практик, к числу которых чаще всего относят завышение цен на продукты или услуги, а также искусственное сокращение объемов предложения для создания, так называемого искусственного дефицита, который подкрепляет ранее упомянутое завышение цен. Отсутствие монополий и олигополий на рынке, в свою очередь, способствует росту конкуренции на нем и формированию разнообразных предложений товаров и услуг по приемлемым ценам, позитивно сказываясь на общем уровне благосостояния населения.

Отдельное внимание хотелось бы уделить неэффективному распределению ресурсной базы, которое возникает в результате применения по отношению к экономическим субъектам принудительных мер. В данном случае подразумевается то, что, принудительные меры не могут быть в полной мере ориентированы государством на достижение равновесия на рынке. Они способствуют возникновению неэффективной аллокации ресурсов и, как следствие, появлению искажения цен на некоторые виды товаров и услуг.

В результате всего вышесказанного происходит образование дефицита или избытка товаров и услуг на рынке, которые нарушают стабильное экономическое развитие государства. Кроме того, неэффективное распределение ресурсной базы посредством нерационального применения мер финансового принуждения запускает процесс образования в экономике государства кризисных тенденций, что крайне негативно сказывается на всей финан-

сово-правовой системе страны, снижая уровень благосостояния населения.

В результате проведенного исследования удалось установить, что меры финансового принуждения в некотором случае применяются государственными органами власти необоснованно и хаотично. Это обусловлено тем, что подобное применение мер финансового принуждения может привести не только к вышеописанным негативным последствиям, но и в целом будет противоречить основным принципам правового государства. В таком случае, финансовые меры принуждения обязаны быть применяемыми только в тех случаях, когда они являются необходимыми и эффективными, когда они способствуют достижению большого количества публичных целей, к числу которых можно отнести: сбор налогов, пресечение экономических преступлений или защита прав потребителей.

Возможные последствия и риски применения мер принуждения

Очевидно, что на практике ученые и специалисты выделяют целый ряд последствий экономического и социального характера, которые возникают в результате применения принудительных мер, предусмотренных финансовым правом. При этом характер возникающих последствий во многом зависит от конкретной ситуации, в которой применялись финансовые меры принуждения.

Очевидно, что применение мер финансового принуждения в контексте реализации финансового права по отношению к нарушителю его основных положений является жестким методом наказания, негативно сказывающимся на его финансовом состоянии. К примеру, начисление штрафа лицу, вовремя не оплатившему налоговые сборы, или блокировка его счетов в банках и конфискация его имущества в счет уплаты налогов могут пошатнуть финансовое положение и поставить в затруднительное положение в отношении с кредиторами, инвесторами и партнерами. В результате подобных мер финансового принуждения у нарушителя возникает еще больше проблем в сфере финансов, которые в дальнейшем ограничивают его возможности во всех финансово-хозяйственных и производственных сферах деятельности.

Если же смотреть с другой стороны, то применение финансовых мер принуждения может влечет за собой пуб-

личное осуждение нарушителя. Например, признание компании виновной в финансовых махинациях наносит ущерб ее имиджу и репутации, портя взаимоотношения с инвесторами, партнерами и кредиторами, а также мешает в дальнейшем активно развиваться через построение добросовестных взаимоотношений с ними. В конечном итоге, компания-нарушитель теряет ряд бизнес-возможностей, не может удерживать высокий уровень конкурентоспособности и начинает задумываться о ликвидации или о вынужденном банкротстве.

Помимо всего вышесказанного, нам следует сделать акцент на том, что применение мер принуждения в не-

которых случаях оказывает и положительное воздействие на государственную экономику, а также на функционирование ее ключевых субъектов. Достигается оно путем обеспечения соблюдения правовых норм и осуществления контроля над деятельностью субъектов экономики в финансовой сфере. Осуществления реализации наказаний или предупреждений нарушителя приводит к публичной демонстрации того, что правовой порядок на территории государства поддерживается и соблюдается.

Из описанных выше последствий применения принудительных мер могут быть выделены и их основные риски, которые наглядно отражены на рисунке 1.

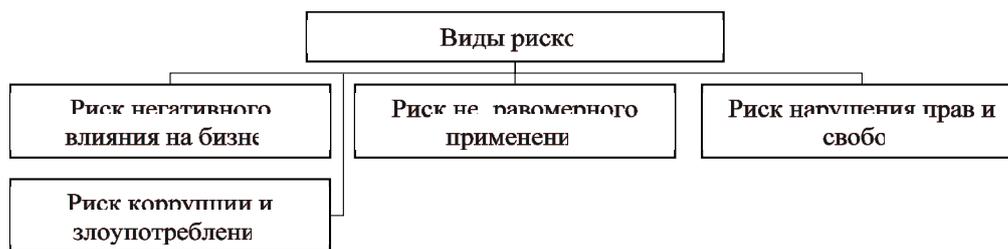

Рис. 1. Риски, связанные с применением предусмотренных финансовым правом принудительных мер

Рассмотрим каждый из представленных на рисунке рисков подробнее. Для начала обратим внимание на риск, связанный с возникновением коррупции. Данный вид риска может возникать в результате злоупотребления властью при выборе и реализации финансовых мер принуждения. Его существование в конечном итоге способствует осуществлению неэффективного распределения и перераспределения ресурсной базы, а также приводит к снижению уровня доверия граждан по отношению к государственным органам власти. Можно даже сказать, что коррупция становится своеобразным «бичом» для современного общества, приводя к снижению уровня эффективности работы многих компаний, организаций и учреждений.

Если же рассматривать более подробно риск, связанный с неправомерным применением мер финансового принуждения, то следует подчеркнуть, что он может возникать в двух случаях:

Риск может сопутствовать коррупционной схеме, подкрепляя ее идеи, а также способствуя достижению целей и задач;

Риск может возникать в результате существования ошибок и коллизий в отечественном финансовом законодательстве.

Его существование приводит к реализации детерминации негативных последствий для финансовых правонарушителей. В результате государственные органы власти сталкиваются с наращиванием объемов необоснованных судебных рисков и иных мер нормативно-правовых действий, ориентированных на установление правосудия.

Неконтролируемое и в некоторых случаях необоснованное применение мер финансового принуждения по от-

ношению к нарушителям отечественного финансового законодательства в некоторых конкретных случаях может приводить к возникновению риска нарушения прав и свобод человека и гражданина. Данный вид риска провоцирует зарождение в обществе социального недовольства, а также появление протестных движений, главной целью которых является реализация требований по пересмотру и упрощению финансового законодательства в контексте назначения и применения мер финансового принуждения.

Осмысляя все вышесказанное, мы видим, что назначение и применение мер финансового принуждения против нарушителей финансового законодательства Российской Федерации имеет большое количество последствий не только для государства, но и для общества в целом. С другой стороны, применение мер финансового принуждения может быть эффективным в тех случаях, когда оно соответствует ряду ключевых принципов: принцип справедливости, принцип гуманизма, принцип прозрачности и т.д. Несмотря на существование серьезных рисков, меры финансового принуждения в контексте поддержания высокого уровня соблюдения российских законов остаются одним из единственных способов поддерживать правопорядок в общественной и государственной финансовой деятельности.

Заключение

Очевидно, что государство при принятии решения о реализации мер финансового принуждения должно в обязательном порядке аргументировать принимаемое

им решение, подчеркивая его важность и безальтернативность в вопросе достижения справедливости и восстановления правосудия. Во многом это обусловлено именно тем, что меры финансового принуждения оказывают специфический эффект на права и свободы граждан Российской Федерации. Кроме того, в среднесрочной перспективе меры финансового принуждения оказывают неоднозначное влияние и на состояние экономической и социальной сферы общественной деятельности. Таким образом, применение мер финансового принуждения

в условиях некачественного правового регулирования может становиться одним из немногих инструментов финансового произвола, а также приводить к обесцениванию ключевых положений Конституции РФ. В таком случае, главной обязанностью государства остается обеспечение высокого уровня прозрачности процессов по принятию решений о применении мер финансового принуждения, а также осуществление контроля над деятельностью государственных органов власти, которые имеют полномочия по данному вопросу.

Литература:

1. О специальных экономических мерах и принудительных мерах: Федер. Закон [принят Гос. Думой 22.12.2006] // Собрание законодательства РФ. 2006. № 83. Доступ из справ.-правовой системы «pravo.gov.ru»: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102434182&backlink=1&&nd=102111154>.
2. Макарейко, Н. В. Административное принуждение в России: учебное пособие / Н. В. Макарейко. — Новгород: ННГУ, 2002. — 35 с. — Текст: непосредственный.
3. Ардашкин, В. Д. О принуждении по советскому праву / В. Д. Ардашкин. — Текст: непосредственный // Советское государство и право. — 1970. — № 7. — С. 33.
4. Дорошенко, О. М. Административное право / О. М. Дорошенко. — учебник для вузов. — Санкт-Петербург: Лань, 2021. — 168 с. — Текст: непосредственный.
5. Саттарова, Н. А. Принуждение в финансовом праве: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Саттарова Н. А. — 2006. — 493 с. — Текст: непосредственный.
6. Саттарова, Н. А. Меры государственного принуждения в бюджетной сфере как фактор эффективного функционирования финансовой системы / Н. А. Саттарова. — Текст: непосредственный // Lex Russica. — 2015. — № 8. — С. 96–107.

Об альтернативных правовых конструкциях регулирования мер принуждения за нарушение финансового законодательства

Кремь Виктория Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В рамках данной статьи представлены результаты анализа альтернативных правовых конструкций, применяемых в регулировании мер принуждения за нарушение финансового законодательства. Особое внимание будет ориентировано не только на определение их роли в становлении финансового плана, но и в особенностях их правоприменения в условиях двойственности ролей в области реализации финансового права. Актуальность выбранной для исследования темы заключается в отсутствии четкого определения роли альтернативных конструкций в процедуре применения мер принуждения в области финансового права.

Ключевые слова: финансовое законодательство, меры принуждения, альтернативные правовые конструкции, нарушения финансового законодательства.

В финансовом праве принудительные меры занимают особое место, обеспечивая практически стопроцентное исполнение всех финансовых обязательств, а также поддержание высокого уровня финансовой стабильности как самих субъектов, так и государства в целом. Но, несмотря на их особую роль, их бесконтрольное и не рационализированное применение может приводить к возникновению различных правовых проблем, которые,

в свою очередь, требуют от специалистов не только детального изучения, но и определения путей устранения.

Безусловно, нарушение финансового законодательства на территории Российской Федерации влечет за собой серьезные последствия для нарушителей, что выражается в мерах финансовой ответственности, уголовном наказании и применении к ним мер принуждения. В последнем случае на практике это сопряжено с использо-

ванием специальных правовых конструкций, их регулирующих. Подобные конструкции считаются многими известными отечественными специалистами важнейшей составляющей системы наказания за нарушения правил, установленных финансовым законодательством [1].

По мнению Е. Л. Васяниной, в последние несколько лет особую популярность получили альтернативные, применяемые в обход действующего законодательства, правовые институты регулирования мер принуждения в финансовой сфере [2]. Отметим, что особая сила у данных институтов, по мнению указанного автора, вызвана наличием у них субсидиарного и праввосстановительного характера по отношению к основному режиму [2]. Некоторые применяемые данными институтами меры принуждения не предусмотрены основным законодательством РФ и закрепляются непосредственно в локальных актах институтов, их применяющих.

Анализ альтернативных конструкций будет неполным без установления того, что собой представляет «правовая конструкция». С. Н. Болдырев определяет ее как некое средство правотворческой техники, которое заключается в моделировании, а также в определенном логическом построении нормативного материала [2]. При этом правовая конструкция одновременно выступает и в качестве метода познания права, и в качестве метода толкования норм права, объясняя конкретные ситуации, при которых меры принуждения могут применяться в процессе наказания за нарушения финансового законодательства.

Перед тем, как рассмотреть примеры альтернативных правовых конструкций регулирования мер принуждения за нарушение финансового законодательства, определим их сущность. В научной статье Д. В. Ливенцева утверждается, что под альтернативной правовой конструкцией можно понимать такую конструкцию, которая отличается от традиционных или общепринятых методов регулирования отношений [4]. В отличие от стандартных норм и принципов, альтернативная правовая конструкция предлагает альтернативные способы достижения целей и разрешения споров. Это может включать в себя использование новых правил, процедур или институтов, а также нестандартные подходы к правовому регулированию системы определения мер принуждения за нарушения правил и норм финансового законодательства.

Разница между альтернативной и традиционной правовой конструкцией регулирования мер принуждения за нарушение финансового законодательства заключается, как ожидалось в подходе к наказанию нарушителя, а именно, в том, как именно назначается способ и исполнения наказания, а также в том, какие меры применяются в качестве наказания. Традиционная правовая конструкция ориентируется исключительно на применение традиционных санкционных мер, основываясь на монополии государства на применение принуждения. В это же время она стремится привлечь нарушителя к ответственности в большинстве случаев непосредственно через судебный процесс. В это время альтернативная правовая

конструкция исходит из идеи о необходимости вариативности и индивидуализации мер принуждения. Данная конструкция стремится достичь не только наказания нарушителя, но и его полного восстановления и интеграции в общество через применение таких мер, как: процедурные разрешительные соглашения, гражданские или административные меры исправления, программы реабилитации и т.д. Ответственными в рамках реализации мер принуждения в альтернативной правовой конструкции становятся налоговые и иные органы власти, уводя ее в плоскость исключительно финансовой ответственности.

Ярким примером альтернативной правовой конструкции в данном случае является Письмо от 25 июля 2017 г. № ЕД-4-15/14490@, закрепившее в себе порядок работы комиссии по легализации налоговых баз [5]. Также в Письме № 4-15/14490@, помимо правил о мерах принуждения праввосстановительного и пресекающего характера, закреплялось положение, применяемое по отношению к налогоплательщикам, которые не явились на заседание комиссии мер ответственности, предусмотренных ст. 19.4 КоАП РФ [6].

Еще одним примером альтернативной конструкции, используемой в рамках реализации на практике мер принуждения в области финансового права, является Письмо от 10 июля 2018 г. № ЕД-4-15/13247@, которое предусматривало в себе закрепление порядка аннулирования налоговых деклараций [7].

Исходя из вышеизложенного, мы можем видеть, что в большинстве своем альтернативные конструкции регулирования мер принуждения за нарушение финансового законодательства применяются налоговыми органами РФ, которые в последнее время активно используют не установленные Налоговым кодексом РФ формы предпроверочного анализа и связанных с их проведением мер принуждения. Здесь же следует выделить и наличие Приказа ФНС России от 27 февраля 2015 г. № ММВ-8-2/13дсп@, которые не только не опубликован, но и не зарегистрирован в Министерстве юстиций Российской Федерации в качестве нормативно-правового акта. Данный приказ нацелен на поощрение активного использования мер принуждения, предусмотренных финансовым правом, в целях увеличения уровня добровольного исполнения их налоговых обязательств [8].

По мнению автора данного исследования, данный приказ в некоторой степени противоречит закрепленным в Конституции Российской Федерации правам и свободам человека и гражданина, давая возможность налоговым органам использовать различные меры принуждения, не подкрепляя их обоснованием необходимости. Получается, что, если налогоплательщик по факту не нарушал налогового или финансового законодательства, он все же может быть подвергнут мерам принуждения по усмотрению налогового органа. Это повышает риски злоупотреблений со стороны властных органов, и развития коррупционных схем.

Сложно сказать, явился ли кризис правоприменения последствием возникновения альтернативных конструкций применения мер принуждения в финансовом праве, или же он стал его причиной. С одной стороны, новые конструкции создают в нормативно-правовом пространстве некую путаницу, приводя к неправильному толкованию, пониманию и применению законодательных норм, которые, в свою очередь, значительно снижают уровень доверия населения к системе правосудия. С другой стороны, сам по себе кризис правоприменения указывает на отсутствии четкого понимания, как и в каких случаях следует применять те или иные нормы и правила, закрепленные законодательством. Из этого следует, что возникновение альтернативных конструкций применения мер принуждения в финансовом

праве — это лишь способ унифицировать их, используемый различными органами власти с целью увеличить эффективность своей работы и снизить количество правонарушений в вверенной ими государственной властью областями.

Таким образом, альтернативные правовые конструкции, несомненно, играют особую роль в регулирование мер принуждения, предусмотренных за нарушение правил и норм, зафиксированных финансовым законодательством. Однако эффективное использование подобных конструкций в области реализации мер принуждения в финансовом праве становится возможным только при условии учета всеми субъектами правоотношений ключевых аспектов российского законодательства и уровня развития отечественной правовой системы в целом.

Литература:

1. Запольский, С. В. Об альтернативных правовых конструкциях регулирования финансовых отношений / С. В. Запольский. — Текст: непосредственный // Государство и право. — 2023. — № 3. — С. 11–119.
2. Васянина, Е. Л. Применение мер правового принуждения за нарушение финансового законодательства: проблемы теории и практики / Е. Л. Васянина. — Текст: непосредственный // Правоприменение. — 2023. — № 2. — С. 53–62.
3. Болдырев, С. Н. Юридическая конструкция как средство юридической техники / С. Н. Болдырев. — Текст: непосредственный // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. — 2009. — № 1. — С. 36–40.
4. Ливенцев, Д. В. Альтернативная юридическая ответственность: понятие и критерии институционализации / Д. В. Ливенцев. — Текст: непосредственный // Вестник казанского юридического института МВД России. — 2021. — № 3. — С. 317–321.
5. О работе комиссии по легализации налоговой базы и базы по страховым взносам: Письмо ФНС России от 25.07.2017 N ЕД-4-15/14490@ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_222539/.
6. Ст. 19.4 Неповиновение законному распоряжению должностного лица органа, осуществляющего государственный надзор (контроль), должностного лица организации...: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/0dd0f5ea5fc103d05b56af9b614e8387081cba79/.
7. О профилактике нарушений налогового законодательства: Письмо ФНС России от 10.07.2018 № ЕД-4-15/13247@ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302822/.
8. Об утверждении формы уведомления о подтверждении права налогоплательщика на получение социальных налоговых вычетов, предусмотренных подпунктами 2 и 3 пункта 1 статьи 219 Налогового кодекса Российской Федерации: Приказ ФНС России от 27.10.2015 № ММВ-7-11/473@ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189213/.

Распределение бремени доказывания в гражданском судопроизводстве

Кругликова Елена Александровна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Статья посвящена анализу принципа распределения бремени доказывания в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. В работе рассматриваются теоретические основы и практические аспекты применения данного принципа, его законодательное закрепление и особенности реализации в различных категориях гражданских дел.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, бремя доказывания, доказательств, гражданский процесс, презумпции, правовые фикции, состязательность, роль суда, гражданско-процессуальное законодательство, особенности доказывания.

Распределение бремени доказывания является одним из аспектов гражданского судопроизводства, и играет роль в определении исхода дела. Этот принцип устанавливает, какая из сторон несет ответственность за предоставление доказательств в поддержку своей позиции. Понимание механизмов распределения бремени доказывания необходимо для эффективной защиты прав и интересов в суде.

Бремя доказывания представляет собой обязанность стороны доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений. Это принцип гражданского процесса, который определяет, кто из участников судебного разбирательства должен представить доказательства и убедить суд в правоте своей позиции.

В российском законодательстве принцип распределения бремени доказывания закреплен в статье 56 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) [1] и статье 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ) [2]. Согласно этим нормам, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений.

Основное правило распределения бремени доказывания можно сформулировать следующим образом: сторона, утверждающая о наличии определенного факта или права, должна его доказать. Это означает, что:

1. Истец должен доказать обстоятельства, обосновывающие его исковые требования.
2. Ответчик обязан доказать обстоятельства, на которых основаны его возражения против иска.

Это правило еще отражено в статье 12 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), которая устанавливает, что лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Презумпции тоже являются частью распределения бремени доказывания. Они представляют собой предположения о существовании факта, которые считаются истинными, пока не доказано обратное. Наличие презумпций может существенно влиять на распределение бремени доказывания [5].

Например, презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений, которая установлена в статье 10 ГК РФ, означает, что добросовестность и разумность действий участников гражданских правоотношений предполагаются, пока не доказано обратное. Это перекладывает бремя доказывания недобросовестности на сторону, которая утверждает о наличии такого факта.

Распределение бремени доказывания может иметь свои особенности в зависимости от категории рассматриваемого дела. Рассмотрим некоторые примеры:

1. Дела о защите прав потребителей: В этой категории дел действует презумпция вины продавца (исполнителя, изготовителя), установленная Законом РФ «О защите

прав потребителей» (статья 14). Потребитель не обязан доказывать вину ответчика в причинении вреда, она предполагается, пока продавец не докажет обратное.

2. Трудовые споры: Согласно статье 392 Трудового кодекса РФ, при рассмотрении дел об увольнении работника бремя доказывания правомерности увольнения и соблюдения установленного порядка увольнения возлагается на работодателя.

3. Дела о компенсации морального вреда: В соответствии со статьей 151 ГК РФ, истец должен доказать факт причинения ему морального вреда, а также наличие причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникновением морального вреда. При этом размер компенсации определяется судом.

4. Дела о защите чести, достоинства и деловой репутации: В этих делах, согласно статье 152 ГК РФ, действует презумпция несоответствия распространенных порочащих сведений действительности. Истец должен доказать факт распространения сведений и их порочащий характер, а ответчик — соответствие этих сведений действительности.

Доказательственные презумпции и фикции тоже влияют на распределение бремени доказывания.

Доказательственная презумпция — это закрепленное в законе предположение о существовании факта или его отсутствии, которое основано на связи между предполагаемым фактом и фактом установленным. Примером может служить презумпция отцовства, установленная в статье 48 Семейного кодекса РФ: если ребенок родился в зарегистрированном браке или в течение 300 дней после его расторжения, то муж (бывший муж) матери предполагается отцом ребенка, пока не доказано иное [4].

Правовая фикция — это закрепленное в законе положение о признании существующим несуществующего факта или наоборот. Например, объявление гражданина умершим при его безвестном отсутствии в течение установленного законом срока (статья 45 ГК РФ).

Суд также является частью в распределении бремени доказывания. Согласно статье 56 ГПК РФ и статье 65 АПК РФ, суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

В соответствии со статьей 57 ГПК РФ и статьей 66 АПК РФ, суд вправе предложить сторонам представить дополнительные доказательства. При этом суд должен оказывать содействие в собирании и истребовании доказательств, когда представление доказательств для сторон затруднительно.

Неисполнение стороной обязанности по доказыванию может привести к неблагоприятным последствиям для нее. Если сторона не смогла доказать обстоятельства, на которые она ссылается, суд может признать эти обстоятельства не установленными, что может повлечь отказ в удовлетворении требований или возражений этой стороны (статья 67 ГПК РФ, статья 71 АПК РФ).

Распределение бремени доказывания может иметь свои особенности в зависимости от вида гражданского судопроизводства. Рассмотрим это на примере искового и особого производства в таблице 1:

Таблица 1. Пример искового и особого производства

Вид производства	Особенности распределения бремени доказывания	Правовое основание
Исковое производство	Действует общее правило: истец доказывает обстоятельства, обосновывающие иск, ответчик — обстоятельства, обосновывающие возражения против иска	ст. 56 ГПК РФ, ст. 65 АПК РФ
Особое производство	Заявитель должен доказать обстоятельства, обосновывающие заявленное требование. Других сторон нет, поэтому бремя доказывания не распределяется между сторонами	ст. 262 ГПК РФ

Распределение бремени доказывания является важным элементом гражданского судопроизводства, и определяет ход и результат судебного разбирательства. Правильное понимание и применение принципов распределения бремени доказывания, закрепленных в ГПК РФ, АПК РФ, ГК РФ и других законодательных актах, нужно для эффективной защиты прав и законных интересов участников гражданского процесса.

Несмотря на наличие общих правил, распределение бремени доказывания — это процесс, который может ме-

няться в ходе судебного разбирательства. Суд играет активную роль в этом процессе, направляя стороны и обеспечивая справедливое рассмотрение дела.

Знание особенностей распределения бремени доказывания в различных категориях дел, понимание роли презумпций и фикций, умение правильно оценивать свои возможности по доказыванию тех или иных обстоятельств — все это необходимо для успешного ведения дела в суде и защиты своих прав и интересов в рамках гражданского судопроизводства.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. N46. ст. 4532.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. N30. ст. 3012.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N32. ст. 3301.
4. Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе: учеб.-практ. пособие для вузов / И. В. Решетникова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 388 с.
5. Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М.: Городец, 2018. — 304 с.

Меры уголовно-процессуального принуждения: проблемы правоприменения

Кулешин Виктор Сергеевич, студент

Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Орел)

Объектом анализа данной работы являются меры уголовно-процессуального принуждения в рамках уголовного судопроизводства. Содержание статьи акцентируется на значимость этих мер как инструментов для обеспечения защиты интересов и прав, закрепленных в законе, как общего государственного, так и индивидуального характера, а также подчеркивает их роль в поддержании законности и реализации правосудия. С другой стороны, несмотря на статус их фундаментальной необходимости, реальное применение рассматриваемых мер не всегда соответствует ожидаемым результатам эффективности. В этом контексте, в статье рассматриваются проблемы, возникающие в ходе использования принудительных мер, а также исследуются стратегии их развития и усовершенствования, принимая во внимание высший приоритет прав и свобод граждан в современном обществе.

Ключевые слова: инструменты уголовного правосудия, правоохранительные органы, арест, привод, порядок.

Уголовно-процессуальное принуждение является важным инструментом в системе уголовного правосудия, обеспечивающим защиту прав и законных интересов как государства, так и граждан. Меры уголовно-процессуального принуждения разделены на три группы:

1. Задержание подозреваемого (ст. 91–96 УПК).
2. Меры пресечения:
 - подписка о невыезде и надлежащем поведении;
 - личное поручительство;
 - наблюдение командования воинской части;
 - присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым;
 - запрет определённых действий;
 - залог;
 - домашний арест;
 - заключение под стражу.
3. Иные меры процессуального принуждения:
 - обязательство о явке;
 - привод;
 - временное отстранение от должности;
 - наложение ареста на имущество;
 - денежное взыскание.

К часто применяемым видам мер уголовно-процессуального принуждения относятся задержание, арест, привод. Каждая из этих мер имеет свои специфические цели и порядок применения. Задержание лица осуществляется в случаях, когда существуют достаточные основания для подозрения его в совершении преступления и когда необходимо предотвратить его возможность скрыться от правосудия [1, с. 236]. Важно отметить, что закон устанавливает четкие пределы временных рамок для задержания, что позволяет избежать злоупотреблений и обеспечивать защиту прав задержанных.

Арест — более строгая мера, которая применяется в ситуациях, когда имеются основания предполагать, что лицо будет уклоняться от следствия или суда [2, с. 146]. Арест может быть как кратковременным, так и длительным, в зависимости от характера преступления и наличия доказательств. Порядок применения ареста также строго регламентирован уголовно-процессуальным кодексом, чтобы избежать произвола со стороны властей.

Привод, как мера принуждения, предназначена для обеспечения явки лица в органы следствия или суда [3, с. 108]. Применение указанного инструмента имеет свои особенности, так как это может вызывать негативные последствия в виде общественного порицания или дискредитации лица, которое подлежит принудительному приводу.

Формы обеспечения исполнения процессуальных обязательств могут включать подписку о невыезде, внедрение электронной системы слежения и другие способы, способствующие контролю за подозреваемыми или обвиняемыми. Эти меры позволяют избежать чрезмерной жест-

кости, связанной с арестом, при этом гарантируя, что лицо будет доступно для следствия.

При анализе действующих норм Уголовно-процессуального кодекса РФ можно выделить проблемы, связанные с правоприменением мер уголовно-процессуального принуждения. Одной из серьезных проблем является несоответствие между теоретическими основами применения этих мер и реальной практикой [4, с. 66]. Значимой проблемой является недостаток контроля над применением мер принуждения. Это может быть связано с отсутствием полной отчетности и недостаточной прозрачностью действий правоохранительных органов. Без адекватного контроля и мониторинга возрастает риск злоупотреблений со стороны следственных органов, что может негативно повлиять на права и свободы граждан.

Кроме того, необходимо учитывать, что различные региональные особенности могут влиять на применение мер принуждения. Практика правоохранительных органов в одних субъектах может значительно отличаться от другой, что требует общей унификации подходов [5, с. 87].

Еще одна проблема заключается в недостаточной ясности норм, регулирующих применение мер принуждения. Это приводит к тому, что правоприменители интерпретируют закон по-разному, что создает неопределенность и может стать основанием для необоснованных решений [6, с. 87]. Например, вопрос о том, в каких случаях применение ареста будет обоснованным, а в каких — избыточным, может оцениваться по-разному в зависимости от субъективного подхода следователя или судьи.

Существует также проблема несоразмерности применяемых мер. Часто временные ограничения, установленные для применения мер, не учитывают индивидуальные обстоятельства дел, что может приводить к необоснованному использованию строгих мер, таких как задержание или арест [7, с. 78]. Процесс проведения расследования может становиться формальным, и при этом будут учитываться не столько факты, сколько формальные основания для применения строгих мер уголовно-процессуального принуждения. Это в свою очередь негативно влияет на правосознание граждан и их доверие к правоохранительной системе.

Несмотря на озвученные проблемы, существует ряд направлений, способных улучшить ситуацию. К таковым можно отнести внедрение и развитие специализированных курсов для следователей и судей, ориентированных на правильное применение мер принуждения. Обучение должно акцентировать внимание на рисках и возможных последствиях необоснованных решений, а также формировать у правоприменителей более высокие этические стандарты.

Оптимизация систематизации и применения мер уголовно-процессуального принуждения — задача, требующая комплексного подхода. Необходима координация между

различными государственными структурами и обеспечение адекватного обучения и подготовки сотрудников правоохранительных органов позволят значительно повысить уровень правосознания и снизить вероятность применения мер принуждения, нарушающих права граждан.

Важно, чтобы осуществлялась тщательная проверка сведений при применении мер процессуального принуждения, то есть применению рассматриваемых мер должна предшествовать проверка сведений, которая позволит сформировать у следователя или иного уполномоченного лица вывод о необходимости применения принудительного воздействия, также необходимо закрепить сформированный вывод в процессуальном документе.

Автоматизация процессов, связанных с использованием мер принуждения, также могла бы существенно повысить прозрачность работы правоохранительных органов и минимизировать возможность злоупотреблений. Системы сбора и анализа данных в реальном времени позволят не только вести учет схем применения мер, но и развивать эффективные механизмы для оценки ситуации на уровне самой прокуратуры и судебной системы.

В заключение данной работы следует подвести итоги и обобщить основные выводы, касающиеся мер уголовно-

процессуального принуждения в Российской Федерации, а также выявленные проблемы и предложенные пути их решения. Меры уголовно-процессуального принуждения представляют собой важный инструмент в системе уголовного правосудия, обеспечивая баланс между необходимостью защиты прав граждан и интересами общества в целом. Однако, как показано в ходе исследования, их применение не всегда осуществляется эффективно и справедливо, что может приводить к серьезным нарушениям прав человека и подрыву доверия к правосудию.

Проблемы правоприменения мер уголовно-процессуального принуждения в Российской Федерации требуют комплексного подхода и внимательного изучения. Системные изменения, направленные на четкость и недвусмысленность норм, повышение квалификации правоприменителей, а также развитие механизмов контроля, которые в свою очередь смогут существенно изменить ситуацию и способствовать более эффективному и гуманному применению рассмотренных мер принуждения. Заключение о необходимости реформ становится не просто поводом для обсуждения, но и актуальной задачей для всей системы уголовного правосудия, направленной на защиту прав человека и законных интересов граждан.

Литература:

1. Теппеев, А. А. Понятие мер уголовно-процессуального принуждения и их виды / А. А. Теппеев // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — Т. 13, № 4. — С. 235–238.
2. Стельмах, Ю. С. Виды ограничений, применяемых в рамках мер пресечения / Ю. С. Стельмах // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 1(13). — С. 145–154.
3. Байрамова, Н. У. Привод как иная мера процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России / Н. У. Байрамова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 31 (478). — С. 108–110. — URL: <https://moluch.ru/archive/478/105141/> (дата обращения: 12.09.2024).
4. Гараева, Т. Б. Актуальные проблемы применения иных мер уголовно-процессуального принуждения / Т. Б. Гараева // Научный портал МВД России. — 2023. — № 2(62). — С. 64–69.
5. Затолокин, А. А. Правовые и организационные особенности применения полицией отдельных мер государственного принуждения / А. А. Затолокин // Общество и право. — 2022. — № 1(79). — С. 85–90.
6. Арсланбекова, А. З. Проблемы применения административного принуждения / А. З. Арсланбекова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. — 2019. — Т. 34, № 2. — С. 86–92.
7. Муравьев, К. В. Соразмерность процессуальных ограничений грозящему наказанию и экономия принуждения при выборе меры пресечения / К. В. Муравьев // Юридический вестник Самарского университета. — 2020. — Т. 6, № 4. — С. 72–79.

Сравнительно-правовой анализ института антикоррупционного права в России, Германии и Франции

Лобачев Денис Сергеевич, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

Целью данной статьи является проведение сравнительно-правового анализа института антикоррупционного законодательства в России, Германии и Франции. В исследовании рассматривается правовая база, механизмы правоприменения и эффективность антикоррупционных мер в этих странах. Анализ основан на анализе соответствующего законодательства, судебной практики и научной литературы. Основные выводы показывают, что, хотя правовые рамки

для борьбы с коррупцией были созданы во всех трех странах, существуют значительные различия в их применении и эффективности.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное право, борьба с коррупцией.

Коррупция — это глобальная проблема, которая подрывает эффективность государственного управления, экономическое развитие и верховенство закона. В последние годы международные организации и правительства предприняли значительные усилия по борьбе с коррупцией, приняв антикоррупционные законы и политику. В данной статье сравниваются правовые институты, направленные на борьбу с коррупцией в России, Германии и Франции, особенно в рамках регулирования, механизмов правоприменения и эффективности антикоррупционных мер в этих странах.

Нормативно-правовая база

Основные антикоррупционные законы в России включают федеральный закон «О противодействии незаконному влиянию на осуществление властных полномочий» (2003), федеральный закон «О противодействии коррупции» (2008) и уголовное законодательство Российской Федерации. Правовая база охватывает широкий спектр уголовных преступлений, включая взяточничество, растрату и злоупотребление властью:

Немецкое антикоррупционное законодательство в первую очередь основано на уголовных законах, которые запрещают взяточничество, нарушая правовое и местное влияние. Кроме того, в 1997 году был принят Общий закон о борьбе с коррупцией (GwG), направленный на укрепление системы антикоррупционных мер.

Французское антикоррупционное законодательство включает Уголовный кодекс, который предусматривает уголовную ответственность за взяточничество, торговлю влиянием и злоупотребление служебным положением. Закон Сапин II о прозрачности, борьбе с коррупцией и модернизации экономической жизни, принятый в 2016 году, является всеобъемлющим антикоррупционным законом, который укрепляет механизмы обеспечения соблюдения и требует от компаний внедрения внутренних программ соблюдения нормативных требований.

Механизмы обеспечения соблюдения

В России Следственный комитет, Генеральная прокуратура и Федеральная служба безопасности несут основную ответственность за соблюдение антикоррупционного законодательства. Для облегчения информирования о коррупционных правонарушениях были созданы «горячая линия» по борьбе с коррупцией и веб-сайт антикоррупционного портала.

В Германии за соблюдение законов о борьбе с коррупцией отвечает государственная прокуратура. Федеральное управление уголовной полиции и Центральное

управление по борьбе с экономическими преступлениями (Zentralstelle zur Bekämpfung von Wirtschaftsverbrechen, ZW) играют определенную роль в обеспечении соблюдения законов. Защита информаторов гарантируется Законом о неразглашении. (Geheimhaltungsverbotsgesetz)

Во Франции Национальная финансовая прокуратура (NF) отвечает за соблюдение антикоррупционного законодательства. Французское агентство по борьбе с коррупцией (AFA) было создано в 2016 году для надзора и обеспечения соблюдения Закона Сапен II.

Эффективность антикоррупционных мер

Россия добилась прогресса в реализации антикоррупционных мер, но их эффективность по-прежнему ограничена. Случаи коррупции на высоком уровне и отсутствие прозрачности в правоприменительной практике вызывают опасения по поводу целостности антикоррупционной системы.

В Германии действует надежная антикоррупционная правовая система и правоприменительные механизмы. Однако этим мерам препятствует отсутствие прозрачности в правоохранительной деятельности и ограниченный охват правовой базы.

Франция добилась значительных успехов в реализации антикоррупционных мер, в частности, благодаря принятию закона Сапен II. Эффективность этих мер очевидна благодаря прозрачному процессу правоприменения и всеобъемлющей правовой базе.

Факторы, влияющие на эффективность антикоррупционных мер

Политическая воля

Политическая воля правительства является решающим фактором успеха усилий по борьбе с коррупцией. В России отсутствие политической воли и прозрачности в правоприменительной практике снижает эффективность этих мер. В отличие от этого, Франция и Германия демонстрируют более сильную политическую приверженность борьбе с коррупцией.

Правовая база

Всесторонность и ясность законодательной базы также играют важную роль в успехе антикоррупционных инициатив. Хотя в России действует широкий спектр законов о борьбе с коррупцией, отсутствие последовательности и ясности в правовой системе может препятствовать их применению. Франция и Германия имеют более всеобъем-

лющую и последовательную правовую базу, которая повышает эффективность их усилий по борьбе с коррупцией.

Механизмы правоприменения

Независимость и ресурсы правоохранительных органов играют решающую роль в эффективности усилий по борьбе с коррупцией. В России этим ведомствам не хватает ни независимости, ни достаточных ресурсов, что может снизить эффективность их усилий. С другой стороны, в Германии и Франции, где правоохранительные органы пользуются большей независимостью и лучше оснащены ресурсами, антикоррупционные инициативы более успешны.

Информированность и участие общественности

Кроме того, успеху этих инициатив также способствуют осведомленность общественности и ее участие в борьбе с коррупцией. В России наблюдается высокий уровень осведомленности общественности о коррупции, однако отсутствие доверия к правоохранительным органам может препятствовать эффективному участию. И наоборот, в Германии и Франции как общественность, так и правительство более активно участвуют в борьбе с коррупцией, что приводит к разработке более эффективных стратегий борьбы с коррупцией.

Рекомендации по улучшению

Укрепление политической воли: Правительства должны продемонстрировать свою приверженность борьбе с коррупцией, публично объявив о своих усилиях и планах в этой области. Они также должны привлечь к ответственности коррумпированных должностных лиц на самых высоких уровнях государственного управления.

Развитие правовой базы: Правительствам следует постоянно обновлять и совершенствовать свои антикоррупционные законы, чтобы обеспечить более четкую и эффективную защиту от коррупции. Это может включать расширение сферы применения законов и введение более строгих наказаний за коррупционные деяния.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 N273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О противодействии коррупции» // СПС КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
2. Закон Сапин II о прозрачности, борьбе с коррупцией и модернизации экономической жизни [Электронный ресурс]. Дата обращения: 22.06.2024. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>
3. Артемов Владислав Юрьевич Сравнительно-правовой анализ имплементации конвенции оэср по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок // Евразийская адвокатура. 2014. № 4 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-implementatsii-konventsii-oesr-po-borbe-s-podkupom-inostrannyh-dolzhnostnyh-lits-pri-osuschestvlenii> (дата обращения: 22.06.2024).
4. Лаптева В. В. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией в системе государственной власти // Экономика и социум. 2017. № 12 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-borby-s-korrupsiey-v-sisteme-gosudarstvennoy-vlasti> (дата обращения: 22.06.2024).

Укрепление механизмов правоприменения: Правила должны обеспечить независимость правоохранительных органов и наличие необходимых ресурсов для эффективного применения антикоррупционных законов. Это может включать предоставление дополнительной финансовой и технической поддержки, а также обучение сотрудников правоохранительных органов методам борьбы с коррупцией.

Расширение участия общественности: Правительствам следует повышать роль граждан в борьбе с коррупцией путем создания механизмов информирования о коррупционной практике, а также привлечения общественного мнения к обсуждению антикоррупционной политики. Это может включать расширение программ защиты и повышение осведомленности о коррупции и ее последствиях.

Координация и сотрудничество: Россия, Германия и Франция могут укрепить сотрудничество в области борьбы с коррупцией путем обмена опытом и передовой практикой, а также совместной работы в международных и региональных организациях, таких как Организация Объединенных Наций и Совет Европы.

Заключение

Сравнительный правовой анализ антикоррупционного законодательства России, Германии и Франции показывает, что, хотя все три страны внедрили правовую базу для борьбы с коррупцией, существуют заметные различия в том, как они применяются и насколько эффективны. Такие факторы, как политическая воля, правовая база, механизмы правоприменения, осведомленность общественности и ее участие, играют важную роль в определении успеха усилий по борьбе с коррупцией.

Для повышения эффективности этих усилий в этих трех странах важно устранить выявленные недостатки в антикоррупционной системе каждой страны. Это может включать укрепление правовой базы, совершенствование механизмов правоприменения, повышение осведомленности и вовлеченности общественности, а также укрепление политической воли к борьбе с коррупцией. Решая эти проблемы, эти страны могут работать над созданием более эффективной антикоррупционной среды.

5. Болотина Е. И. Анализ антикоррупционной деятельности в России и Германии // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2014. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-antikorrupcionnoy-deyatelnosti-v-rossii-i-germanii> (дата обращения: 22.06.2024).
6. Исупов Андрей Михайлович, Сарксян Лианна Давитовна К вопросу об особенностях антикоррупционной политики // Региональное развитие. 2015. № 2 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osobennostyah-antikorrupcionnoy-politiki> (дата обращения: 22.06.2024).

О соотношении категорий «работник» и «самозанятое физическое лицо»

Малицкая Ольга Юрьевна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В основе данной статьи положена проблема соотношения двух категорий: «работник» и самозанятое физическое лицо. Приводятся особенности регулирования деятельности самозанятости, а также их различия с обычными работниками.

Ключевые слова: самозанятый гражданин, самозанятость, работник, трудовые отношения.

В ст. 37 Конституции РФ 1993 г. установлено, что труд является свободным; каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Граждане имеют возможность реализовывать это право разными способами, например, заключить официальный трудовой договор, гражданско-правовой договор в рамках самостоятельной деятельности (в том числе посредством индивидуального предпринимательства, профессиональной деятельности, самозанятости).

Основные положения и нормы трудового права в Российской Федерации установлены, в частности, Трудовым кодексом РФ (далее — ТК РФ), в котором в ст. 15 определено, что трудовые отношения — это отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором. Также на работников распространяются гарантии и компенсации в рамках трудовых отношений, помимо этого на работников распространяется законодательство о социальном и пенсионном обеспечении. Таким образом, основные признаки трудовых отношений сводятся к зависимости работника от работодателя, устойчивому характеру отношений (длительность), наличию трудовых и социальных гарантий и в некотором роде «стабильности» в получении заработной платы.

Вышеназванные признаки, на наш взгляд, не вполне отождествляются с самозанятыми гражданами. Их схо-

жесть можно выделить лишь в личном выполнении работы [4], целью которой у самозанятых граждан является достижение определенного результата и получением вознаграждения (дохода) от заказчика. Разница самозанятого и работника сводится к тому, что первым необходимо самостоятельно продавать свои услуги (искать заказчика, заключать с ними договоры от собственного имени, нести ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств).

Также, как было верно подмечено Ю. Д. Жуковой и А. С. Подмарковой, обычно им приходится самостоятельно создавать себе надлежащую деловую репутацию, рекламировать свои работы (услуги), тратить полученный доход на необходимые материалы, оборудование и инструменты, что характерно для лиц, осуществляющих именно предпринимательскую деятельность [1].

Термин «самозанятость» не закреплен на законодательном уровне, что несет некую неопределенность в его трактовке. Так, из смысла положений Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ), а именно ст. 83, к самозанятым гражданам можно отнести физических лиц, оказывающих услуги для личных, домашних и (или) иных подобных нужд. Одновременно обращаясь к ст. 20 ТК РФ, в качестве работодателя могут выступать физические лица, вступающие в трудовые отношения с работниками в целях личного обслуживания и помощи им по ведению домашнего хозяйства. Также обращаясь к Постановлению Пленума ВС РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» (далее — Постановление № 15), под таким обслуживанием и помощью понимаются приготовление пищи, уборка жилых помещений, присмотр за детьми, уход, наблюдение за состоянием здоровья и т. п.

Таким образом, самозанятые лица в смысле, заложенном в НК РФ, теоретически могут являться стороной

трудового договора в качестве работника при оказании физическому лицу услуг в качестве сиделки, няни или помощника по домашнему хозяйству. В данной ситуации Т. Ю. Коршунова использует термин «трехсторонние отношения», так как в них участвуют платформа, исполнитель и заказчик [2].

Вместе с тем, по ч. 8 ст. 11 ТК РФ трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права, не распространяются на лиц, работающих на основании договоров гражданско-правового характера. При этом по ч. 2 ст. 15 ТК РФ заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем, не допускается. Часть 4 ст. 11 ТК РФ предусматривает возможность последующего признания отношений, связанных с использованием личного труда и возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями. Признание таких отношений трудовыми можно в порядке, установленной ст. 19.1 ТК РФ, согласно которой признание может осуществляться либо лицом, использующим личный труд и являющимся заказчиком по указанному договору, либо судом. В большинстве случаев на практике инициатором становится исполнитель, которому по каким-то причинам могли не выплатили вознаграждение после проделанной работы.

Литература:

1. Жукова, Ю.Д., Подмаркова, А.С. Самозанятые граждане: правовая квалификация деятельности и перспективы формирования специального режима / Ю.Д. Жукова, А.С. Подмаркова [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatye-grazhdane-pravovaya-kvalifikatsiya-deyatelnosti-i-perspektivy-formirovaniya-spetsialnogo-rezhima> (дата обращения: 06.09.2024).
2. Коршунова, Т.Ю. Работа на основе интернет-платформ: возможно ли признание отношений трудовыми? / Т.Ю. Коршунова // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. Вып. 26. С. 40–55.
3. Савенко, Н.Е. Правовое регулирование самостоятельной деятельности физических лиц: социально-экономические аспекты / Н.Е. Савенко // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 214–235.
4. Серова, А.В. Самозанятость в России: проблемы и перспективы национального правового регулирования / А.В. Серова [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatost-v-rossii-problemy-i-perspektivy-natsionalnogo-pravovogo-regulirovaniya/viewer> (дата обращения: 06.09.2024).

Правовое регулирование договора об участии в долевом строительстве

Мещанчук Марина Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Санкина Светлана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор предлагает альтернативные эскроу-счетам способы привлечения средств участников долевого строительства

Ключевые слова: долевое строительство, проект, блокчейн, краудинвестинг, краудфандинг

На сегодняшний день тема актуальна из-за неоднозначности правового регулирования в сфере долевого

Немаловажным значением в данном случае является то, что в трудовых отношениях у работника больше социальных гарантий по сравнению с исполнителями в рамках гражданско-правовых отношений. Самозанятые в данном контексте являются менее защищенной категорией. На данную проблему обращала внимание Н.Е. Савенко, которая отметила различие между работником и самозанятым в разных режимах социального, пенсионного обеспечения. Было отмечено, что работник полностью застрахован посредством отчислений, проводимых работодателем, а самозанятое лицо со своих доходов автоматически проводит только лишь отчисления в налоговый орган и фонд социального страхования. Также законодатель не предъявляет требований к наличию профессии и квалификации к самозанятому лицу в отличие от работника [3, с. 40].

Таким образом, деятельность самозанятых имеет свою специфику по отношению к схожим правовым категориям. В настоящее время назрела объективная необходимость введения термина «самозанятый гражданин», а также создание единого правового режима регулирования деятельности указанных лиц, который должен внедряться с учетом целей развития данного института, а также характера деятельности таких лиц. Это будет способствовать более эффективному правовому регулированию категории самозанятых граждан.

строительства и разнообразия способов инвестиционной деятельности. Система долевого строительства в России

является одним из ключевых методов обеспечения жильем населения. Тем не менее, в последние годы она столкнулась с рядом проблем, таких как задержка сроков сдачи объектов, низкое качество строительства и мошенничество со стороны недобросовестных застройщиков.

Для совершенствования системы долевого строительства в России необходим комплексный подход и реализация ряда мер, направленных на защиту интересов покупателей и улучшение качества строительства. Долевое строительство — один из самых распространенных способов приобретения жилья, особенно в крупных городах. Однако многим людям не хватает средств для участия в таких проектах, что приводит к поиску новых способов привлечения средств для участников долевого строительства.

Один из таких способов — краудинвестинг. Привлечение инвестиций в долевое строительство с помощью краудинвестинга заключается в сборе средств от множества частных инвесторов для создания конкретного объекта. Это позволяет даже мелким инвесторам участвовать в финансировании крупных строительных проектов и получать доход в виде дивидендов или иных вознаграждений после успешного завершения проекта.

Тем не менее, краудинвестинг в долевом строительстве сопряжен с определенными рисками. Вложения в строительство могут быть подвержены таким рискованным факторам, как изменение цен на строительные материалы, задержки в сроках строительства, изменения в законодательстве и прочие обстоятельства, влияющие на доходность проекта. Поэтому перед инвестированием через краудинвестинговую платформу важно подробно изучить предлагаемый проект и оценить его надежность и прозрачность.

Краудинвестинг в долевом строительстве может оказаться перспективным направлением для развития рынка недвижимости. Для успешной реализации этого процесса необходимо разработать адекватное законодательство, которое обеспечит защиту интересов всех участников, а также будет гарантировать прозрачность и контроль за процессом привлечения средств.

Ещё один способ привлечь средства участников долевого строительства — это использование краудфандинга. Эта популярная модель финансирования проектов предполагает сбор средств от большого числа людей через интернет-платформы. В случае долевого строительства краудфандинг может применяться для привлечения инвестиций на определенном этапе создания объекта. Участвующие в проекте могут вносить небольшие суммы и получать долю в будущем жилом помещении.

В отличие от краудинвестинга, в случае краудфандинга инвесторы не получают долю в проекте, а просто вносят деньги как пожертвование или в счет будущего продукта или услуги.

Использование краудфандинга в сфере долевого строительства может принести свои выгоды:

— привлечение дополнительного финансирования: Краудфандинг позволяет разработчикам собирать сред-

ства от множества инвесторов, что особенно полезно для небольших и средних проектов;

— тестирование спроса: Запуск краудфандинговой кампании помогает оценить интерес со стороны потенциальных покупателей или арендаторов недвижимости;

— привлечение внимания и реклама: Краудфандинговые проекты могут также способствовать привлечению внимания к разработке и формированию положительного имиджа.

Однако следует учитывать и риски, такие как необходимость выполнения обязательств перед инвесторами и возможные сложности с послепродажным обслуживанием. Важно тщательно планировать такие кампании для предотвращения негативных последствий.

Еще один способ привлечь средства участников долевого строительства заключается в применении блокчейн-технологий. Блокчейн позволяет создавать цифровые активы, которые затем можно продать инвесторам. Так заинтересованные стороны могут приобретать токены, являющиеся долей в будущем строительном проекте. Это повышает прозрачность и доступность процесса инвестирования для широкого круга людей.

Вот несколько способов использования блокчейна в данной сфере:

— управление документацией: блокчейн можно использовать для хранения и управления строительными документами, такими как разрешения, соглашения, технические спецификации и другие важные бумаги. Это даёт участникам процесса быстрый и удобный доступ к актуальной информации, обеспечивая её целостность и непрерывность.

— участие инвесторов: блокчейн может помочь в регистрации и отслеживании инвестиций в строительные проекты. Инвесторы получают возможность изучать информацию о проекте, следить за его выполнением и получать отчеты о состоянии инвестиций в режиме реального времени.

— управление платежами: блокчейн обеспечивает прозрачность и надёжность платежных процессов в долевом строительстве. Умные контракты автоматизируют процесс выплаты дивидендов инвесторам в соответствии с условиями соглашения.

— повышение надёжности: благодаря децентрализованной структуре и шифрованию, блокчейн предлагает высокую степень безопасности и защиты данных. Это помогает предотвратить мошенничество, усиливает доверие между сторонами и снижает риски взлома или утраты информации.

— отслеживание использования средств: блокчейн позволяет контролировать использование инвестируемых средств в строительные проекты. Это улучшает прозрачность и подотчетность перед инвесторами, а также даёт возможность эффективно управлять финансовыми потоками.

Для успешного применения блокчейн-технологий в долевом строительстве необходимы согласованные действия всех участников процесса и соответствующее за-

конодательное регулирование. Однако, потенциал для повышения эффективности и прозрачности блокчейн привлекательным инструментом для современной строительной отрасли.

Литература:

1. Кирсанов А.Р. Законодательство о долевом строительстве: прошлое, настоящее и будущее / А.Р. Кирсанов. — Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2017. — № 6.
2. Кирсанов А. Р. «Недопрописанные нормы» / А. Р. Кирсанов. — Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2018. — № 11.
3. Бузулуцкий М. И. Проблемы развития региональных рынков строящейся жилой недвижимости в рамках новой схемы проектного финансирования / М. И. Бузулуцкий. — Инновации и инвестиции. — 2020. — № 9.
4. Гамзатов А. Я. Анализ эффективности деятельности строительных организаций в условиях перехода к проектному финансированию / Гамзатов А. Я. — Глобальный научный потенциал — 2020. — № 9.
5. Ларионов А. В., Салина Е. С. Развитие государственного регулирования использования денежных средств в рамках долевого строительства: статья / Ларионов А. В., Салина Е. С. — Вопросы государственного и муниципального управления — 2021. — № 1.
6. Зимин Д. Блокчейн в недвижимости: что изменит появление новых технологий? / Дмитрий Зимин. — Текст: электронный // ЦИАН: [сайт]. — URL: <https://vidnoye.cian.ru/stati-blokchejn-v-nedvizhimosti-chto-izmenit-pojavlenie-novyh-tehnologij-281721/> (дата обращения: 02.09.2024).
7. Велесевич С. Всем миром. Почему в России нет краудфандинга в недвижимости / Сергей Велесевич. — Текст: электронный // СБЕР Про: [сайт]. — URL: <https://sber.pro/publication/pochemu-v-rossii-net-kraudfandinga-v-nedvizhimosti/> (дата обращения: 02.09.2024).
8. Фирсов К. Краудинвестинг в России: что это и как работает — площадки, риски, доходность / Константин Фирсов. — Текст: электронный // Activo: [сайт]. — <https://aktivo.ru/blog/kraudinvesting-v-rossii-chto-eto-i-kak-rabotaet-opyt-aktivo>

Рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей в 2018–2023 годах

Орлова Екатерина Юрьевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье автор исследует статистику рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей в районных судах за период с 2018 года по 2023 год.

Ключевые слова: присяжные заседатели, районные суды, апелляционная инстанция.

С 01 июня 2018 года, на основании ФЗ от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением института присяжных заседателей», районные и городские суды рассматривают уголовные дела с участием присяжных заседателей по ряду статей Уголовного кодекса Российской Федерации, перечень которых закреплен в п. 2.1 ч. 2 ст. 30, ч. 2 ст. 31 УПК РФ.

В связи с данными изменениями уголовно-процессуального законодательства количество уголовных дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей с каждым годом продолжает неизменно расти.

Так, во втором полугодии 2018 года (после вступления изменений в законную силу) в районные суды Российской Федерации поступило 148 уголовных дел, которые были рассмотрены с участием присяжных заседателей,

окончено из них 92 (8 повторно) уголовных дела в отношении 113 лиц, из них 66,4% обвинительных приговоров, 25,7% — оправдательных приговоров, в отношении 7,9% дела прекращены по нереабилитирующим основаниям.

В 2019 году в районные суды поступило 463 уголовных дела для рассмотрения с участием присяжных заседателей, 69 из них поступило повторно, всего рассмотрено уголовных дел 504, остаток неоконченных уголовных дел — 141, в отношении 625 лиц вынесены приговоры, из них в отношении 68,6% вынесены обвинительные приговоры, в отношении 24,6% вынесены оправдательные приговоры, 6,7% уголовных дел прекращены по нереабилитирующим основаниям.

В 2020 году в районные суды поступило уже 508 (84 из них — повторно) уголовных дел для рассмотрения с участием присяжных заседателей, что на 9,7% больше, чем

в 2019 году. Всего рассмотрено в 2020 году — 542 уголовных дела (на 7,5% больше, чем в 2019 году), остаток неоконченных дел — 273 (на 93,6% больше, чем в 2019 году). В отношении 663 лиц вынесены приговоры (на 6,1% больше, чем в 2019 году), из них в отношении 62,4% вынесены обвинительные приговоры, в отношении 27,5% вынесены оправдательные приговоры, 10,1% уголовных дел прекращены по нереабилитирующим основаниям.

В 2021 году в районные суды поступило 562 (115 из них — повторно) уголовных дел для рассмотрения с участием присяжных заседателей, что на 10,6% больше, чем в 2020 году. Всего рассмотрено в 2021 году — 720 уголовных дела (на 32,8% больше, чем в 2020 году), остаток неоконченных дел — 374 (на 37% больше, чем в 2020 году). В отношении 795 лиц вынесены приговоры (на 19,9% больше, чем в 2020 году), из них в отношении 58% вынесены обвинительные приговоры, в отношении 35,6% вынесены оправдательные приговоры, 6,4% уголовных дел прекращены по нереабилитирующим основаниям [1].

В 2022 году в районные суды поступило 584 (125 из них — повторно) уголовных дел для рассмотрения с участием присяжных заседателей, что на 3,9% больше, чем в 2021 году. Всего рассмотрено в 2022 году — 830 уголовных дела (на 15,3% больше, чем в 2021 году), остаток неоконченных дел — 381 (на 1,9% больше, чем в 2021 году). В отношении 969 лиц вынесены приговоры (на 21,9% больше, чем в 2021 году), из них в отношении 61,2% вынесены обвинительные приговоры, в отношении 31,6% вынесены оправдательные приговоры (на 4% меньше, чем в 2021 году), 7,2% уголовных дел прекращены по нереабилитирующим основаниям.

В 2023 году в районные суды поступило 514 (136 из них — повторно) уголовных дел для рассмотрения с участием присяжных заседателей, что на 13,6% меньше, чем в 2022 году. Всего рассмотрено в 2023 году — 827 уголовных дела (на 32,8% больше, чем в 2020 году), остаток неоконченных дел — 374 (на 0,36% меньше, чем в 2022 году). В отношении 960 лиц вынесены приговоры (на 0,9% меньше, чем в 2022 году), из них в отношении 63,4% вынесены обвинительные приговоры (на 2,2% больше, чем в 2022 году), в отношении 29,1% вынесены оправдательные приговоры (на 2,5% меньше, чем в 2022 году), 7,5% уголовных дел прекращены по нереабилитирующим основаниям.

Рассмотрим статистику апелляционных решений по уголовным делам с участием присяжных заседателей в районных судах.

Во второй половине 2018 года (после вступления изменений в УПК РФ в законную силу) из 113 рассмотренных уголовных дел с участием присяжных заседателей обжаловалось 28 уголовных дел (24,8%), из них по 75 уголовных дела с обвинительным приговором отменено 4 уголовных дела (5,3%), изменено также 4 уголовных дела (5,3%), по 29 уголовным делам с оправдательным приговором отменено апелляционной инстанцией 6 уголовных дел (20,7%).

В 2019 году из 625 рассмотренных уголовных дел с участием присяжных заседателей обжаловалось 397 уго-

ловных дел (63,5%), из них по 429 уголовных дела с обвинительным приговором отменено 48 уголовных дела (11,2%), изменено 24 уголовных дела (5,6%), по 154 уголовным делам с оправдательным приговором отменено апелляционной инстанцией 84 уголовных дел (54,5%).

В 2020 году из 663 рассмотренных уголовных дел с участием присяжных заседателей обжаловалось 461 уголовное дело (69,5%), из них по 414 уголовных дела с обвинительным приговором отменено 58 уголовных дела (15%), изменено 22 уголовных дела (5,3%), по 182 уголовным делам с оправдательным приговором отменено апелляционной инстанцией 113 уголовных дела (62,1%, что на 7,3% больше, чем в 2019 году).

В 2021 году из 796 рассмотренных уголовных дел с участием присяжных заседателей обжаловалось 627 уголовных дел (78,9%), из них по 461 уголовному делу с обвинительным приговором отменено 73 уголовных дела (15,8%), изменено 29 уголовных дела (6,3%), по 283 уголовным делам с оправдательным приговором отменено апелляционной инстанцией 201 уголовное дело (71%, что на 8,9% больше, чем в 2020 году).

В 2022 году из 969 рассмотренных уголовных дел с участием присяжных заседателей обжаловалось 702 уголовных дел (72,4%, на 6,5% меньше, чем в 2021 году), из них по 593 уголовным делам с обвинительным приговором отменено 109 уголовных дела (18,4%, на 2,6% больше, чем в 2021 году), изменено 29 уголовных дела (4,9%), по 306 уголовным делам с оправдательным приговором отменено апелляционной инстанцией 188 уголовных дел (61,4%, что на 9,6% меньше, чем в 2021 году) [2].

В 2023 году из 960 рассмотренных уголовных дел с участием присяжных заседателей обжаловалось 840 уголовных дел (87,5%, на 15,1% больше, чем в 2022 году), из них по 609 уголовным делам с обвинительным приговором отменено 110 уголовных дела (17,4%, на 1% меньше, чем в 2022 году), изменено 43 уголовных дела (7,1%, на 2,2%, чем в 2022 году), по 279 уголовным делам с оправдательным приговором отменено апелляционной инстанцией 206 уголовных дел (73,8%, что на 12,4% больше, чем в 2022 году) [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что количество рассматриваемых уголовных дел с участием присяжных заседателей в районных судах после изменений законодательства увеличивается, только в 2023 году количество уголовных дел уменьшилось на 70, одновременно с этим растет число дел с участием присяжных заседателей, поступающих в районные суды повторно.

Доля оправдательных приговоров присяжными заседателями в районных судах остается высокой, хотя и несколько снизилась по сравнению с 2021–2022 годами, а доля обвинительных приговоров присяжными заседателями с каждым годом растет, что, я считаю, указывает на рост правовой грамотности системы присяжных заседателей, а также на наработку опыта за несколько лет после изменений в законодательстве стороной обвинения районного уровня.

Тем не менее, хотя доля оправдательных приговоров присяжными заседателями велика, количество отмененных апелляционной инстанцией оправдательных приговоров с каждым годом увеличивается, в 2023 году наблюдается максимальное значение этого показателя: соотношение отмененных оправдательных решений к вынесенным составляет почти три четверти (73,8%), что говорит об ужесточении политики отмены оправдательных вердиктов в судах апелляционной инстанции.

Литература:

1. Суды с участием присяжных в 2018–2021 годах. Статистическая справка по итогам трех лет после реформы (дата обращения 07.09.2024)
2. Суды с участием присяжных в 2018–2022 годах. Статистическая справка по итогам четырех лет после реформы (дата обращения 07.09.2024)
3. Суды с участием присяжных в 2018–2023 годах. Статистическая справка по итогам пяти лет после реформы (дата обращения 07.09.2024)

Считаю, что данные статистические сведения говорят о том, что институт присяжных заседателей работает в Российской Федерации не в должной мере, он требует законодательной доработки в части механизма ведения судопроизводства и необходимости расширения пределов предоставления сторонами доказательств в судебных процессах с участием присяжных заседателей, а также повышения правосознания граждан и их правовой грамотности.

О некоторых вопросах превышения пределов необходимой обороны

Петрова Екатерина Кирилловна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор раскрывает сущность превышения пределов необходимой обороны, а также проводит разграничение с совершением преступления в состоянии аффекта.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, причинение вреда.

Необходимая оборона относится к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, что предусмотрено статьей 37 УК РФ. К числу таких обстоятельств относятся также: причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ); крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ); физическое или психическое принуждение (ст. 40 УК РФ); обоснованный риск (ст. 41 УК РФ); исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ). Институт необходимой обороны представляет большую значимость при защите прав личности от посягательств со стороны третьих лиц, так как он предполагает отсутствие преступности деяния в причинении вреда при отражении посягательства. Однако, при таком отражении стоит учитывать условия правомерности необходимой обороны, поскольку в судебной практике часто встречаются категории дел по причинению вреда при превышении пределов необходимой обороны, что уже является уголовно наказуемым деянием в соответствии со ст. ст. 108, 114 УК РФ.

В действующем законодательстве определение понятия превышения пределов необходимой обороны отсутствует, из-за чего сохраняется оценочный характер данного понятия. Согласно Постановлению Пленума ВС РФ № 19 от 27.09.2012 действия оборонявшегося лица нельзя рассматривать как совершенные с превышением пределов необходимой обороны, если причиненный вред хотя и оказался

большим, чем вред предотвращенный, но при причинении вреда не было допущено явного несоответствия мер защиты характеру и опасности посягательства [1]. Исходя из этого, превышением необходимой обороны признаются действия обороняющегося, не соответствующие степени общественной опасности посягательства. Никуленко А.В. предлагает закрепить в уголовном законодательстве понятие превышения пределов необходимой обороны для избежания неопределенности в части определения критериев данного института. По его мнению, понятие должно быть закреплено в следующем виде: «Превышением пределов необходимой обороны признается умышленное избрание обороняющимся от общественно опасного посягательства, указанного в части второй настоящей статьи, лицом таких способов, средств и (или) орудий защиты, применение которых явно, очевидно для обороняющегося не вызывалось характером и опасностью посягательства, когда посягавшему без необходимости умышленно был причинен тяжкий вред здоровью или смерть. При этом все сомнения должны толковаться в пользу обороняющегося лица» [2]. Представляется, что наличие субъективного критерия в данном понятии, а именно ясности и очевидности для обороняющегося, не способствует снижению неопределенности в правоприменительной практике. В данном определении упоминание умышленного

избрания способов, средств и орудий защиты как раз таки и свидетельствует о ясности и очевидности для обороняющегося несоизмерности защиты и общественной опасности посягательства. Лебедев В.М. под превышением пределов необходимой обороны понимает ситуацию, при которой потерпевший прибегнул к защите от посягательства такими способами и средствами, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинил посягающему тяжкий вред здоровью или смерть [3].

Стоит отметить, что в юридической литературе используется понятие эксцесса обороны, что по своей сути означает превышение пределов необходимой обороны.

В силу наличия различных обстоятельств, при которых причиняется смерть либо вред здоровью при превышении необходимой обороны, необходимо учитывать следующие факторы:

1. объект посягательства;
2. избранный посягавшим лицом способ совершения посягательства, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца, наличие необходимости причинения смерти посягавшему лицу или тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства;
3. место и время посягательства, предшествовавшие посягательству события, неожиданность посягательства, число лиц, посягавших и обороняющихся, наличие оружия или иных предметов, использованных в качестве оружия. Согласно позиции Пленума ВС РФ, если посягательство осуществляется несколькими лицами, то обороняющийся вправе применить к одному из них меры, которые соответствуют характеру действий всех нападающих лиц. Данное обстоятельство исключает превышение необходимой обороны при защите от посягательства в отношении конкретно одного лица. В случае невозможности лица оценить степень опасности нападения при неожиданном посягательстве причиненный вред не будет квалифицироваться, как совершенный при превышении пределов необходимой обороны (согласно ч. 2.1 ст 37 УК РФ).
4. возможность оборонявшегося лица отразить посягательство (возраст и пол, физическое и психическое состояние и т.п. лица как посягающего, так и обороняющегося). Например, по делу об убийстве гражданина Л.А. Президиум Свердловского областного суда выделил обстоятельства, наличие которых свидетельствует, что гражданка Л находилась в состоянии необходимой обороны, исключающей преступность деяния [4]. Одним из таких обстоятельств является невозможность отразить посягательство каким-то иным способом, поскольку Л держала в руках малолетнего ребенка. Указанный Президиум установил, что причинение тяжкого вреда здоровью, повлек-

шего смерть Л.А. не является преступлением в силу ч. 1 ст. 37 УК РФ.

В иной же ситуации, когда у обороняющегося была реальная возможность отразить посягательство иным способом, однако он умышленно выбрал несоизмерный посягательству способ защиты, уголовная ответственность будет вменяться в соответствии со ст. 108 или ст. 114 УК РФ в зависимости от наступивших последствий. При этом стоит отметить, что рассматривая данный фактор, суды обращают внимание также и на профессиональную подготовку и спортивные разряды лица как обороняющегося, так и посягающего. В ситуации, когда отражение от общественно опасного посягательства осуществлялось мастером спорта или лицом с иным спортивным разрядом, вероятность установления судами превышения пределов необходимой обороны крайне высока.

В процессе квалификации деяния важно отличать причинение смерти или тяжкого вреда здоровью при превышении необходимой обороны от совершения этих же деяний, но в состоянии аффекта. Аффект — это внезапно возникшее душевное волнение, представляющее собой исключительно сильное, быстро возникающее и бурно протекающее кратковременное эмоциональное состояние, которое может быть охарактеризовано как «взрыв» эмоций в ответ на противоправное или аморальное поведение (действие, бездействие) потерпевшего [5]. Разница состоит в том, что если в первом случае вред причиняется лицом в состоянии необходимой обороны в целях защиты от возможного посягательства, но при этом отражение от него являлось несоответствующим, то в состоянии аффекта лицо причиняет вред при кратковременном эмоциональном состоянии без необходимости в защите. При этом Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание судов на то, что если оборонявшееся лицо превысило пределы необходимой обороны в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), его действия надлежит квалифицировать как причинение тяжкого или среднего вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо же как убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны.

Таким образом, отражение посягательства в состоянии необходимой обороны может быть не только способом защиты своих прав, но и умышленным причинением тяжкого вреда посягающему, что уже образует состав преступления. Как уже было сказано ранее, понятие превышения пределов необходимой обороны в законе отсутствует, а само содержание изложено как оценочная категория. Оценочный характер связан с установлением обстоятельств, свидетельствующих о наличии превышения пределов необходимой обороны.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27.09.2012 N19 (ред. от 31.05.2022).

2. Никуленко А. В. Необходимая оборона и превышение её пределов: возможности законодательного совершенствования / А. В. Никуленко, М. А. Смирнов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.— 2020.— № 3.— С. 115.
3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ: в 4 т. / ответственный редактор В. М. Лебедев.— М.: Издательство Юрайт, 2023. Т. 1.— С. 135.
4. Постановление президиума Свердловского областного суда от 22.07.2015 по делу N44у-126/2015.
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ: в 4 т. / ответственный редактор В. М. Лебедев.— М.: Издательство Юрайт, 2023. Т. 2.— С. 49.

Стимулирование решения спора путем мирового соглашения

Попова Екатерина Михайловна, студент

Научный руководитель: Пушкарев Игорь Петрович, кандидат юридических наук, доцент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются возможные стимулы решения споров путем заключения мирового соглашения, приведен пример зарубежных стран, сформулирован ряд предложений для улучшения правового регулирования относительно мирового соглашения в арбитражном процессе.

Ключевые слова: мировое соглашение, создание условий, консенсус, преференция, арбитражный процесс.

На сегодняшний день именно профессиональные представители — штатные юристы, адвокаты, сотрудники юридических компаний — зачастую определяют стратегию и тактику поведения сторон спора, в том числе формируют их отношение к примирительным процедурам. В свете этого важно понимать, чего профессиональные представители ждут от примирительных процедур, в чем эти ожидания сегодня не оправдываются, и что можно предпринять для того, чтобы количество споров, оканчиваемых миром (особенно на досудебном этапе), росло.

Разработка и совершенствование мер, способствующих разрешению арбитражных споров, имеет особое значение. Ценностный аспект права объясним предоставлением определенных гарантий со стороны власти, когда поведение сторон соответствует социально-экономическому направлению деятельности государства. В этой связи роль права и закона безусловно велика, и на первый план выдвигается стимулирующая роль законодательства. Правовые стимулы представляют собой сильнейший рычаг мотивационного воздействия, а также средство формирования этики деловых отношений лиц, осуществляющих различные виды экономической деятельности.

В условиях увеличения государственной пошлины при обращении в государственный суд нормативное стимулирование могло бы находить свое частное применение на практике. Инициативы ее увеличения известны. Так еще в 2005 г. ВАС РФ указывал, что в качестве одной из необходимых мер для выгоды разрешения конфликтов без обращения в суд — увеличение минимального размера госпошлины [3, с. 130].

Огромный стимул для мирового соглашения в суде — миновать чрезмерных затрат на судебные расходы, ускорить процесс разбирательства.

Описывая причины медленного развития процедур примирения в российском арбитражном процессе, Решетникова И. В. пишет следующее: «За рубежом есть еще один существенный стимул развития посредничества и других примирительных процедур — дороговизна и длительность судебного разбирательства. Рассмотрение дел в российских судах, как правило, ведется быстрее, чем за рубежом, да и судебные расходы намного ниже. Эти сравнительно небольшие финансовые и временные затраты являются существенным препятствием стимуляции развития примирительных процедур в России» [4, с. 105].

Одним из явных преимуществ примирения перед судебным разбирательством является возможность достижения консенсуса (обоюдного согласия) сторон по всем обстоятельствам спора. Как известно, и достаточно часто применяется в практике, когда в конфликтах, предметом исковых требований которых является погашение задолженности и выплаты процентов по ней, последние довольно часто «приносятся в жертву» для урегулирования спора. Представляется, что наиболее желаемым результатом окончания рассмотрения спора как для сторон процесса, так и для арбитражного суда является вынесение судебного акта, который бы удовлетворил всех и в последующем не подвергался обжалованию [1, с. 143].

К. В. Кочергин [2, с. 222] указывал на необходимость законодательного закрепления возможности установления в мировом соглашении ответственности за его неисполнение в форме взыскания неустойки.

Сегодня меры по рассматриваемому вопросу недостаточно широко популярны в России. Между тем, в странах с развитыми в применении поощрительными и стимулирующими мерами, последние широко применяются в виде создания выгодных условий развития экономиче-

ской деятельности для конфликтующих сторон, если они идут на компромисс, и конфликт не доходит до суда. Например, в Республике Беларусь мировое соглашение является одним из широко используемых и эффективных способов прекращения судебного разбирательства между сторонами. По общему правилу при заключении мирового соглашения стороны представляют данный документ составу арбитража для фиксации путем вынесения арбитражного решения на согласованных условиях. После чего производство по делу прекращается. Однако в целях экономии расходов по арбитражному сбору существует иной способ. Если стороны исполняют мировое соглашение быстро и добровольно в ходе арбитража и слушания еще не состоялись, стороны могут просить арбитраж прекратить производство по делу, но при этом не просить вынесения решения на согласованных условиях [5, с.38]. В соответствии с Регламентом Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате этот вариант действий позволяет истцу вернуть 25% от суммы арбитражного сбора. Указанные меры являются выгодными, в том числе, в случаях, когда одной из сторон конфликта является государство в лице его органов, в особенности, по спорам из налоговых, пенсионных и других отношений.

Литература:

1. Гиззятов Т. Р. К вопросу о современных способах разрешения конфликта в арбитражном процессе // Ученые записки Казанского университета. 2020. С. 140–145.
2. Кочергин К. В. Мировое соглашение в арбитражном процессе: Дис... канд. юрид. наук / К. В. Кочергин — Санкт-Петербург, 2011. С. 222.
3. Кузбагаров А. Н. Стимулирование и мотивация примирения сторон / Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2019. СПб.: Астерион. С. 130–134.
4. Решетникова И. В. Размышления о судопроизводстве: Избранное / И. В. Решетникова. М.: Статут. 2019. С. 510.
5. Храпуцкий А. Ф. Мировое соглашение в государственном суде и арбитраже: регулирование и практика в Республике Беларусь // Arbitration.ru. № 23. 2020. С. 38–40.

Обращение взыскания на имущество по долгам одного из супругов

Рожаяц Алёна Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лукманова Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена рассмотрению проблемы, возникающей в ходе обращения вопроса об обращении взыскания на имущество по долгам одного из супругов. Проанализированы правовые аспекты обеспечения защиты законных прав и интересов супругов при обращении взыскания на имущество по долгам одного из супругов. Обозревается судебная практика по делам об обращении взыскания на имущество по долгам одного из супругов.

Ключевые слова: общее имущество супругов, доли в праве собственности супругов, общие долги супругов, банкротство гражданина, обращение взыскания на имущество.

Частыми становятся случаи, когда юридически у должника нет имущества, на которое можно было бы об-

В заключение уместно сказать, что чем больше стимулов будет закреплено законодательно, тем большая возможность их использования конфликтующими сторонами. Для этого необходимо внести в АПК РФ поправки следующего содержания:

– При заключении мирового соглашения предусмотрено снижение (а возможно и полный возврат) госпошлины за обращение в суд.

– В случае если в деле участвуют несколько истцов и (или) ответчиков, мировое соглашение может быть заключено как между всеми истцами и ответчиками, так и между некоторыми из них, если это не препятствует рассмотрению судом требований, производством по которым не прекращается вследствие утверждения мирового соглашения.

– В мировом соглашении возможно прощение части долга, поставленное под условие выплаты другой его части.

Таким образом, успех примирения сторон зависит, главным образом, от наличия правовых возможностей со стимулирующим либо поощрительным характером, т.е. примирение сторон по ним должно строиться на принципе стимулирования. Вплоть до того, что разрешение конфликта примирением дает возможность получения льгот (может быть и налоговых), компенсации или стимула в другой подобной форме.

ратить взыскание так как все имущество оформлено, например, на ближайших родственниках. Обращение

взыскания на совместно нажитое имущество супругов является одним из наиболее актуальных вопросов в правоприменительной практике.

В связи с тем, что совместная собственность представляет собой разновидность общей собственности, соответственно, доли в праве собственности заранее не определены. Это объясняется целью обеспечения имущественного равенства супругов.

Общее имущество супругов удовлетворяет потребности каждого члена семьи, используется в гражданском обороте и становится объектом взыскания при наступлении ответственности по обязательствам одного из супругов. Интересным является тот факт, что обращение взыскания может проводиться не только по общим долгам супругов, но и по личным долгам каждого из них. Личными являются обязательства супругов, возникшие еще до заключения брака, и направленные на удовлетворение индивидуальных потребностей одного из супругов, вследствие долгов, обременяющих имущество каждого из супругов, вследствие алиментных обязательств и т.д.

В соответствии со ст. 45 СК РФ по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга. Но, при недостаточности этого имущества кредитор вправе требовать выдела доли супруга-должника, которая причиталась бы ему при разделе общего имущества, для обращения на нее взыскания. Аналогичная норма содержится в п. 3 ст. 256 ГК РФ. Но при этом, правом требовать раздела супружеского имущества кредитор одного из супругов не обладает (Постановление от 28 февраля 2024 г. по делу № А60-7351/2021) [8].

Доказательством недостаточности имущества должника служит составленный судебным приставом акт о невозможности взыскания по итогам исполнительного производства в отношении самого должника (Решение № 2А-5098/2023 2А-828/2024 2А-828/2024(2А-5098/2023;)-М-3717/2023 М-3717/2023 от 13 марта 2024 г. по делу № 2А-5098/2023) [9]. Средства доказывания этого факта для каждого конкретного случая индивидуальны.

Следует отметить, что, упоминая термины «общие обязательства супругов», «нужды семьи», действующее законодательство не содержит их легального определения и не устанавливает критериев, по которым долг, возникший у супруга (супругов) в период брака (в т.ч. при заключении договора займа), можно признать общим. Из чего следует, что отнесение обязательств к общим обязательствам супругов носит оценочный характер и в случае спора данный факт необходимо устанавливать в судебном порядке, что подтверждается наличием многочисленной судебной практики по исследуемому вопросу (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2023 № 09АП-48256/2023 по делу № А40-243416/2019) [10]. Сегодня, на практике, возникает множество проблем, связанных со взысканием имущества, разберем некоторые из них.

Проблемной является ситуация, при которой режим совместной собственности супругов будет изменяться,

а доля должника в совместно нажитом имуществе, например, будет уменьшена. Соответственно, сумма, на которую потенциально рассчитывал кредитор при реализации данного имущества, также уменьшается. Такое изменение может быть произведено путем заключения брачного договора. Однако, в соответствии с п. 1 ст. 46 СК РФ, супруг обязан уведомлять своего кредитора (кредиторов) о заключении, об изменении или о расторжении брачного договора, для дальнейшего решения вопроса о взыскании. При невыполнении этой обязанности супруг отвечает по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора.

Однако, в научной литературе есть мнение, согласно которому, обязанность по уведомлению следует толковать расширительно: должник обязан не только сообщить кредитору о самом факте заключения, изменения или расторжения брачного договора, но и раскрыть его содержание в части, касающейся изменения имущественного положения должника [5]. «В комментируемой статье предпринята попытка гарантировать права кредиторов при заключении, изменении и расторжении брачного договора путем установления обязанности супруга-должника уведомлять об этом своих кредиторов независимо от величины долга. Учитывая то, что гражданское законодательство именуется кредиторами лиц, имеющих право требовать от должника исполнения его обязанностей, из буквального прочтения ст. 46 СК РФ следует, что у супруга-должника есть обязанность уведомлять, например, организацию, с которой заключен договор проката велосипеда, о заключении брачного соглашения. По всей видимости, практика применения данной статьи пойдет по пути гарантии прав кредиторов только по сделкам, являющимся длительными либо заключенными гражданином — индивидуальным предпринимателем, либо по обязательствам, вытекающим из договоров, требующих нотариального оформления или государственной регистрации. Судебная практика также подтверждает данное мнение (Постановление от 15 февраля 2024 г. по делу № А44-6173/2023) [12].

Право требовать определения и выдела доли для последующей ее реализации производно от права супруга-должника претендовать на раздел общего имущества, а спор об определении размера доли супруга-должника в общем имуществе вытекает не из семейных правоотношений, а является гражданско-правовым. При этом, один из супругов, который считает, что его право собственности на общее имущество нарушено, имеет право подать иск в суд об освобождении от ареста его доли в этом имуществе. Однако, исходя из анализа данной практики, можно сделать вывод, что требования супруга об освобождении его доли от ареста удовлетворяются судами в случае, если одновременно заявлено требование об определении такой доли (т.е. фактически о разделе данного объекта имущества).

Возможны ситуации, когда общее имущество супругов было приобретено или увеличено за счет средств, полученных одним из супругов преступным путем. В таких

случаях взыскание может быть обращено соответственно на общее имущество супругов или на его часть. Эту норму суд применяет при:

- конфискации имущества осужденного по приговору суда;
- возмещении ущерба, причиненного соответствующим преступлением.

Еще одним спорным вопросом, возникающим на практике, является вопрос о том, кто же является собственником имущества, приобретенного хоть и во время брака, но за счет средств, вырученных от реализации имущества, принадлежащего одному из супругов до брака. Например, Ж.С. Труш высказал, что такое имущество должно признаваться собственностью супруга на чьи средства данное имущество было приобретено [6]. Стоит отметить, что в юридической литературе данная точка зрения является наиболее распространенной. Также, на практике возникают такие ситуации, когда вещь, в праве собственности на которую должник имеет долю, является неделимой. Или, например, когда отсутствует согласие супруга на выдел доли должника из общего имущества. Что делать в таких ситуациях? Согласно абзацу 2 ст. 255 ГК РФ в таких случаях кредитор вправе требовать продажи должником своей доли остальным участникам общей собственности по цене, соразмерной рыночной стоимости этой доли, с обращением вырученных от продажи средств в погашение долга. В случае отказа остальных участников общей собственности от приобретения доли должника кредитор вправе требовать по суду обращения взыскания на долю должника в праве общей собственности путем продажи этой доли с публичных торгов. При недостаточности этого имущества супруги несут по указанным обязательствам солидарную ответственность имуществам

каждого из них. Другими словами, обязательство становится для супругов не личным, а общим. Здесь возникает вопрос, так как в законодательстве четко не определено, какие обязательства являются для супругов общими, а какие личными, отсутствуют закрепленные принципы такой ответственности. И, наверно, можно прийти к выводу, что это единственный случай, солидарной ответственности супругов при взыскании.

Кредитор, который намеревается обратиться взыскание на общее имущество супругов по обязательствам супруга-должника, должен учитывать:

- 1) правила осуществления гражданского судопроизводства;
- 2) требования законодательства об исполнительном производстве, поскольку только в рамках исполнительного производства может быть установлено отсутствие у должника личного имущества, достаточного для погашения долга;
- 3) существующие правила раздела общего имущества супругов, в том числе, выработанные судебной практикой, поскольку должник и его супруг могут заявить возражения, указав, что-то или иное имущество не подлежит разделу.

Знание всех правил, изучение нюансов регулирования права общей собственности может принести большую пользу не только в профессиональной деятельности, но и в частной жизни.

Подводя итог, стоит отметить, что на сегодняшний день вопрос осуществления обращения взыскания на совместно нажитое имущество супругов достаточно четко регламентирован законодательно. Новеллы и законодательства и судебная практика эффективно и своевременно устраняют возникающие на практике пробелы и коллизии.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016): Принят Государственной Думой 21 окт. 1994 г. // Собрание законодательства РФ.— 1994.— № 32.— ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018): Принят Государственной Думой 8 дек. 1995 г. // Собрание законодательства РФ.— 01.01.1996.— № 1.— Ст. 16.
3. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023): [Принят Государственной Думой 27 сентября 2002 года: Одобрен Советом Федерации 16 октября 2002 года] // Консультант плюс: информационно-правовой портал.— URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения 08.10.2023).
4. Богданова Е. Е. Спорные вопросы раздела имущества супругов // Вестник университета имени О. Е. Кутафина.— 2019.— № 2 (54).
5. Трубникова А. П. Обращение взыскания на имущество должника, находящегося в общей совместной собственности супругов. / В. А. Щербакова // Студенческий вестник.— 2023.— № 17–4 (256).— С. 52–54.
6. Труш Ж. С. Право собственности супругов в современном российском законодательстве и роль нотариата в его осуществлении // Вестник Пермского университета. Юридические науки.— 2011.— № 1.— С. 112–116.
7. Шепель А. В. Некоторые вопросы обращения взыскания на общее имущество супругов / А. В. Михневич // Международный журнал гуманитарных и естественных наук.— 2019.— № 11–1.— С. 225–227.
8. СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Vuxhjbe8syZK/> (дата обращения: 27.08.2024).
9. СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/94hUxHsh2flv/> (дата обращения: 28.08.2024)

10. СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/bHxPCMwweiog/> (дата обращения: 31.08.2024).
11. СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/SbaPhhjkrQdl/> (дата обращения: 31.08.2024).

Детерминанты миграционной преступности и актуальные проблемы её предупреждения

Саруханян Милана Кареновна, студент магистратуры
Научный руководитель: Кузьминов Денис Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье рассматривается миграционная преступность как социальный феномен, современные причины и условия преступности мигрантов, представлены количественные показатели, указаны меры, которые приведут к снижению уровня миграционной преступности.

Ключевые слова: миграционная преступность, миграционные процессы, число преступлений, детерминанты, меры предупреждения.

Determinants of migration crime and current issues of its prevention

Sarukhanyan Milana Karenovna, student master's degree
Scientific advisor: Kuzminov Denis Aleksandrovich, candidate of law sciences, associate professor
North-Caucasian Federal University (Stavropol)

The article examines migration crime as a social phenomenon, modern causes and conditions of migrant crime, presents quantitative indicators, indicates measures that will lead to a decrease in the level of migration crime.

Keywords: migration crime, migration processes, number of crimes, determinants, prevention measures.

Преступность — это социальный феномен, который присущ любому государству. Но её состояние постоянно меняется. Изменения обуславливаются различными процессами такими как, научно-технический процесс, экономический уровень развития страны и конкретно взятого региона, политические и религиозные конфликты, миграция населения.

Среди социальных явлений XXI века на сегодняшний день одними из наиболее значимых являются миграционные процессы, ведь в ходе бурных миграционных процессов многие страны, включая Россию, столкнулись с проблемами неконтролируемой миграционной преступности, которая в свою очередь является угрозой национальной безопасности.

Так, за первое полугодие 2024 года число преступлений экстремистского характера, совершенных мигрантами, возросло на 55%, заявил глава Следственного комитета России Александр Бастрыкин, на 5% увеличилось число изнасилований, на 25% — развратных действий в отношении детей, что обуславливает актуальность рассматриваемой темы [1].

Снижение уровня совершаемых преступлений требует осуществление эффективных мер по предупреждению преступности. Для этого необходимо бороться с причи-

нами, порождающими данное негативно социальное явление — детерминантами преступности.

Ведущим фактором, порождающим миграционную преступность, выступает стремление человека улучшить свое финансовое положение. Отсутствие рабочих мест, различие уровня заработной платы, жизнь мигрантов нищете и бедности — все это побуждает их к перемещению на территорию России в целях большого заработка. Однако, не достигая ее идут на совершение преступления. Так, в структуре миграционной преступности лидируют преступления против собственности (38,7% в 2020 году), среди которых мигранты совершают преимущественно кражи [2].

В Москве за прошедшие 7 месяцев 2024 года в отношении иностранных граждан возбуждено 101 уголовное дело, в которых жертвами преступлений стали дети. Более половины из этого числа — уголовные дела о нарушении сексуальной неприкосновенности несовершеннолетних. Среди фигурантов — граждане Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Казахстана, Молдавии, а также Вьетнама, Кубы и даже Франции. «Два с лишним десятка преступлений совершены трудовыми мигрантами, еще четыре — незаконными мигрантами», — уточнил собеседник ИА Регнум [3].

Зачастую смена места жительства человека определяется его несогласием с политической деятельностью государственного аппарата, бюрократизмом, неустойчивостью государства на международной арене. Но основным политическим обстоятельством, способствующим миграции, выступает проведение военных действий. В качестве яркого примера можно рассмотреть проводимую в 2022 году специальную военную операцию на Украине, в следствие которой из государства мигрировало более 4,1 млн граждан.

Помимо этого, сегодня острое значение приобретает религиозная и этническая нетерпимость, а также духовное разложение общества (наркомания, алкоголизм, проституция и др.). Мигранты, имеющие острую религиозную позицию, не способные к анализу и принятию иных точек зрения совершают преступления под влиянием данного фактора (чаще всего имеют экстремистскую или террористическую направленность).

Преступления, совершаемые под влиянием политических мотивов, в основном посягают на конституционный строй, порядок управления государством, а также общественный порядок и общественную безопасность.

Бывший секретарь Совета безопасности РФ Н.П. Патрушев на совещании по вопросам обеспечения безопасности в Уральском федеральном округе заявил, что террористы и экстремисты активно используют миграционные потоки для переправки своих боевиков и создания террористических ячеек.

В марте 2024 года стало известно о 16 нападениях на мигрантов, преимущественно уроженцев Кавказа и Центральной Азии. Всего же с начала года в России зафиксировано 45 нападений на почве национальной ненависти. Убийства российских журналистов Д. Дугиной и М. Фомина, генпрокурора ЛНР Горенко, покушения на З. Прилепина, глав Запорожской и Херсонской областей В. Баллицкого и В. Сальдо, главу МВД ЛНР Корнета, первого замглавы Херсонской области В. Булюка, предотвращены теракты в отношении М. Симоньян, К. Малафеева, В. Соловьева, руководства республики Крым и военно-гражданской администрации Херсонской и Запорожской областей, чудовищная трагедия в ТЦ «Крокус-Сити» 22 марта 2024 года, в качестве исполнителей которой были завербованные трудовые мигранты — граждане Таджикистана [4].

Разжигание в российском обществе межнациональной розни, ксенофобии и национализма, причинение экономического ущерба, дестабилизация обстановки в нашей стране, провоцирование протестных настроений — все это делается с целью нанесения России военно-политического поражения.

Специфика детерминации преступности мигрантов как отдельного вида преступности определяется тем, что

она детерминирована, с одной стороны, теми же факторами, как и преступность в целом, а, с другой стороны, ей присущи специфические факторы детерминации, связанные непосредственно с сущностью и содержанием миграционных процессов. Так, прибытие на территорию Российской Федерации в состоянии стресса, сильного душевного волнения, вызванного сменой территории проживания, как правило, тяжелое материальное положение, а также такие факторы, как недостаточное знание русского языка, российского законодательства, поиск жилья, трудоустройство — все это способствует, а в некоторых случаях вынуждает иностранных граждан совершать запрещенные уголовным законом деяния [5].

Поэтому в сложившихся условиях предупреждение миграционной преступности становится одной из главенствующих задач. Однако стоит отметить существование следующих проблемы, препятствующих к наиболее полному контролю возможных последствий миграционных процессов: недостаточное соответствия миграционного законодательства международным стандартам; проблемы, возникающие в процессе адаптации и интеграции мигрантов, защиты их прав и свобод, обеспечения их социальной защищенности; языковой барьер; материальная неустроенность; новая, совершенно незнакомая культура, отсутствие плотных коммуникаций затрудняют быстрое налаживание диалога между мигрантами и местным населением; существование религиозных и культурных стереотипов в восприятии мигрантов. Немаловажным аспектом выступают и современные средства коммуникации. Доступность сети Интернет с любого мобильного устройства значительно облегчает задачу вербовщикам, которые активно апеллируют к проявлениям национализма и религиозного радикализма. Востребованность дешевой рабочей силы мигрантов, конкуренция на рынке труда, вытеснение местного населения из традиционных сфер хозяйственной деятельности создают предпосылки для межнациональной напряженности.

В связи с вышеизложенным, считаем необходимым совершенствование системы регистрации (учета) мигрантов, координация за ней, создание единой информационной базы данных об иностранных гражданах и лицах без гражданства, находящихся на территории России, осуществление проверок за деятельностью религиозных объединений, национальных диаспор и общин, объединенных по национальному признаку, создание в городах (регионах) страны центров по оказанию правовой, психологической и социальной помощи иностранным гражданам, проведение постоянной целенаправленной работы по приему и обустройству трудовых мигрантов из иностранных государств, обучение русскому языку.

Литература:

1. Глава СК заявил о росте числа экстремистских преступлений мигрантов. РБК. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/16/07/2024/669676b39a7947d2445bd027>.

2. Рашитов Л. Р. Понятие, состояние и структура преступности мигрантов в современной России // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2021. — № 2 (44). — С. 216.
3. Число преступлений иностранцев в отношении детей в Москве выросло в два раза. Новости России, СНГ и мира — ИА REGNUM. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/3907527>.
4. Миграционная политика России: депортации, отправка на войну и рост ксенофобии. VESTI.AZ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vesti.az/v-mire/migracionnaya-politika-rossii-deportacii-otpravka-na-voinu-i-rost-ksenofobii-obzor-519639>.
5. Блохин Я. А. Субъективные факторы детерминации преступности мигрантов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. — 2023. — № 4. — С. 371.

Ретроспектива развития арендных отношений

Сенина Татьяна Алексеевна, студент

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

В статье автор рассматривает историю развития аренды как социально-экономического явления, играющего ключевую роль в формировании законодательства развитых стран. Особое внимание уделяется изучению условий и факторов, способствовавших зарождению и развитию аренды, включая экономические и социальные аспекты. Анализируется влияние аренды на формирование общественного расслоения. Подчеркивается значимость изучения истории аренды для понимания современных экономических и социальных процессов.

Ключевые слова: арендные отношения, правовые нормы, исторические этапы, зарождение, развитие, современность.

Retrospective of the development of rental relations

Senina Tatyana Alekseevna, student

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

In the article, the author examines the history of rental development as a socio-economic phenomenon that plays a key role in the formation of legislation in developed countries. Special attention is paid to the study of the conditions and factors that contributed to the origin and development of the lease, including economic and social aspects. The influence of rent on the formation of social stratification is analyzed. The importance of studying the history of leasing for understanding modern economic and social processes is emphasized.

Keywords: rental relations, legal norms, historical stages, origin, development, modernity.

История человечества богата и разнообразна. Арендные отношения занимают важную роль в формировании и развитии законодательства любой цивилизованно — развитой страны. Зарождение аренды, как разновидность экономических отношений, обуславливается заинтересованностью в приобретении конкретной выгоды (как правило, материальной), что детерминировано нехваткой средств у хозяйствующих субъектов, а также возможностью кратковременной передачи прав пользования объектом другой стороне.

Аренда, являясь видом социально-экономических отношений, всё же не имеет чётких границ своего происхождения. Принято считать, что данное явление появилось более 3 тысяч лет назад. Примерно в XX веке до н.э. при проведении раскопок в шумерском городке был обнаружен прототип современного договора аренды — глиняные таблички. На которых размещены сведения о передаче во временное пользование животных, аграрного орудия, водных и земельных объектов. Но не стоит забы-

вать о том, что как таковое полное правообладание землёй в то время признано редкостью. Однако сам факт подтверждения сделки путем закрепления её условий заставляет задуматься о масштабности исторических событий.

Первое зафиксированное подобие современной аренды было упомянуто ещё в Древнем Египте, а именно в конце IV тысячелетия до н.э. когда произошёл бурный рост городов, увеличение сельского хозяйства и была определена чёткая градация общественного расслоения. То есть, укрепившаяся верхушка, обладающая частным хозяйством, передавая земельный участок в аренду, возлагала ответственность по обрабатыванию земли на рабов, следовательно, способствуя развитию надельно-арендной формы эксплуатации людей.

Более подробно, детально и внимательно арендные отношения формировались в Древнем Вавилоне. Единым нормативно правовым актом на тот момент были так называемые законы царя Хаммурапи. Упомянутая выше страна имела большое количество плодородных земель, именно

они стали главным объектом аренды недвижимого имущества. Ровно так же, как и сейчас за аренду имущества взималась определённая плата, но на замену денежным средствам приходила одна треть урожая и различные подношения (в том случае если арендодатели — жрецы).

Система права Древнего Рима носила господствующий характер. Это связано, в первую очередь с тем, что основы римского законодательства, для того времени, глубоко прорабатывались и базировались на институте частной собственности. Тем самым, именно римское право положило начало использованию более модернизированной формы изложения договора аренды, а именно приобрело юридическую силу, а вместе с ней и юридические элементы. В Древнем Риме существовало две особые формы вещного права — эмфитевзис и суперфиций. Эмфитевзис — это долгосрочная сдача земель в аренду, предоставляющая арендатору право пользоваться землёй, а также после предупреждения собственника (арендодателя) закладывать, отчуждать и передавать. Суперфиций отличался тем, что объектом аренды являлся городской участок, на котором арендатор возводил строение и пользовался им.

Правовые нормы римского права оказали большое влияние для легитимного закрепления института аренды в актуальном гражданском законодательстве России. Однако, Российская Федерация имеет свою обширную и долгую историю появления и развития арендных отношений. В Древней Руси и в последующем в Российской Империи аренда, вместо одной из распространенных форм использования имущества, к сожалению, становится механизмом «закабаления» крестьян. В судебнике Ивана III и Ивана IV юридически закрепляется взимание платы с арендатора и устанавливается «срочность договора». Можно сказать, что в России фактическое образование арендных отношений произошло в XV веке благодаря закреплению пары правовых норм. Вплоть до 1731 года вся земля являлась государственной. В указе Анны Иоанновны было прописано о необходимости разделить собственность на землю, для того, чтобы она перестала быть ограниченной и не носила только условный характер. Но лишь Екатерине II удалось реализовать данный указ, прописанный в Жалованной грамоте дворянству. В дальнейшем договор аренды регулировался Сводами законов Российской Империи, который закрепил современный вид договора.

Ключевым этапом в становлении института аренды в России стало проведение в 1861 году крестьянской ре-

формы. Благодаря ей у крестьян была возможность приобрести землю в частную собственность. Тем самым основной формой гражданско-правовых отношений на тот момент стала аренда. Кардинальные изменения произошли в 1917 году, когда проходила полная национализация земли. А именно, исчезает частная собственность и соответственно сделки по передачи прав пользования, на время, целиком исключались из жизни общества.

В силу проведения новой экономической политики в 1922 году, был принят первый советский кодифицированный закон — Гражданский кодекс РСФСР, который стал совершенно новой ступенью в развитии аренды. В нём закреплялось легитимное определение термина — аренда и регламентировались основные условия договора. Новый Гражданский кодекс РСФСР принятый в 1964 году лишь уменьшает срок, на который может заключаться договор аренды.

К поворотным моментам становления института аренды относят принятие в 1989 году акта «Об аренде и арендных отношениях СССР». В виду этого, на равне с договором имущественного найма, было определено существование новых правовых конструкций.

В настоящее время арендные отношения в России регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации от 1994 года. На равне с ним, вопросы арендных отношений решаются на основе других кодифицированных актов. К тому же, для подтверждения легитимности договора аренды и защиты своих нарушенных прав участники, обращаются к федеральным законам, подзаконным актам и судебной практике (не является официально признанным источником права, но всё же широко используется).

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного можно сказать, что институт аренды имеет долгую историю развития и тем самым, путём прохождения различных этапов формирования, обрёл свой актуальный вид. От бессистемного хаотичного создания правовых норм до кодифицированного закрепления всех его элементов. Однако, опираясь на бурное развитие современного общества, можно смело сказать, что основные изменения представленного выше института, ещё впереди. Основы, заложенные в древности, стали базисом для разработки развернутого законодательства в современности. Оглядываясь в прошлое стоит учитывать и анализировать все ошибки законодательства и не допускать их в будущем так как сейчас продолжается активное развития экономических отношений.

Литература:

1. Правовое наследие Г.Р. Державина: история и современность: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Тамбов, 01 декабря 2022 года / Редколлегия: В. А. Шуняева, Т. В. Богданова. — Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. С. 118
2. Актуальные вопросы развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты: Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции, Челябинск, 27–28 апреля 2017 года / Ответственный редактор С. В. Нечаева. Том Часть 1. — Челябинск: Челябинский филиал РАНХиГС, 2017. С. 137.

3. Жидкова О. А., Крашенинниковой Н. А. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. д.ю. н., проф. О. А. Жидкова и д.ю. н., проф. Н. А. Крашенинниковой. — 2-е изд., стер. — М.: Норма, 2004. С. 28.
4. Некрасова Ирина Евлампиевна, Демиденко Богдан Сергеевич, Овечкин Михаил Александрович ОСОБЕННОСТИ АРЕНДЫ В РИМСКОМ ПРАВЕ // Научные известия. 2022. № 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-arendy-v-rimskom-prave> (дата обращения: 15.06.2024).
5. Удалова, О. В. Аренда земли в истории российского государства / О. В. Удалова, А. Я. Русина // Наука и современное общество: взаимодействие и развитие. — 2018. — Т. 1, № 1(5). — С. 93–95.
6. Кожевникова Л. А. Становление и развитие арендных отношений // Развитие общественных наук российскими студентами. 2017. № 6.

Правовые основы оказания гуманитарной помощи пострадавшим от чрезвычайной ситуации силами и средствами МЧС России

Сизякина Екатерина Юрьевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Оказание гуманитарной помощи пострадавшим от ЧС силами и средствами МЧС заключается в предоставлении помощи, то есть взаимодействии сторон. Таким образом для общественных отношений, связанных с оказанием гуманитарной помощи, имеют правовую природу и законодательную регламентацию. Правовое регулирование данного вида деятельности осуществляется на международном, федеральном и территориальном уровне субъектов РФ.

Ключевые слова: гуманитарная помощь, МЧС, чрезвычайная ситуация.

The legal basis for the provision of humanitarian assistance to victims of an emergency situation by the forces and means of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Sizyakina Ekaterina Yurievna, student master's degree
St. Petersburg University of the State Fire Service EMERCOM of Russia

The provision of humanitarian assistance to victims of emergencies by the forces and means of the Ministry of Emergency Situations consists in providing assistance, that is, the interaction of the parties. Thus, for public relations related to the provision of humanitarian assistance, they have a legal nature and legislative regulation. Legal regulation of this type of activity is carried out at the international, federal and territorial levels of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: humanitarian aid, the Ministry of Emergency Situations, an emergency situation.

Правовое регулирование оказания гуманитарной помощи осуществляется посредством Устава ООН и резолюций Организации Объединенных Наций. Основными актами, регулирующими международное взаимодействие по оказанию гуманитарной помощи пострадавшим от ЧС являются акты МККК — Международного Красного Креста.

Мировые суверенные государства регламентируются при оказании гуманитарной помощи пострадавшим от ЧС общепризнанными принципами международного права. Основными актами международно-правовой защиты человека, являются:

- Всеобщая декларация прав человека, пакты о правах человека;
- Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе;

- Конвенции, запрещающие геноцид, апартеид, расовую дискриминацию, пытки, жестокое и бесчеловечное обращение;

- Конвенции, специально ограждающие права женщин и детей;

- Конвенции Международной организации труда, регламентирующие все стороны и виды трудовой деятельности мужчин, женщин и подростков;

- Конвенции о защите жертв войны.

Данные акты являются правовой основой для международной деятельности при оказании гуманитарной помощи. Посредством данных актов установлены нормы, предусматриваемые при международном взаимодействии в области противодействия бедствиям и выживания общества при условии его наличия.

Как международная, так и внутренняя гуманитарная помощь оказываются в целях обеспечения прав, свобод и иных интересов человека. Международная гуманитарная помощь оказывается, как при бедствиях, так и посредством миротворческих операций. Оказание такой помощи при наличии ЧС осуществляется на добровольной основе. Она оказывается безвозмездно в соответствии с порядком содействия.

Гуманность, беспристрастность и независимость отнесены к основным принципам гуманитарной помощи, которая целенаправленна на спасение и сохранение здоровья наибольшего количества населения, восстановление экономической самостоятельности и территориальной инфраструктуры.

Стоит отметить, что в зависимости от характера ЧС, отношений субъектов и объектов порядок организации международной и внутренней гуманитарной помощи различается. При этом, они имеют общие направления, включая безвозмездное снабжение медикаментами, продовольствием, материальными ресурсами и предоставление необходимых услуг для нуждающихся. В рамках оказания гуманитарной помощи предусмотрены: предоставление временного жилья, обеспечение питанием, аварийно-спасательные, медицинские, коммунальные, транспортные, информационные и иные услуги.

Взаимодействие осуществляется между субъектами и объектами. Организации системы ООН и иные международные организации, а также страны — доноры выступают в качестве субъекта в данном случае. Объектом являются граждане, пострадавшие от ЧС, а также органы местного самоуправления и организации, обеспечивающие жизнеобеспечение населения на территории ликвидации ЧС. Международная деятельность по противодействию ЧС оказывается на двухсторонней или многосторонней основе. В целях реализации гуманитарной деятельности и оказания гуманитарной помощи ООН создает специальные органы, комитеты, комиссии, организации. К ним относятся такие, как: Управление ООН по координации гуманитарных вопросов (УКГВ); Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ); Департамента чрезвычайного гражданского планирования (ДЧГП); Международный Комитет Красного Креста; Международная организация гражданской обороны (МОГО); Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и некоторые другие [1].

МЧС России при оказании гуманитарной помощи основывается на международных правовых актах и законодательство РФ, включая конституционные нормы, федеральное законодательство и иными нормативно-правовыми актами, предусмотренными для регулирования деятельности в области природной и техногенной безопасности.

Оказывая гуманитарную помощь иностранным гражданам, МЧС России формирует номенклатуру объема грузов, производит его закупку из федерального бюджета. При необходимости производится выпуск материальных ценностей. В этой связи российские нормативно-правовые акты подлежат дополнениям, так как ими соблюдается соответствие договорно-правовой базы ме-

ждународного сотрудничества. В области нормотворчества по гуманитарному реагированию необходимы изменения актов в соответствии с развитием научно-технической информации, а также дополнения в связи с положительным опытом деятельности, связанным с ликвидацией ЧС и оказанием гуманитарной помощи.

Приоритетными в правовом регулировании оказания международной гуманитарной помощи является договорные соглашения с другими странами. Также МЧС России учитывает нормы российского законодательства. 11 ноября 1994 года Государственная Дума приняла Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [2], обеспечивающий правовые основы защиты населения, земель и территорий России от катастроф природного и техногенного характера. Закон устанавливает общие правила обеспечения безопасности граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся в пределах границ страны, а также обеспечивает защиту промышленных и социальных объектов, воздушного пространства, водных ресурсов и природной среды.

Благодаря нормативно-правовой базе МЧС России обеспечило возможность практической международной деятельности по ликвидации последствий стихийных бедствий и решению гуманитарных задач [3]. В нормативно-правовой базе Министерство объединило как национальный, так и международный опыт. Стоит отметить, что МЧС является службой помощи, которая занимает одно из ведущих мест в международной системе экстренного гуманитарного реагирования на техногенные катастрофы и иные ЧС природного характера.

МЧС России приоритетным направлением определяет взаимодействие и кооперирование гуманитарных сил. Также в этой сфере МЧС России взаимодействует с государствами-участниками СНГ на основании Указа Президента РФ от 14.09.1995 года [4]. Этот Указ был взят за основу большого количества заключаемых международных договоров, как двухсторонних, так и многосторонних.

Определение видов услуг оказания помощи и порядок ее предоставления регулируется ведомственными нормативно-правовыми актами. Контроль за реализацией и соответствием оказания действий, связанных с ликвидацией ЧС и оказанием помощи гуманитарными силами осуществляет Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий федеральными государственными учреждениями в качестве основных видов деятельности. Данное положение регламентировано приказом МЧС России от 28.01.2013 № 52 [5].

Помимо этого, регламентация вопросов оказания гуманитарной помощи осуществляется посредством Приказа МЧС от 14.08.2019 года № 425 «Об организации управления МЧС России при реагировании на чрезвычайные ситуации» [6].

Согласно положению данного Приказа, Департамент надзорной деятельности и профилактической работы

в рамках своей деятельности контролирует проведение противопожарных мероприятий в местах дислокации сил и средств, которые участвуют в ликвидации ЧС, пунктах временного размещения населения и пунктах размещения и выдачи гуманитарной помощи нуждающимся, которые пострадали от чрезвычайной ситуации. Департамент тылового и технического обеспечения принимает участие в разработке предложений по выпуску из государственного резерва материальных ценностей, которые предназначены для обеспечения неотложных работ при ликвидации последствий ЧС и оказания гуманитарной помощи. Департамент международной деятельности по решению руководства МЧС России осуществляет подготовку проектов докладов Президенту РФ и/или Правительству РФ о целесообразности запроса к мировому сообществу или к определенным иностранным государствам в содействии осуществления аварийно-спасательных работ на территории РФ или в предоставлении грузов гуманитарной помощи.

Доставка гуманитарной помощи осуществляется посредством российского национального корпуса чрезвычайного гуманитарного реагирования МЧС России. Решение организационных вопросов обеспечивает Департамент международной деятельности МЧС России. Закупка товаров гуманитарной помощи осуществляется согласно ст. 82 Федерального закона от 5.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Отсутствующие в перечне закупок товары, необходимые в качестве гуманитарной помощи при необходимости и ускорении процедуры закупаются посредством размещения закупки у един-

ственного поставщика данного товара. В Распоряжении Правительства РФ от 30.09.2013 года № 1765-р [7] имеется перечень товаров и услуг для оказания гуманитарной помощи при ликвидации ЧС. Считаем целесообразным перечень товаров объединить по группам. Обуславливается данное положение тем, что при ЧС на практике наблюдается идентичная потребность в определенных товарах и услугах.

Перечень содержит классификацию товаров по Общероссийскому классификатору продукции по экономической деятельности.

В основном же реальные потребности нуждающихся свидетельствуют о необходимости предоставления в виде гуманитарной помощи: баночного детского питания, каши, сока, сухарей, печенья, сахара, джема, орехов, сухофруктов, средств санитарии, мыла, шампуня, туалетной бумаги, бумажных салфеток, зубной пасты, подгузников, фонариков, тетрадей и т.д. То есть такие группы товаров, как: детское питание; питание для взрослых; средства ухода за детьми; средства гигиены; канцелярские принадлежности; предметы быта.

Стоит выделить тот аспект, что анализ нормативно-правового регулирования свидетельствует том, что законодательство РФ не имеет единого закона, в содержании которого были бы в совокупности представлены цели, принципы, понятия и правовые основы относительно организации оказания гуманитарной помощи нуждающимся, пострадавшим от ЧС.

Некоторые регламентирующие акты относятся к Министерству труда РФ, некоторые к Министерству здравоохранения и т.д. При этом они занимаются организационно-техническим обеспечением.

Литература:

1. Сидоренко Н. М. Сидоренко Д. А. Некоторые практические аспекты оказания безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Право. 2000. С. 181–191.
2. Федеральный закон от 21.12.1994 года № 68 — ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/7c4b1048bf6b8378a01c17d30c922cf334fcf5ee/
3. Овчинникова А. В., Костылев Д. Н., Разводов М. А. Основные задачи деятельности ЦУКС МЧС России // Мировая наука. — 2019. — № . 9. — С. 176–179.
4. Указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 1995 г. «Об утверждении стратегического курса развития отношений Российской Федерации с государствами — участниками СНГ» // <https://muswars.ru/gumanitarnaya-pomoshch-zakonodatelnaya-baza-rossiiskoi-federacii-i-osnovnye/>
5. Приказ МЧС РФ от 28 января 2013 г. N52 «Об утверждении ведомственного Перечня государственных услуг (работ), оказываемых (выполняемых) находящимися в ведении Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий федеральными государственными учреждениями в качестве основных видов деятельности» // <https://base.garant.ru/58058177/>
6. Приказ МЧС от 14.08.2019 года № 425 «Об организации управления МЧС России при реагировании на чрезвычайные ситуации» // <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mchs-rossii-ot-14082019-n-425-ob-organizatsii/>
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2013 г. № 1765-р «Об утверждении перечня товаров, работ и услуг, необходимых для оказания гуманитарной помощи либо ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152669/

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 37 (536) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 25.09.2024. Дата выхода в свет: 02.10.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.